П. Сергѣенко.

О ТОЛСТОМЪ

py
v/n

О ТОЛСТОМЪ

ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХЪ НАЦІЙ.

Подъ редакціей П. А. Сергѣенко.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ II.

Изданіе В. М. Саблина.

Москва. — 1911.

LIBRARY
FEB 10 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3385
S392
1911
t. 2

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 131-31.
Москва.—1911.

М. П. Новиковъ.

ПИСЬМА КРЕСТЬЯНИНА.

I.

Дорогой другъ, я былъ у Льва Николаевича Толстого...

И все произошло само собою и такъ просто. Какъ оказалось, у меня и не было никакой вѣры, какой, вообще говорятъ, что вѣритъ нашъ народъ и какая, будто, можетъ мѣшать общенію съ Толстымъ. У меня была не вѣра, а не провѣренное довѣріе къ чужимъ словомъ. И какъ только это разсѣялось, мнѣ понадобился Толстой. И, будучи въ Москвѣ, я пошелъ къ нему...

Нѣсколько разъ я приходилъ въ Хамовническій переулокъ къ дому № 21, въ которомъ въ то время по зимамъ жилъ Толстой, и нѣсколько разъ уходилъ обратно, не рѣшаясь проникнуть сквозь чуждую мнѣ перегородку городскихъ условностей—со звонками, дворниками, лакеями, докладами. Но мысли не давали покоя и тянули къ нему. И я, волнуясь и стыдясь, переступилъ порогъ...

У графа было съ десятокъ посѣтителей: студенты, семинаристы, пожилые и серьезные господа ученаго типа, молодыя дѣвицы изъ учащихся и простые рабочіе изъ слесарей и фабричныхъ.

Когда я вошелъ, Л. Н. поздоровался со мною, поправилъ мое обращеніе къ нему «ваше сіятельство», замѣтивъ мнѣ серьезно, что его зовутъ «Львомъ Николаевичемъ и только».

— Безъ всякаго сіятельства, которое придумано людьми для низменныхъ цѣлей.

Затѣмъ указалъ мнѣ на свободное мѣсто на одномъ изъ двухъ кожаныхъ креселъ, и разговоръ продолжался. Одинъ изъ двухъ семинаристовъ держалъ въ родѣ покаянной рѣчи и разсказывалъ о томъ, какъ онъ жилъ дурно (съ подробностями о непотребныхъ дѣлахъ) и о томъ, какъ онъ хотѣлъ кончить семинарію только для того, чтобы составить карьеру и добыть легкую жизнь, какъ это дѣлаютъ люди его сословія, но что потомъ, въ самомъ разгарѣ его дурной жизни и ожесточенія сердца, ему было видѣніе или какое-то озареніе, словомъ, что-то особенное, отъ чего онъ сразу понялъ и истину, и ложь своей жизни.

Л. Н., казалось, тяготился покаянной рѣчью семинариста. Но семинаристъ, видно, не замѣчалъ этого и продолжалъ свою исторію.

— Теперь, Л. Н., — говорилъ онъ, — я рѣшилъ исправить свою жизнь, рѣшилъ не учиться тому, чтобы обманывать народъ и жить на его шеѣ... Только вы помогите мнѣ покончить съ моею старою жизнью.

Кромѣ грѣховъ, я надѣлалъ еще и долговъ. И мнѣ нужны сейчасъ полтораста рублей, иначе я останусь подлецомъ передъ товарищами и родителями. Одолжите мнѣ на время 150 рублей.

— И я, Л. Н., хотѣла попросить у васъ 50 р.,— смущенно сказала одна изъ дѣвушекъ, — я давно хотѣла и все не рѣшалась, у меня мать больная. А мнѣ осталось три мѣсяца до экзамена, мы страшно нуждаемся...

И разговоръ оборвался. Видимо было, что всѣ смутились отъ такихъ неожиданныхъ выводовъ изъ покаянныхъ исторій. И всѣмъ стало неловко. Ученый мужъ и двое студентовъ наскоро откланялись и ушли.

— У меня сегодня такой ужъ счастливый день,— заговорилъ Л. Н., — сейчасъ просятъ 200 р., а давеча утромъ какая-то барыня изъ Швейцаріи прислала письмо, въ которомъ пишетъ, что у ней вышли всѣ средства, а дочери ея необходимо кончить консерваторію, и проситъ прислать ей 500 р. Иногда просятъ и по тысячѣ, и по двѣ. И вообще не проходитъ дня, чтобы не было такихъ просьбъ. Я уже, — улыбнулся Л. Н., — одно время думалъ: не добыть ли мнѣ кошелекъ съ неразмѣннымъ рублемъ, чтобы удовлетворять всѣ эти просьбы. Но подумалъ: у меня вѣдь не будетъ тогда времени ни работать, ни отдыхать, и всѣ 24 часа я вынужденъ буду только доставать изъ кошелька рубли. А кругомъ желающихъ все больше будетъ прибывать. И я оставилъ мысль о кошелькѣ, разъ навсегда рѣшивши, не отвѣчать на такія пись-

ма... Странные люди! Просятъ того, чего у меня нѣтъ, и не указываютъ, откуда мнѣ достать нужныя имъ деньги.. — Вы мнѣ скажите, — обратился Л. Н. къ говорившему семинаристу, — гдѣ мнѣ взять для васъ эти 150 рублей?

Семинаристъ смутился, покраснѣлъ и заговорилъ про литературную работу Л-а Н-а, про то, что одна страница его писаній спасла бы семинариста отъ позора долговъ... Но Л. Н. остановилъ его и сказалъ, что онъ давнымъ-давно отказался отъ авторскаго вознагражденія и не получаетъ за свою работу денегъ. Тогда семинаристъ началъ просить, чтобы Л. Н. сдѣлалъ исключеніе и продалъ бы за деньги какой-нибудь маленькій разсказъ. Л. Н. прочиталъ письмо барыни изъ Швейцаріи, гдѣ барыня просила сдѣлать для нея исключеніе и продать нѣсколько страницъ своей работы, прочиталъ и изъ другого письма, то же и изъ третьяго. И всѣ просили сдѣлать для нихъ исключеніе.

— Тогда какъ же мнѣ быть? — сказалъ Л. Н. — Для кого мнѣ сдѣлать исключеніе?

Семинаристъ замялся, но сталъ говорить, что работа Л. Н. такъ дорого оплачивается, что хватило бы на всѣхъ и не пришлось бы никому отказывать въ помощи.

Левъ Николаевичъ развелъ руками и, обращаясь ко всѣмъ, въ особенности же къ рабочимъ, сказалъ:

— Слышите, что мнѣ совѣтуетъ молодой человѣкъ. Онъ совѣтуетъ мнѣ стать первымъ благодѣтелемъ въ мірѣ и самымъ дурнымъ человѣкомъ, какого только

можно вообразить. Онъ совѣтуетъ мнѣ продавать, какъ можно дороже, писательскій трудъ. Хорошо, я послушаюсь. Издатели будутъ давать мнѣ деньги, а сами собирать съ богатыхъ людей, съ фабрикантовъ, купцовъ, помѣщиковъ; тѣ въ свою очередь возьмутъ съ мужиковъ, съ рабочихъ, словомъ, изъ народной казны. А такъ какъ я буду продавать дорого, то и имъ понадобится много денегъ на дорогія книжки, и они должны будутъ найти новые способы, чтобы собирать эти деньги съ народа; купецъ возьметъ лишнюю копейку за фунтъ сахару; священникъ — лишній пятачокъ на панихиду; помѣщикъ — лишній рубль за аренду мужикамъ земли; фабрикантъ убавитъ гривенникъ рабочему и т. д. Такимъ путемъ я соберу много тысячъ рублей. И что же? — обратился Л. Н. ко мнѣ и рабочимъ, — куда бы я сталъ ихъ дѣвать? По совѣту молодого человѣка: швейцарской барынѣ я долженъ помочь, кончить консерваторію, для того, чтобы она тѣмъ же способомъ стала бы собирать съ народа деньги и тратить ихъ на дорогіе, модные костюмы; другой барынѣ помочь купить рояль, для того, чтобы ея дочери, вмѣсто того, чтобы готовиться стать матерями и выучиться шить, стирать, печь хлѣбъ и т. п., — выучились пѣть и играть романсы и, разрядившись въ туалеты, летали по вечерамъ, гдѣ собираются такіе же бездѣльники, чтобы плѣнять ихъ своимъ пѣніемъ и завлекать; третьимъ помочь кончить курсы для того, чтобы они потомъ, вмѣсто нужной работы, болтали въ судахъ, или на бумагѣ, и брали за это съ народа мно-

го денегъ; четвертому и т. д. Такъ какъ же? Одобрили бы вы такой способъ моей благотворительности? — спросилъ Л. Н. у рабочихъ. — Вы меня извините, добавилъ онъ, — обращаясь къ ученой молодежи, что я обращаюсь съ этимъ вопросомъ не къ вамъ, а къ нимъ, — указалъ онъ на насъ, — вѣдь придется собирать деньги съ нихъ, чтобы помогать нуждающимся нашего круга. Вотъ они и въ правѣ первые сказать, согласны ли они давать на это?

Рабочіе засмѣялись, и одинъ изъ нихъ, высокій, худой фабричный, глухимъ голосомъ обратился къ семинаристу:

— Мы, господа, вмѣсто завтрака ѣдимъ только хлѣбъ или хлебаемъ кипятокъ, облитый на селедку; мы не имѣемъ лишній разъ купить фунтъ бѣлаго хлѣба больнымъ; у насъ мрутъ почти всѣ дѣти, такъ какъ мы не имѣемъ ни времени, ни средствъ, чтобы содержать ихъ какъ слѣдуетъ, — такъ насъ вы ужъ оставьте въ покоѣ. Намъ не нужны ваши науки и древніе языки; не нужны ни рояли, ни консерваторіи. Вы ими давно занимаетесь, а мы все въ нищетѣ. И не только намъ лучше не сдѣлали ваши науки, а все труднѣе и труднѣе стало прокармливаться.

Студенты заспорили и, оправдывая науки, стали доказывать, что безъ наукъ жить нельзя, что науки двигаютъ и духовную и матеріальную жизнь человѣка, что нужно только, какъ и все, соціализировать науки, чтобы всѣ могли учиться и древнимъ языкамъ, и исторіи, и современной техникѣ... И, чтобы все было до-

ступно всѣмъ, нужно добиться прежде всего парламента съ тайной и равной подачей голосовъ и, черезъ это учрежденіе, добиться «обобществленія труда и орудій производства», что тогда и всѣ науки получатъ примѣненіе и всѣмъ будутъ доступны...

— Теперь-то вы, господа,—перебилъ рабочій,—все про народъ тары-бары разводите. А какъ получите дипломы, такъ сейчасъ скорѣе на теплое мѣстечко съ окладомъ пристроитесь и про народъ забудете. Развѣ только кучеръ или лакей понадобится. Ну, тогда и вспомните, что народъ такой есть, изъ котораго лакеи добываются. А не понадобится, такъ, пожалуй, и не вспомните.

Студенты опять заспорили, оправдывая и себя, и науку. Но каявшійся семинаристъ, получившій указаніе свыше, рѣшилъ, очевидно, не уходить безъ 150-ти рублей и опять, не слушая разговора, сталъ просить Л-а Н-а выручить изъ бѣды, чтобы покончить со старой грѣховодной жизнью и начать жить по-новому.

— Иначе, — говорилъ онъ, — мнѣ придется давать векселя. А чтобы мнѣ повѣрили, я вынужденъ буду кончить семинарію и братъ первое мѣсто священника или дьякона. А я не хочу этого. Я хочу работать.

— Но вы вѣдь слышали, — сказалъ Л. Н., — что рекомендуемый вами способъ, добыть денегъ, осужденъ рабочими. И я съ ними согласенъ. Какъ же я могу удовлетворить вашу просьбу? Откуда мнѣ взять столько денегъ?

— Возьмите у вашей жены... Возьмите изъ имѣнія...

— У меня нѣтъ никакихъ имѣній. А жена также можетъ спросить: гдѣ ей взять денегъ?...

— Какъ у васъ нѣтъ имѣній? Но вѣдь вы чѣмъ же нибудь живете, чѣмъ-нибудь кормитесь? — спросилъ, перебивая, семинаристъ.

— О, да! — сказалъ Л. Н. — Я очень плохой человѣкъ и живу на чужой счетъ, какъ приживальщикъ. Меня многому научили, но «какъ добывать самому свой хлѣбъ», такъ и не выучили. Теперь я уже старъ, чтобы учиться. Но я хоть тѣмъ утѣшаюсь, что никогда не забываю своего грѣха передъ народомъ и отъ людей страюсь братъ какъ можно меньше. И мнѣ никогда не можетъ понадобиться такъ много денегъ, какъ вотъ тѣмъ, что мнѣ пишутъ. Вы говорите, чтобъ я изъ имѣнія досталъ денегъ. Но могутъ сказать, что тамъ мужики не платятъ за аренду, а рабочіе не хотятъ работать. Какъ же быть? На мужиковъ подать въ судъ и судомъ у нихъ сдѣлать продажу, а на работниковъ пожаловаться становому, чтобы онъ на нихъ сдѣлалъ наскокъ и угрозами заставилъ ихъ работать? Но захотите ли вы воспользоваться деньгами мужика, у котораго по суду продали корову, а тѣмъ болѣе захотятъ ли сами мужики продавать своихъ коровъ на наши съ вами долги?

— Левъ Николаевичъ, — сказалъ одинъ студентъ, — вы не признаете, стало быть, денежной помощи?

— Нельзя сказать, — отвѣтилъ Л. Н., — что не признаю совсѣмъ. Но я считаю этотъ способъ помощи самымъ послѣднимъ и самымъ неудовлетворительнымъ.

Если вы читали мою книгу «Какова моя жизнь», то вы знаете, какъ трудно помогать деньгами. Главное потому, что въ деньгахъ нуждаются всегда болѣе худшіе люди. Вы меня извините, что я такъ выражаюсь,— обратился онъ къ семинаристу, — но посудите сами: проситъ у васъ человѣкъ дать ему борону или соху; вы заранѣе можете быть увѣрены, что если дадите, то будетъ вспахана полоса; проситъ мужикъ подсобить поднять ему на дорогѣ завязшій возъ; опять вы заранѣе можете быть увѣрены, что если, не боясь выпачкаться, поможете вытащить возъ, то мужикъ поѣдетъ дальше; то же самое, если попроситъ баба, у которой нѣтъ коровы, горшокъ молока для заболѣвшаго ребенка... Во всѣхъ этихъ случаяхъ помогающій человѣкъ можетъ быть увѣренъ, что его помощь принесетъ пользу просящему. Не то совсѣмъ съ денежной помощью. Проситъ барыня на рояль или на окончаніе консерваторіи ея дочерью. И сейчасъ возникаютъ трудные вопросы: «а нужны ли еще эти рояли и консерваторіи?» Просятъ на окончаніе курсовъ или на поѣздку за границу. И опять сомнѣнія. Или вотъ еще: проситъ нищій на хлѣбъ пятачокъ или человѣкъ безъ должности двугривенный на хлѣбъ и ночевку. И тоже сомнѣніе: не пропьютъ ли они твой пятачокъ? Или: почему они нищенствуютъ? Даже мужику, у котораго пала корова, и то безъ опасенія нельзя повѣрить деньги. Ужъ слишкомъ великъ соблазнъ, истратить ихъ зря, или на другое, не очень нужное. Деньги вѣдь то же самое, что вексель: по нимъ такъ и хочется сейчасъ

же предъявить къ людямъ взысканіе и сейчасъ же что-нибудь отъ нихъ получить. Въ рукахъ человѣка, обмѣнивающаго на деньги свой трудъ, онѣ не такъ страшны и опасны. Но въ рукахъ человѣка, добывающаго ихъ не своимъ трудомъ, деньги — страшное орудіе порабощенія. Человѣкъ, живущій на купоны, или получающій большое жалованье за фиктивный трудъ, или получающій деньги за аренду земли, или нищій, который выпросилъ у васъ гривенникъ, — все это — люди, которые ничего не произвели нужнаго, а съ помощью векселей-денегъ болѣе другихъ предъявляютъ къ людямъ требованія... Вотъ и мнѣ теперь совѣтуютъ: отобрать всѣми правдами и неправдами у рабочихъ людей имущество и отдать его на интеллигентныя затѣи.

— Левъ Николаевичъ! — воскликнулъ семинаристъ. — Что же мнѣ дѣлать? Мнѣ такъ нужно, такъ нужно...

— Не могу сказать,—отвѣчалъ Л. Н.,—что нужно вамъ сдѣлать. Очень трудно совѣтовать, такъ какъ у всѣхъ свои наклонности. А вотъ чего вамъ не нужно дѣлать, это я могу сказать: не дѣлайте ничего такого, что не приноситъ вамъ и близкимъ вамъ людямъ блага. Идите въ какую-нибудь работу; и тѣ, кому вы должны, увидѣвши ваше желаніе трудиться, подождутъ данныя вамъ деньги; вы сами расплатитесь съ вашими долгами и сами на себѣ понесете вину старой жизни.

— Ахъ, это такъ долго! — съ тоскою сказалъ семинаристъ.

— А вы какъ же хотите? Царство Божіе нудится и

берется усиліемъ, иначе это будетъ не серьезное намѣреніе, начать лучшую жизнь. И я вамъ совѣтую серьезно провѣрить себя...

Опечаленный неудачей семинаристъ и его товарищъ ушли; не попрощавшись съ рабочими, ушли и студенты. Мнѣ и рабочимъ сразу стало какъ-то легче. И мы оживленно заговорили со Львомъ Николаевичемъ.

— Насколько люди нашего круга, — сказалъ онъ, — отдалились отъ правды, что даже тогда, когда они сознаютъ свою неправоту, — и тогда имъ нѣтъ выхода изъ старой лжи... Какъ мы запутались! Одинъ говоритъ: «Да, я согласенъ, что мы живемъ дурно и хочу исправиться; но если я брошу службу, отъ которой нѣтъ никому никакой пользы, то мнѣ нечѣмъ будетъ жить». И какъ выводомъ изъ такого, по его мнѣнію, труднаго положенія, является просьба денегъ. Другой проситъ дать ему возможность доучиться играть на рояли, третій — кончить курсъ. И никто прежде всего не хочетъ бросить легкую жизнь и, ставши въ положеніе рабочаго народа, жить его трудовой жизнью и тамъ, среди народа, или рабочихъ, одержимыхъ недугами, суевѣріями, пьянствомъ и невѣжествомъ, приносить пользу своими повышенными знаніями. Этого нѣтъ... Нѣкоторые и хотятъ жить лучшей жизнью, но опять же не съ кѣмъ, чтобы прежде всего самимъ обслуживать свои потребности, а, минуя этотъ самый важный этапъ, хотятъ итти учить народъ, который все-таки, несмотря на все свое невѣжество, стоитъ неизмѣримо выше насъ въ нравственномъ отношеніи...

— Вѣдь стоитъ только сравнить,—продолжалъ Л. Н.,—проявленія душевныхъ порывовъ у людей вашего круга съ такими же проявленіями кающихся интеллигентовъ, чтобы видѣть всю несостоятельность этихъ послѣднихъ на пути совершенствованія. Представьте себѣ мужика, который, сознавши грѣховность своей жизни, началъ бы тяготиться ею. Что будетъ онъ дѣлать? Если это вѣрующій церковной вѣрой, онъ станетъ трудить себя постами и молитвами, будетъ давать и исполнять обѣты, пойдетъ куда-нибудь вдаль на богомолье, будетъ строго соблюдать и почитать праздники, подавать милостыню и т. п. Если же онъ не вѣрующій церковной вѣрой, а сектантъ-раціоналистъ, онъ будетъ отвыкать отъ пьянства, отъ табаку, отъ сквернословія. Перемѣнится къ лучшему въ своихъ отношеніяхъ къ семьѣ и окружающимъ его людямъ, будетъ стараться помогать другимъ людямъ, забывать и прощать имъ обиды. Во всѣхъ такихъ случаяхъ они будутъ видѣть только свое несовершенство и напирать только на самихъ себя. Имъ и въ голову не придетъ кого-то учить, кому-то разсказывать ученыя сказки и проч. Передъ нами будетъ стоять только ихъ грѣхъ, отъ котораго имъ нужно избавиться... Иное дѣло непростыхъ людей. Тутъ, какъ вы видѣли, первый шагъ къ лучшей жизни сопряженъ—у одного съ полтораста рублями, у другого—съ 50-ю, у третьяго—съ 1000, безъ которыхъ имъ, будто, нельзя начать лучшей жизни... И придумываются всевозможные компромиссы, чтобы, оставаясь на шеѣ у трудящагося класса,

служить бы этому классу... Разумѣется, въ такой дѣятельности могутъ быть благія усилія, но пользы никому никакой, какъ ея не можетъ быть, если бы неразумный мужикъ, не слѣзая съ телѣги, вздумалъ бы подсоблять лошади везти телѣгу на гору...

Затѣмъ Л. Н. началъ разспрашивать рабочихъ, какъ они живутъ, что дѣлаютъ, чѣмъ наполняютъ свободное время?

— Водкой, пьянствомъ, — въ одинъ голосъ отвѣтили рабочіе.

— Да и откуда взяться иному, хорошему?—сказалъ одинъ изъ нихъ. — Трубы, дымъ, смрадъ, стукъ, гамъ... Тутъ и свѣжему человѣку въ одинъ годъ душу вымотаетъ. Посудите сами, Левъ Николаевичъ, что изъ этого смрада и шума можетъ родиться путнаго? Чужая машина, чужая работа. Развѣ она можетъ принести какое-нибудь удовлетвореніе? А въ этой работѣ проходитъ вся жизнь. Стой у верстака и дѣлай гайки, или винты, или заправляй станки, верти колеса, стругай, долби. И все время только и думай, только и остерегайся: какъ бы тебя машина не съѣла, или уродомъ не сдѣлала... Но вотъ придетъ праздникъ... выскочишь изъ этого ада, обрадуешься... А итти, какъ въ трактиръ и некуда больше. Мужикъ, такъ тотъ хоть въ лѣсъ пойдетъ: траву посмотрѣть, грибовъ поискать, на свою полосу заглянетъ, которую онъ любитъ и которой радуется. А мы куда пойдемъ? На хозяйскіе корпуса любоваться? Или на тѣ обозы, которые нашу работу увозятъ неизвѣстно куда? Такъ все это намъ

и за недѣлю опротивѣло. А думать! О чемъ? Не о чемъ. Все за насъ выдумано и по часамъ да по стрункамъ налажено... Ну, подхватишь друга-пріятеля, ай мамзель какую, и айда въ трактиръ! А тамъ ужъ и «сударушку» поютъ, и трепака откалываютъ. Веселись, душа! Тутъ у насъ и родство и знакомство заводится. Тутъ же всенепремѣнно и скандалы, и драки. А загудитъ поутру гудокъ, нахмуришься, покряхтишь и пойдешь колеса вертѣть, долбить, станки заправлять... И опять такъ до праздника, до новаго кутежа и скандала...

— Это ужасно! — воскликнулъ Л. Н. — Вѣдь это то же, что дѣланіе пирамидъ... хуже, тамъ была идея, грубая, низменная, но — идея: обожествленіе фараоновъ и увѣковѣченіе ихъ памяти. А тутъ то же рабство, но только для того, чтобы одинъ человѣкъ губилъ свою жизнь въ порокахъ и праздности въ то время, какъ тысячи другихъ людей будутъ губить свои жизни въ дыму и смрадѣ. И это называется «раздѣленіемъ труда», «прогрессомъ»!.. Вы думаете, — обратился Л. Н. къ рабочимъ, — что вы фабрикуете товары, нѣтъ, фабрики передѣлываютъ хорошихъ людей въ плохихъ... И Богъ знаетъ, куда это зайдетъ, если люди не одумаются и не возстановятъ нарушенной ими связи съ Богомъ!..

На этомъ мы и разстались со Львомъ Николаевичемъ.

Когда я входилъ къ нему въ домъ, я былъ страшно взволнованъ предстоящей встрѣчей. Я мнилъ въ

лицѣ графа увидѣть что-то особенное, тѣмъ болѣе, что такое большое лицо я готовился видѣть въ первый разъ въ моей жизни. Когда же, попрощавшись, я выходилъ отъ него, я былъ такъ радостно спокоенъ, точно исполнилъ какой-то давнишній обѣтъ, а, главное, почувствовалъ во Львѣ Николаевичѣ самаго близкаго мнѣ человѣка. Неравенство положеній исчезло. Я видѣлъ передъ собой человѣка искренняго и серьезнаго, который, несмотря на свою знатность, не стѣсняется каждому встрѣчному сказать правду о себѣ самомъ, не стѣсняется признаться, что онъ не знаетъ того, что знаетъ всякій мужикъ, всякій дикарь, всякое животное и насѣкомое: «какъ прокормить самому себя своимъ трудомъ»...

Вотъ эта-то искренность и привязала меня къ нему сразу. И когда я еще пойду къ нему, то пойду какъ къ близкому и дорогому человѣку, которому можно сказать все и не встрѣтить враждебности...

II.

Протекло болѣе года послѣ моего перваго свиданія со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ.

Я опять былъ у него. Онъ не забылъ меня и встрѣтилъ какъ брата. А я и не могъ его забыть, потому что Толстого не забываютъ. Всего одинъ годъ! Но какъ онъ измѣнилъ мои мысли! Не слѣдуетъ, однако, думать, будто онъ владѣетъ какой-то истиной, кото-

рая измѣняетъ всякаго, кто побываетъ у него. Никакой такой истины у него нѣтъ. Его вліяніе на искреннихъ людей состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ затронуть въ слушателѣ самого слушателя, найти въ тебѣ что-то такое, что ты и самъ не зналъ, что оно есть въ тебѣ. Вѣдь всякій смотритъ на жизнь въ какую-нибудь особенную щель. Вотъ Толстой непремѣнно выведетъ тебя изъ твоей щели и покажетъ, что ты человѣкъ и полный хозяинъ своего дѣла.

Мы опять разговорились. Рѣчь зашла о злѣ и благѣ жизни.

Я спросилъ:

— Левъ Николаевичъ, а откуда я могу узнать, что есть зло, а что благо? Вѣдь дерева райскаго теперь не сыщешь, чтобы, вкусивши отъ него, получить даръ познанія.

— Да оно, это дерево, — отвѣтилъ Л. Н., — въ каждомъ человѣкѣ растетъ. И стоитъ только человѣку отдѣлить себя отъ толпы и перестать рабски подражать окружающей жизни, перестать поклоняться кумирамъ и чужой мудрости, какъ сейчасъ же онъ и почувствуетъ въ себѣ это самое дерево и волей неволей остановится, чтобы подумать надъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ; а изъ этого ужъ само собой начнетъ расти и чудесное дерево. Вѣдь если я, отдѣлившись отъ толпы, додумаюсь хоть только до того, что грѣхъ есть то, отъ чего бываетъ худо людямъ и наоборотъ, то и тогда уже моя дѣятельность измѣнится къ лучшему и разойдется съ дѣятельностью толпы. Если же чело-

вѣкъ додумается, наконецъ, до евангельскаго пониманія своей сыновности къ Богу, тогда древо познанія расцвѣтетъ въ немъ дивными цвѣтами, которые не могутъ уже оставаться незамѣтными и для другихъ людей...

Когда я въ первый разъ шелъ къ Толстому, долженъ признаться, я шелъ къ нему, какъ фарисей, чтобы испытать его. Но я былъ наивенъ и задавалъ ему наивные вопросы. Я спрашивалъ его:

«Всякая ли власть отъ Бога? Грѣхъ ли ѣсть въ пятницу молоко? Скоро ли наступитъ царствіе Божіе, когда и мужикамъ можно будетъ ѣсть хлѣбъ досыта? Сколько на свѣтѣ угодниковъ? Какая вѣра лучше всѣхъ?» и т. п. И хотя Л. Н. за общимъ разговоромъ посѣтителей и не могъ понять и отвѣтить на всѣ мои вопросы, но, побесѣдовавши съ нимъ, я и самъ началъ разбираться во многихъ вопросахъ и рѣшился при слѣдующемъ свиданіи съ Толстымъ лучше молчать, чѣмъ задавать такіе вопросы.

Но Л. Н. не забылъ о нихъ и, весело улыбаясь, самъ заговорилъ:

— Ну, что же, вы и теперь все еще не знаете: «какая вѣра лучше всѣхъ и когда люди будутъ жить такъ, чтобы мужикамъ можно было ѣсть досыта хлѣбъ»?..

Мнѣ было неловко, и я сталъ увѣрять, что я теперь «все знаю» и не стану больше задавать такихъ наивныхъ вопросовъ. Но въ душѣ я былъ радъ, что Л. Н. не забылъ моего посѣщенія.

Какъ и въ первый разъ, у него были посѣтители

разныхъ званій. Были и мужики-сектанты, подобно мнѣ, ищущіе истины. Былъ оживленный разговоръ о Богѣ, о вѣрѣ, о христіанствѣ.

Фабричные рабочіе, видимо, проникнутые отбросами городской культуры и хвостами всякихъ наукъ, говорили:

— Бога придумали попы въ угоду богатымъ людямъ, чтобы было чѣмъ угрожать бѣднымъ, на тотъ случай, если бы они вздумали супротивничать и не повиноваться богатымъ; и что съ тѣхъ поръ, какъ придумали слово «Богъ», богатые славно живутъ и величаются надъ бѣдными, имѣя въ этомъ словѣ опору противъ зависти бѣдныхъ...

— Неправда! — горячо возразилъ мужикъ-раскольникъ. — Въ писаніи сказано: «Богъ сотворилъ человѣка по образу своему и подобію»... Мужчину и женщину сотворилъ... Стало-быть, попы послѣ изъ людей пошли. И ихъ еще не было, когда былъ Господь Богъ.

— Что вы намъ на «писаніе» указываете, — загорячился рабочій слесарь. — Развѣ Богъ писаніе писалъ? Люди писали. Мало ли какихъ писаній писалось? Попы же изъ нихъ каноны составили и то, что имъ выгодно было. А вы про писаніе... Въ писаніяхъ же сказано, что Богъ на небѣ живетъ. А въ другихъ писаніяхъ сказано, что и неба-то вовсе нѣтъ. Вотъ и вѣрь писаніямъ.

— Э, вы вотъ куда ударились! — въ свою очередь загорячился раскольникъ. — По-вашему — и Бога нѣтъ! Ничего священнаго нѣтъ!.. Одинъ карманъ остался...

Такъ?.. А откуда же, позвольте васъ спросить, въ людяхъ добро живетъ, какъ не отъ Бога? Нѣтъ, безъ Бога мы пропали бы какъ черви.

— Да я, старина, — отвѣтилъ рабочій, — и не спорю о томъ, есть ли Богъ или нѣтъ. Откуда это намъ знать? А я о томъ, что Бога-то всякъ по-своему понимаетъ. И всякъ норовитъ Его на себя похожимъ сдѣлать. А отъ этого и худо намъ — бѣднотѣ. Кабы наша власть, мы бы Его иначе велѣли понимать...

Л. Н. разговаривалъ съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ господиномъ въ очкахъ, но прислушивался и къ спору раскольника со слесаремъ и то улыбался, то тревожился за недружелюбныя нотки, которыя слышались въ голосахъ спорящихъ. Затѣмъ онъ всталъ и подошелъ къ спорившимъ.

— По-моему, — сказалъ Л. Н., — вы оба правы. Но бѣда въ томъ, что вы понимаете Бога всякій по-своему. Я думаю, что молодой человѣкъ правъ, — указалъ Л. Н. на рабочаго, — въ томъ, что, дѣйствительно, нѣтъ и не можетъ быть такого Бога, которому нужны были бы приношенія отъ людей. Но правъ и онъ, — указалъ Л. Н. на спорившаго старичка, — въ томъ, что безъ Бога, понимаемаго, какъ начало, какъ любовь и добро жизни, людямъ нельзя было бы жить. И люди, дѣйствительно, погибли бы безъ Бога. Да и какъ я скажу: «Бога нѣтъ»«, когда я знаю, что у меня есть жизнь, когда я въ себѣ самомъ чувствую Его, вижу Его въ окружающихъ людяхъ и въ моемъ внутреннемъ сознаніи? Откуда эта жизнь? Откуда мое разумѣніе

жизни? Откуда жалость и любовь къ людямъ и то добро, которымъ живы люди? Этого придумать люди не могли. Это не въ ихъ власти, несмотря ни на какой умъ. Не могли придумать и ваши попы, — засмѣялся Л. Н., обращаясь къ слесарю, — старичокъ вѣрно сказалъ, что поповъ еще не было и въ завѣтѣ, когда люди уже признавали Бога, какъ руководящую основу жизни.

— Вотъ и я, Л. Н., пришелъ къ вамъ нарочно съ тѣмъ, чтобы про это же поговорить, — сказалъ пожилой мужикъ съ сѣдой бородою, въ черной дубленой шубѣ, похожій на пророка Илію.—Вотъ и я тоже, какъ и они, — указалъ онъ на рабочихъ, — вѣру потерялъ въ такого Бога, у котораго за деньги все можно выпросить. Давно я сомнѣвался и мучился, а спросить было не у кого. Разъ спросилъ было и получилъ отвѣтъ: «лукавый тебя мучитъ и искушаетъ—покайся». А въ чемъ каяться-то?.. Читалъ книги и тоже ничего не понялъ. Въ нихъ хуже, чѣмъ въ лѣсу, запутаешься. Ну, и рѣшилъ, по наслышкѣ, къ вамъ навѣдаться.

— Да, очень трудно, — сказалъ Л. Н., — и не простому человѣку разобраться въ писаніяхъ. И я себѣ представляю такъ: если на одно зерно ржи, бывшее у васъ въ рукѣ и отложенное вами, высыпать бы мѣру ржи, то очень трудно, почти невозможно, отыскать нужное вамъ зерно. То же и съ писаніемъ. И въ буддизмѣ, и въ браманизмѣ, и въ магометанствѣ, и вездѣ — ясная мысль о жизни въ Богѣ завалена кучей догматическихъ толкованій. И вамъ я одно могу посовѣтовать: не заражайтесь чтеніемъ писаній. Читайте

какъ можно меньше, а, главное, не обращайте внимания на такія мѣста, которыя ничего не говорятъ вашему сердцу и не затрагиваютъ нравственныхъ основъ жизни. Когда я читалъ и изучалъ писанія, я подчеркивалъ особенно яркія и понятныя мѣста и по нимъ составлялъ себѣ понятіе о цѣломъ, остальное же проходилъ мимо, какъ не касающееся меня.

— А вотъ другіе, — перебилъ Л. Н-ча мужикъ, потерявшій вѣру, — на томъ только и стоятъ, чтобы въ писаніяхъ все признавать отъ крышки до крышки. И сейчасъ меня все писаніемъ донимаютъ, на разные пункты показываютъ. Ну, конечно, сомнительно станетъ, потому языки наши тупы по этимъ дѣламъ...

Разговоръ опять перешелъ на духовенство. Мужикъ, похожій на пророка Илію, сказалъ:

— Все-таки какъ же это безъ поповъ-то? А кто же слову Божію учить будетъ?

Ему возражаютъ:

— Нужно учиться жить по-Божьи и нудить себя къ хорошему. А это всякій и самъ можетъ дѣлать. Вѣдь тутъ же уже установили, что божество проявляется въ людяхъ независимо отъ поповъ. А теперь вы ужъ и тужить о нихъ начинаете.

— Да такъ-то такъ. Но только кто же дѣломъ-то станетъ править? Ну, къ примѣру, родится человѣкъ, али умретъ. Какъ же тогда? Счетъ кто же вести будетъ?

— Не безпокойся, — сказалъ рабочій-слесарь, — сочтутъ и запишутъ безъ поповъ. Счетъ-то не для цар-

ства небеснаго нуженъ, — тамъ и безъ счета примутъ, — а для того, чтобы дань взимать. А мы съ тобой и несчитанные прожили бы. О чемъ тужить вздумалъ: «счетъ»! Все единственно съ тебя же возьмутъ, кто ни запишетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — заволновался раскольникъ. — Я не согласенъ. Церковь издавна учительствовала. Она наслѣдовала апостоламъ, а апостолы Христу. Такъ и сказано въ писаніи, что глава церкви...

— Вы опять за писаніе! — вскинулся слесарь. — А читали вы писанія изъ свода законовъ имперіи? Такъ тамъ иное написано о главѣ церкви. Вотъ и разбери: и то законъ, и это законъ. И опять: ну, «учительствовала», ну, и хорошо! А къ чему привело? Имя Бога удержали, а самого Бога изъ жизни выключили. — Дескать, не мѣшай намъ и безъ тебя управимся. И управляются... А люди, какъ жили плохо, такъ и сейчасъ живутъ плохо, точно волки. Одинъ сытъ, а сотни голодныхъ. Одинъ захватилъ много, а у другихъ нѣтъ ничего... Только та и разница, что прежде били палками и плетьми, а теперь нуждою бьютъ. Прежде ты изъ-подъ палки работалъ, а теперь самъ идешь на работу, потому голодъ-то не тетка.

Разговоръ перешелъ на обычаи и обряды.

Рабочіе и мужики заговорили о томъ, какъ у нихъ проводятъ праздники. Сколько опивается людей на смерть во время свадебъ, крестинъ и похоронъ, сколько развивается зла отъ того, что въ пьяномъ видѣ люди теряютъ самообладаніе.

— Только отпразднуешь одинъ праздникъ, — говорилъ мужикъ въ черной шубѣ, — глядь уже и къ другому готовься. А всякій праздникъ плохо-плохо пятерку станетъ. А побольше какой — и десятью рублями не управишься.

— А кто же васъ заставляетъ такъ праздники справлять?—спросилъ господинъ въ очкахъ.—Развѣ тутъ духовенство повинно, что народъ къ пьянству жаденъ!

— Эхъ, господинъ!—отвѣтилъ мужикъ.—Вы нашей жизни не знаете. Вѣдь у насъ въ праздникъ не принять и не угостить невозможно. У насъ вся наша жизнь такъ поставлена, что попъ, то и приходъ: не принялъ попа и гостей, сейчасъ и въ волки попалъ.

Рабочіе засмѣялись и стали вспоминать изъ своего прошлаго разные случаи. Л. Н. подсѣлъ къ говорившему мужику и сталъ съ нимъ бесѣдовать. Раскольникъ жаловался господину въ очкахъ на стѣснительное положеніе старообрядческой церкви и увѣрялъ, что если бы имъ дали одинаковыя права съ православной церковью, да разрѣшили храмы, колокола и крестные ходы съ иконами, то ихъ древне-православная вѣра «въ короткое время переманила бы въ свое лоно всѣхъ заблудшихъ никоніанъ».

Рабочіе улыбались, слушая раскольника. И когда онъ кончилъ, начинали ему возражать:

— Внѣшняя перестановка церкви ничего не прибавитъ лучшаго въ жизни людей. Для жизни совсѣмъ не важно: пѣть «аллилуія» два раза или три; креститься ли двумя или тремя перстами...

Раскольникъ волновался и страстно доказывалъ свою правоту, приводя тексты изъ Кирилловой книги. Но его не слушали.

— Ахъ, да, — какъ бы спохватился Л. Н., обращаясь къ мужику, потерявшему вѣру, — вы вотъ давеча сказали, что другіе стоятъ на томъ, чтобы вѣрить въ писаніе «отъ крышки до крышки» и ссылаются на слова Христа о томъ, что изъ Его ученія не можетъ выпасть ни одна черта. Я вамъ хотѣлъ отвѣтить тогда, но разговоръ принялъ другое направленіе. А этотъ пунктъ бесѣды я считаю очень важнымъ. Ученіе Христа о томъ, чтобы люди жили, какъ братья, не судились, не обижали другъ друга и вообще не дѣлали бы другимъ того, чего себѣ не желаютъ, — это ученіе, дѣйствительно, неизмѣнно и изъ него не можетъ выпасть ни одна черта. Потому что нравственный законъ жизни неизмѣненъ. Но есть разница въ пониманіи ученія Христа. Когда Христосъ говоритъ о томъ, что изъ Его ученія не можетъ выпасть ни одна черточка, то Онъ имѣлъ въ виду не буквы, не слова писанія, а именно этотъ неизмѣнный нравственный законъ жизни. Когда же другіе говорятъ, то часто имѣютъ въ виду не этотъ законъ, а слова писаній. Въ писаніяхъ же многое появилось и послѣ смерти Христа... А у васъ, — обратился ко мнѣ Л. Н., — были, кажется, тоже столкновенія на этой почвѣ? Разскажите, пожалуйста!

Я разсказалъ, что, потерявши прежнюю вѣру, сталъ жить по новой вѣрѣ и совершенно не пользовался и не пользуюсь услугами духовенства.

— Ну, вотъ вамъ человѣкъ, который живетъ же по своему разумѣнію, — сказалъ Л. Н., обращаясь къ мужику, потерявшему вѣру и отстаивавшему духовенство.

— А какъ же вы сами, Левъ Николаевичъ, къ себѣ поповъ принимаете? — укоризненно сказалъ раскольникъ. Другимъ вы вотъ говорите, что можно жить и безъ поповъ. А сами съ ними связи не разрываете. Я читалъ въ какомъ-то церковномъ журналѣ — въ которомъ вашъ попъ пишетъ, что бываетъ у васъ въ домѣ въ положенные праздники и что ваша жена его принимаетъ честь честью: и молебны ему заказываетъ, и деньги платитъ...

— Да, — сказалъ Л. Н., — мнѣ многіе ставятъ это въ вину. Я и не оправдываюсь. Но спрошу васъ, что мнѣ дѣлать, если въ домъ придетъ священникъ и жена его приметъ. Ужели мнѣ нужно вступить съ нимъ въ борьбу, чтобы выгнать его изъ дому?

— А развѣ вы не хозяинъ своему дому? — спросилъ раскольникъ. — Скажите попу настойчиво, чтобы онъ ушелъ и незванный не приходилъ бы къ вамъ. Онъ и уйдетъ.

— Но онъ можетъ сказать, что его пригласила моя жена и — на мое требованіе уйти — не захочетъ уйти...

— А развѣ вы не имѣете власти, — перебилъ раскольникъ, — надъ своей женой, чтобы запретить ей принимать попа? Въ писаніи прямо сказано: «жена да боится своего мужа»...

— Ну, хорошо. А если жена не послушаетъ меня, что тогда я долженъ дѣлать по писанію?

— Нужно укротить нравъ жены, нужно, чтобы она не вольничала и изъ послушанія мужа не выходила. Мужъ глава, онъ и командовать долженъ. А то вѣдь этакъ жена мало ли что завести можетъ, если ей укороту не дать...

— Хорошо, хорошо, — сказалъ, засмѣявшись, Л. Н., — но вѣдь чтобы командира слушали, ему нужна палка. Скажите: неужели же вы и мнѣ посовѣтуете вооружиться палкой, чтобы заставить повиноваться жену и не пустить въ домъ священника? Ужъ я не ссылаюсь на писаніе, гдѣ прямо сказано: «не противься злому зломъ» и «не гнѣвайся». Я только хочу знать: что вы сказали бы, если бы, придя ко мнѣ, увидали меня съ палкой въ рукахъ, прогоняющаго священника, а жену привязанной за волосы? Я думаю, что вы постарались бы пройти мимо меня и не пришли бы ко мнѣ никогда.

— А если жена не слушаетъ мужа, — наставительно сказалъ раскольникъ, — то лучше съ нею не жить и уйти отъ нея.

— А вы забыли, — опять улыбнулся Л. Н., — что сказано въ писаніи: «не разводись съ женою».

— Хорошо, Левъ Николаевичъ, — сказалъ рабочій, молчавшій все время, — вотъ вы живете въ богатомъ домѣ, гдѣ нужды нѣтъ и гдѣ раздоръ только изъ-за попа-то развѣ и выйти можетъ. У насъ же нужда постоянная. И сколько всякій день грѣха съ бабами бы-

ваетъ такъ и не перечислишь! Ты говоришь, что нужны колесы на телѣгу, а она, что у ребятъ башмаковъ нѣтъ; ты — надо купить крупъ, а она хоть на хлѣбѣ одномъ жить, лишь бы у ребятъ обновки къ празднику были. И такъ каждую минуту: ты вправо, она — влѣво. Какъ тутъ быть безъ власти мужа?..

Всѣ засмѣялись.

— Да, это очень трудная задача, которую Богъ поставилъ человѣку, — сказалъ Л. Н. — Мужа и жену я часто представляю себѣ въ видѣ двухъ лошадей, связанныхъ хвостами. Постоянно тянутъ въ разныя стороны, а разойтись не могутъ. Но вы напрасно думаете, — обратился Л. Н. къ рабочему, — что причины для раздора между мужемъ и женой только отъ нужды бываютъ. Это — заблужденіе такъ думать. Если бы было такъ, то у богатыхъ и раздоровъ не было бы, а былъ бы постоянный рай. А какъ посмотришь, что бываетъ у богатыхъ, такъ позавидуешь вашему положенію. Въ вашемъ быту осталось еще изъ стараго домостроевскаго уклада. И къ этимъ средствамъ, какъ къ готовымъ лѣкарствамъ, вы и прибѣгаете во время семейныхъ раздоровъ. И хотя эти лѣкарства не достигаютъ цѣли, но у васъ все-таки какъ бы есть, за что взяться. Но вы и представить не можете всей трудности семейнаго положенія людей нашего круга! Ваши бабы хоть и вступаютъ съ вами въ ссоры, брань и даже въ драки, но онѣ все же знаютъ, что имъ не одолѣть мужика, что въ концѣ-концовъ все-таки придется покориться; ваши бабы хоть по наслышкѣ, но все же

памятуютъ, какъ говоритъ вотъ этотъ человѣкъ, — указалъ Л. Н. на раскольника, — что «жена да боится своего мужа». А вы представьте-ка себѣ капризную, избалованную барыню, не стѣсняемую ни угрозами, ни побоями, ни писаніемъ. Вѣдь ей удержу нѣтъ никакого, точно конь безъ узды.

— Левъ Николаевичъ, да съ чего у васъ можетъ раздоръ быть, если никакой нужды нѣтъ? — спросилъ рабочій. — Вѣдь вотъ жилъ Адамъ съ Евой въ раю безъ нужды. И у нихъ никогда раздору не было. И въ писаніи нигдѣ не сказано, чтобы они хоть разъ повздорили между собою...

— Какъ вы думаете, вѣрно онъ на писаніе сослался? — обратился Л. Н. къ раскольнику при общемъ смѣхѣ.

— Да, — отвѣчалъ тотъ, — про раздоръ въ раю не читалъ. А вотъ грѣхъ-то все же и тамъ случился. Оттуда и по землѣ пошелъ. И, кажись, нужды тамъ не было, а во всемъ довольствіе.

— Ну, вотъ слышите, — сказалъ Л. Н. рабочему, говорившему о нуждѣ. — Вотъ и не отъ нужды грѣхъ вышелъ. Да и нельзя уберечься отъ грѣха межъ людьми, потому что заранѣе нельзя знать причины, отъ которой грѣхъ произойдетъ. У васъ изъ-за башмаковъ, а у насъ изъ-за того, что мужъ хочетъ жить лѣтомъ у себя дома, а жена хочетъ на Кавказъ или за границу; мужъ говоритъ, что этому шкафу стоять лучше всего здѣсь, а жена — что лучше его переставить въ другую комнату и т. п. Такъ что всѣхъ причинъ даже и пе-

речесть нельзя, не только уберечься отъ нихъ. По-моему, семейный человѣкъ, который бы задумалъ жить свято, устраняя и вашу нужду и наши капризы, былъ бы похожъ на пустую мельницу: работы было бы много, а муки не получилось бы, несмотря на все его стараніе... Восточная мудрость, устраняя причины къ грѣху, додумалась до отрицанія самого желанія жизни: «не желай, говоритъ, ни новыхъ башмаковъ, ни поѣздки на Кавказъ, ни жены, ни дѣтей — ничего, даже имѣть хлѣбъ на сегодняшній день. Замри самъ въ себѣ». Въ родѣ этого и у насъ бывало: чтобы устранять причины грѣховъ, пытались спасать свои души по норамъ, по лѣсамъ и пещерамъ. «Живи одинъ», говорила мудрость этихъ отшельниковъ. Но и тутъ цѣль не достигалась, и грѣхъ проникалъ всюду: не съ яблокомъ, какъ въ раю, не съ башмаками и новыми гардинами, какъ у насъ, такъ съ помыслами. Правда, нѣкоторые изъ нихъ являли образцы примѣрной жизни, но образцы жизни *внѣ жизни*, не въ міру, не на людяхъ.

— А какъ же по-вашему, — спросилъ мужикъ въ черной шубѣ, — нужно жить, чтобы наши грѣхи и раздоры меньше насъ мучили? Вы говорите, наказывать нельзя, что средства Домостроя не помогаютъ. Ну, а если злая баба пилитъ по цѣлымъ днямъ, отдыху не даетъ, тогда что? И поучить ее нельзя?

— Развѣ я говорю: «нельзя»? — отвѣтилъ Л. Н. — Мы свободны дѣлать все, можемъ и палку взять, и кнутъ, и за волосы женъ привязывать, разъ мы сильнѣе ихъ. Я только говорю, что эти средства ни къ

чему не ведутъ, кромѣ еще большаго грѣха. Вы вотъ спрашиваете: «что же по-вашему дѣлать»? А я и самъ такой же жалкій и ничего своего не знаю. Я самъ учусь изъ Евангелій и могу только это же совѣтовать и другимъ. Да, замѣчательно, какъ глубоко продумана жизнь по Евангелію! Тамъ никого не посылаютъ прятаться отъ грѣховъ ни по норамъ, ни по лѣсамъ, не совѣтуютъ и избѣгать людей. Тамъ мирятся съ тѣмъ, что люди слабы и несчастны, что въ жизни неизбѣжны грѣхи, но причины ихъ указываются не во внѣшней обстановкѣ, а во внутренней, въ собственномъ отношеніи человѣка къ другому человѣку. «Мирись съ соперникомъ, пока ты еще съ нимъ на пути, пока онъ не завелъ тебя еще въ большую бѣду», — вотъ что говоритъ христіанство. И я думаю, что пройдетъ многомного времени, пока люди придумаютъ что-нибудь болѣе могучее въ борьбѣ съ одолѣвающимъ ихъ зломъ...

— Трудно это, Левъ Николаевичъ, — сказалъ прежній рабочій. — Вѣдь иной человѣкъ такъ тебѣ насолитъ, что съ нимъ и встрѣтиться противно, на веревкѣ тебя къ нему не дотянутъ.

— Да зачѣмъ же тянуться? — спросилъ Л. Н.

— А чтобы съ соперникомъ-то помириться.

— Это въ томъ случаѣ, если вы думаете, что вашъ соперникъ — кто-то другой, а не вы, не вашъ собственный гнѣвъ? Помириться же со своимъ зломъ всегда въ нашей власти. Для этого и ходить никуда не нужно. Зло, какъ произведеніе въ ариѳметикѣ, можетъ увеличиться только при умноженіи одного числа на

другое.... И думаю, что смыслъ словъ: «Любите враговъ вашихъ» тотъ же: нельзя любить врага, пока держишь на него зло. Но въ нашей власти не дѣлать ему зла, въ нашей власти переломить свой гнѣвъ и при случаѣ оказать ему помощь, добро. Трудно это, говорите вы. Но трудно человѣку такъ поступить, пока онъ находится во власти своей животной природы. Для духовнаго же человѣка тутъ нѣтъ ничего труднаго. Помните, Іисусъ говоритъ Никодиму, что кромѣ того, что мы видимъ въ себѣ животное, со всей его алчностью и зломъ, мы знаемъ въ себѣ еще и что-то *другое*, противоположное первому. Этимъ-то другимъ мы и сыновны Богу и должны его всячески возносить надъ нашими животными побужденіями. Вѣдь всякій любящій сынъ почитаетъ своего отца и для него готовъ всѣмъ поступиться. Тѣмъ болѣе долженъ христіанинъ поступиться для своего Отца... Я не могу себѣ представить, чтобы человѣкъ, признающій себя сыномъ Бога, могъ сознательно унизиться до того, чтобы мстить другому человѣку, или браниться съ женой изъ-за горсти крупъ или изъ-за того, что она пустила въ домъ священника.

— Куда ужъ намъ считать себя сынами Бога! — сказалъ слесарь. — Мы просто свиньи. Пошелъ, натрескался вина, идешь и орешь, что на языкъ попадется. А потомъ свалишься въ грязь, ай въ канаву, и хрюкаешь. Мы про Бога вспоминаемъ только когда громъ загремитъ, ай какая бѣда стрясется. А такъ, безъ всего, мы Его и за родню не считаемъ... Кабы то насъ

съ малолѣтства учили, о чемъ вы говорите, тогда мы больше бы и о своей жизни думали...

— А какъ вы думаете, — обратился ко Л-у Н-у господинъ въ очкахъ, — очень трудно научить нашъ народъ христіанскому жизнепониманію? Вѣдь для этого надо весь строй сломать и все нутро очистить.

— Почему? Я думаю, наоборотъ, — отвѣтилъ Л. Н. — Думаю, что гораздо легче научить человѣка тому, что онъ можетъ понять, т.-е. какъ жить такъ, чтобъ не причинять другимъ страданій, чѣмъ непонятнымъ для него догматамъ.

— Левъ Николаевичъ, — сказалъ одинъ изъ рабочихъ, — а я вотъ о чемъ хотѣлъ спросить у васъ: какъ понимать Христовы слова: «ищите прежде царствія Божія и правды его, все же остальное приложится вамъ». Какъ это: «остальное само приложится». Бросишь работать на день и ничто не прилагается, кромѣ убытка.

Всѣ разсмѣялись, а Л. Н. сказалъ:

— Зачѣмъ же бросать работу? Христосъ не запрещалъ работы. Наоборотъ, Христосъ сказалъ, что трудящійся достоинъ пропитанія и разрѣшилъ работу всегда. Христосъ говоритъ, чтобы люди устраивали свою жизнь на началахъ божеской правды и чтобы къ этому и было у нихъ бо́льшее стремленіе, нежели ко всему остальному. И несомнѣнно, что это самое остальное непремѣнно и приложится всегда къ хорошей жизни... Человѣкъ, живущій по-Божьи, никогда не останется и безъ хлѣба, потому что онъ знаетъ,

что, какъ птицѣ свойственно летать и вить гнѣзда, такъ и человѣку свойственно работать. А работая, онъ всегда будетъ имѣть необходимое. Мы это видимъ и на дѣлѣ. Развѣ пьяницы, воры и вообще люди, ищущіе только «остального» и стремящіеся богатѣть на счетъ другихъ, — развѣ они больше обезпечены живущихъ трудовой жизнью? Правда, богатѣютъ и воры и грабители, но, полагая свою жизнь только въ «остальномъ», безъ понятія о чести и справедливости, они никогда не находятъ этого остального, такъ какъ никогда не бываютъ довольны тѣмъ, что имѣютъ....

— Да вѣдь правдой-то нынче не живутъ, — возразилъ мужикъ въ черной шубѣ.—Говорятъ, не выгодно. Вонъ сколько стало всякихъ оборванцевъ ходитъ!.. Помогай имъ всѣмъ, корми.

Л. Н. возразилъ:

— Но никто, подавая милостыню, не завидуетъ же нищему и не хочетъ быть на его мѣстѣ. И я думаю, что всякій такой «оборванецъ», какъ говорите вы, дошелъ до нищенства именно потому, что не хотѣлъ жить правдой, а хотѣлъ подражать богатымъ и не трудиться...

Пришло время расходиться.

Прощаясь со мною, Л. Н. выразилъ радость за наше знакомство и опасеніе, что этому знакомству можетъ наступить скорый конецъ.

— Боюсь, — сказалъ онъ, — что мое съ вами знакомство не пройдетъ вамъ даромъ. Мнѣ такъ и кажется,

что вотъ-вотъ я услышу, что съ вами случилось что-нибудь, и ваши семейные будутъ бранить меня...

Я сказалъ, что воленъ ходить, куда хочу.

Л. Н. пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Я очень радъ за васъ. Но меня смущаетъ ваша сѣрая шинель. Знакомство со мною, — сказалъ ласково Л. Н., — уже привело нѣкоторыхъ въ тюрьму. И на меня постоянно сыплются укоры.

Я сказалъ:

— И мои товарищи, Левъ Николаевичъ, тоже говорятъ, что сами вы живете на свободѣ, а другіе изъ-за васъ идутъ въ тюрьму и ссылку.

— Но что же мнѣ дѣлать? — воскликнулъ Л. Н. — Развѣ я сталъ бы уклоняться отъ тюрьмы? Вы видите: жизнь моя уже изжита и подходитъ къ концу. Не все ли мнѣ равно, гдѣ умереть?..

Мы разстались какъ братья. Но у меня было тяжелое предчувствіе, что намъ не скоро придется снова увидѣться.

III.

Прошло два года.

Мои предчувствія и пророчества Льва Николаевича оправдались.

Со мною и впрямь стряслась бѣда.

Что и какъ произошло, всего не перескажешь, такъ какъ причина найдется всегда.

Я хотя и миновалъ острога, но перенесъ худшее.

Перенесъ быстрые переводы меня то въ бывшее царство Польское, то въ бывшее Казанское, то въ дальнія Тургайскія степи, гдѣ, по выраженію казанскаго чиновника, «нѣтъ политики» и, кромѣ кочующихъ киргизъ, нѣтъ никакихъ людей.

Меня пересылали съ мѣста на мѣсто, какъ экстренный пакетъ, встрѣчая и провожая въ попутныхъ городахъ на вокзалахъ и пристаняхъ, точно какую высокую особу — съ жандармами, съ казаками и конвойными. Долженъ сознаться, что я не заслужилъ и сотой доли оказанной мнѣ чести этими почетными караулами. Представьте, даже въ извѣстное мѣсто сопровождали двое солдатъ съ ружьями или жандармы съ пистолетами, чего, я думаю, не всѣ и высокія особы удостаивались.

Везли меня тысячи двѣ верстъ по желѣзнымъ дорогамъ, а затѣмъ уже съ этапомъ пѣшкомъ верстъ пятьсотъ за Оренбургъ, въ Тургайскія степи. На ночь по городамъ запирали на гауптвахты, а по казачьимъ станицамъ, по Уралу, въ этапные дома. Ну, а какъ пошли степи, такъ тамъ и запирать стало некуда.

Кругомъ поле чистое. Такъ и пришлось казакамъ не спать изъ-за меня и караулить по очереди ночами. Ты спишь, а казакъ стоитъ надъ тобою, на ружье опершись. — «Ложись», скажешь ему, «я не убѣгу». — «Не полагается», отвѣтитъ казакъ, «уставъ не позволяетъ».

Не чудно ли? Богъ далъ ночь для отдыха, а люди написали уставъ, что ночью «не полагается» спать...

Загогочетъ вдали гусь на озерѣ, или зарычитъ вер-

блюдъ по-звѣриному — казакъ вздрогнетъ и зачнетъ молитву шептать. А спать все же не ложится...

Исторія моя не стоила и выѣденнаго яйца. Но ей придали важное значеніе и усмотрѣли въ ней вліяніе на меня Л. Н. Толстого. А потому по всей дорогѣ имя Л. Н. произносилось и поносилось очень часто. Въ разговорахъ и допросахъ предъявлялись ко мнѣ такія требованія, словно передъ ними, властными и сильными, стоялъ не простой ничтожный солдатъ, а самъ Толстой, неуязвимый для нихъ.

Допрашивавшій меня чинъ въ Москвѣ увѣрялъ меня, что Толстой давно съ ума сошелъ и что поэтому ему вѣрить и слушать его нельзя.

— Вашъ Толстой, — говорилъ внушительно чинъ, — не понимаетъ того, что люди глупы и по глупости могутъ и впрямь, какъ и онъ, съ ума сойти. Вѣдь какъ онъ тамъ ни верти, а на небо-то онъ ихъ не вознесетъ. Отъ его же бредней они только работать перестанутъ, и хлѣбъ дороже сдѣлается. Мы люди земли — матеріалисты. Намъ его бредни не нужны. Мы поставлены о народѣ пещись, чтобы народъ больше работалъ и меньше разсуждалъ. А онъ его разсуждать учитъ. Эхъ, кабы моя власть! воодушевился чинъ, — всыпалъ бы я ему 100 горячихъ... а тебѣ 50...

И такъ всѣ, точно сговорились на одинъ и тотъ же ладъ, пѣть о Толстомъ отъ Варшавы и до Тургая. Только та разница и была, что чѣмъ дальше отъ Москвы, тѣмъ больше намъ со Львомъ Николаевичемъ сулили «горячихъ». Въ Москвѣ ему проэктировали 100,

мнѣ — 50, въ Варшавѣ мнѣ уже 100, а ему 200. Въ степяхъ ему и за 300 перепадало. И все только жалѣли объ одномъ, что «нѣтъ власти на это».

Въ Варшавѣ рыжій начальникъ топалъ ногами и удивлялся: «И чего это министры съ митрополитами чешутся до сихъ поръ?..»

Въ Казани было помягче. Тамъ не топали ногами и не грозили всыпать мнѣ и Льву Николаевичу горячихъ, а лишь учено доказывали мнѣ:

— Толстой, можетъ быть, и правъ въ проповѣдуемой имъ морали, но только не для нашего времени...

А въ степи, тыча мнѣ подъ носъ кулакъ, кричалъ пьяный капитанъ:

— И кому твой Толстой святость-то свою проповѣдуетъ? Вамъ? А сколько васъ? Ну, сколько? — приставалъ ко мнѣ капитанъ. — Ну, будетъ во всей Россіи тысячъ десять такихъ дураковъ!.. Не больше. А насъ!.. Насъ — во! Мы, если захотимъ, на ладони васъ въ порошокъ сотремъ...

— Толстой вашъ истину новую нашелъ! говорили мнѣ въ Тургайской области. — Да одинъ Побѣдоносцевъ больше десяти Толстыхъ знаетъ. Поэтому и не страшенъ намъ вашъ Толстой. Пусть себѣ рыкаетъ... угомонится. Богъ-то не все терпѣть будетъ: и за нимъ кондрашку пошлетъ...

* * *

— Я такъ и зналъ, такъ и зналъ, — радостно заговорилъ Левъ Николаевичъ, встрѣчая меня послѣ того, какъ я вернулся изъ Тургайскихъ степей и пришелъ къ нему уже не въ Москвѣ, а въ Ясной Полянѣ.

Ясная Поляна, это деревня средней руки, приличная на видъ, гдѣ я не замѣтилъ особенной нищеты и раскрытыхъ дворовъ, какихъ вообще много въ нашемъ отечествѣ. Отстоитъ Ясная Поляна въ 3-хъ верстахъ отъ станціи «Козловка-Засѣка», Моск.-Курск. ж. д. Барская усадьба съ огромнымъ и прекраснымъ садомъ примыкаетъ къ деревнѣ и отдѣляется отъ нея только прудомъ. Посрединѣ сада большой старинный двухъэтажный, каменный, барскій домъ, какихъ теперь господа на свои средства не строятъ.

Сбоку большая терраса, гдѣ въ лѣтнее время Левъ Николаевичъ проводитъ время съ наѣзжающими къ нему посѣтителями. Жаль, что никто не записываетъ всѣхъ гостей Л-а Н-а! Вотъ бы получилась интересная «смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній». У него, какъ въ гостиницѣ: одни уѣзжаютъ, другіе приходятъ и пріѣзжаютъ. Противъ дома стоитъ «дерево бѣдныхъ», около котораго, на скамейкѣ, садятся бѣдные въ ожиданіи Л-а Н-а.

Въ нижнемъ этажѣ дома, противъ входныхъ дверей, находится библіотека, состоящая изъ двухъ ком-

натъ, въ которыхъ всегда помѣщаются знакомые Л-а Н-а, остающіеся у него погостить. Есть тутъ особый шкафъ съ доступными для народа книгами, изъ котораго каждый посѣтитель Ясной Поляны и можетъ брать, что ему нужно.

Здѣсь-то вотъ и проживаетъ Л. Н. Толстой, около своего семейства. И сюда-то и направляются взоры всего міра, чающаго движенія воды, — не огромнаго, мертваго міра, для котораго рѣшительно все равно, какъ бы ни жить, лишь бы былъ хорошій доходъ, а того міра людей, которые несутъ въ себѣ идею Бога и разливаютъ ее кругомъ себя.

Левъ Николаевичъ — сѣдой, могучій, въ своей обычной сѣрой казинетовой блузѣ, былъ похожъ на стараго деревенскаго мужика, живущаго на покоѣ, но своимъ хозяйственнымъ взоромъ зорко слѣдящаго за веденіемъ дѣла въ хозяйствѣ. Если его когда-либо произведутъ въ святые, то его изображенія на много вѣковъ прикуютъ къ себѣ взоры людей скорбно-строгимъ, но и всепрощающимъ ликомъ. Таковъ дѣдъ Толстой.

— Я такъ и зналъ, что съ вами что-нибудь случится, — повторилъ Л. Н. — Мнѣ говорили, что васъ арестовали и увезли изъ Москвы. Я безпокоился за вашу семью, хотѣлъ за васъ просить, но не зналъ, гдѣ вы находитесь и въ чемъ ваше дѣло...

Я разсказалъ въ короткихъ словахъ, что дѣло было пустое, что въ рукахъ администраціи не было ничего, чтобы меня судить, и что вся тревога произошла по-

тому, что предстояла коронація, а въ письмахъ моихъ было осужденіе расходовъ на нее.

— Все-таки это хорошо, что вы суда миновали, — сказалъ Л. Н. и добавилъ упавшимъ голосомъ: — Вотъ Дрожжинъ такъ и не вынесъ, — умеръ недавно... А васъ что же, били?

Я сказалъ, что только грозили бить, но не били.

На этотъ разъ у Л-а Н-а опять были гости и нѣсколько человѣкъ пріѣзжихъ иностранцевъ, не умѣющихъ говорить по-русски.

Было около 5-ти часовъ дня, и Л. Н. собирался на прогулку. Вошедшій ученаго вида господинъ хотѣлъ было итти съ Л. Н. на прогулку, но, узнавъ, что прошелъ дождь, побоялся сырости, извинился и вернулся въ библіотеку.

— А вы сырости не боитесь? — весело сказалъ Л. Н., обращаясь ко мнѣ. — Если не устали, то пойдемте... А, можетъ, вы голодны? Такъ идемте, я попрошу дать вамъ поѣсть.

Я сказалъ, что и сырости не боюсь, и съ ѣдою могу обождать.

Мы отправились.

Л. Н. повелъ меня черезъ садъ. За садомъ дорога пошла лѣсомъ. Послѣ недавняго дождя было такъ легко и свободно дышать. Дождевыя капли еще серебрились на листьяхъ. И все кругомъ дышало счастьемъ.

Мы долго шли, молча, по мокрымъ тропинкамъ, не нарушая лѣсной тишины. Л. Н. съ такой юношеской

легкостью шелъ впереди, что я съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Наконецъ онъ замедлилъ шаги и спросилъ:

— Скажите, вы меня бранили, скитаясь по пересыльнымъ гауптвахтамъ и этапнымъ домамъ?

Я признался:

— Да, Левъ Николаевичъ, когда находили минуты слабости. Въ первое время трудно было переносить унизительное положеніе, тѣмъ болѣе, что не зналъ, куда меня вели и что со мною будетъ. Потомъ освоился и привыкъ, такъ что всякое утро было даже жаль оставлять ту конуру, въ которой стерегли ночью. Дальше же стало какъ бы даже весело. Выходила какая-то экскурсія по горамъ и доламъ на казенный счетъ и подъ видомъ важной политической птицы. Начальство грозило только на словахъ. И я къ этому скоро привыкъ. Да они, Л. Н., меня-то меньше бранили, нежели васъ.

— Да, да, это я понимаю, — живо отвѣтилъ Л. Н.— Люди особенно дорожатъ своей работой. Скажите человѣку, что онъ не уменъ, обвините его въ безтактности, въ нечестности, — онъ еще сможетъ съ этимъ примириться. Но попробуйте осудить его дѣло, сказать, что работа его нехороша и безполезна — и человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, становится врагомъ... Особенно же, если еще онъ и самъ полусознаетъ и чувствуетъ въ душѣ ненужность своихъ усилій... Вспомните всѣ жестокія насилія, совершаемыя въ теченіе многихъ вѣковъ! Вѣдь изъ союза жрецовъ и кесарей міра выросло то уродливое неравенство людей всего міра, какое мы видимъ теперь и отъ котораго $^{9}/_{10}$ всего чело-

вѣчества живутъ безъ свѣта разумѣнія, въ невѣжествѣ и нищетѣ, а $^1/_{10}$, владѣющая ключомъ къ разумѣнію жизни, жирѣетъ въ матеріальномъ избыткѣ и, развращенная до невозможнаго, не двигается ни сама, ни другихъ не пускаетъ къ свѣту... Вспомните этихъ египетскихъ быковъ и черныхъ кошекъ, древнихъ оракуловъ и Юпитеровъ, кіевскихъ Перуновъ и Волосовъ, и всѣ эти цѣпи и путы, которыми князья и жрецы міра сковывали свободную душу человѣка!.. А посмотрите,— произнесъ съ оживленіемъ Л. Н., указывая на посвѣжѣвшій отъ дождя лѣсъ, блестѣвшій, — развѣ не была бы жизнь человѣка неперестающимъ блаженствомъ въ этомъ Божьемъ мірѣ, если бы человѣкъ былъ свободенъ!

Я сказалъ:

— Л. Н., но зато изъ этой $^1/_{10}$ человѣчества идутъ и всѣ науки, которыя служатъ на пользу людямъ...

— И на вредъ также, раскрывая внѣшнюю сторону жизни, но заслоняя духовную, — сказалъ Л. Н. — Зонтикъ, часы, калоши... Но ради этого люди должны скучиваться въ дымныхъ корпусахъ фабрикъ и рудникахъ, лишаясь естественныхъ условій жизни... Правда, современная культура добыла и дешево доставила большинству: соль, керосинъ, деготь и проч. Но она же снабжаетъ и табакомъ, и опіумомъ, и спиртомъ, губящимъ и уродующимъ жизнь милліоновъ людей, она же способствовала распространенію дурныхъ болѣзней, домовъ разврата и проч. и проч. Люди такъ называемой культуры, ослѣпленные своими пріобрѣте-

ніями, не замѣчаютъ, что всѣ ихъ завоеванія относятся только къ $^{1}/_{100}$ человѣчества, а $^{99}/_{100}$ не только не приближаются къ совершеннымъ формамъ жизни, а еще отдаляются отъ нихъ, потому что пестрый внѣшній прогрессъ съ зонтиками и часами развиваетъ лишь зависть, но ослабляетъ чистоту и ясность сердца. Современная культура страшно усложнила жизнь человѣка, загромоздивъ ее тысячами мелочей, въ погонѣ за которыми человѣкъ совсѣмъ забылъ о себѣ, какъ о сынѣ Бога, стоящемъ неизмѣримо выше всѣхъ этихъ ненужностей, привитыхъ изнанкой науки. Людямъ стало все равно: чему бы ни поклоняться, лишь бы не отстать отъ другихъ и во внѣшней жизни походить на другихъ.

— А у насъ-то что теперь дѣлается въ народѣ, — сказалъ я.

Ни родиться, ни умереть, ни продать, ни купить ничего, ни встрѣтиться съ знакомыми нельзя безъ пьянства, безъ безчинства.

— Да, да, это ужасно! — сказалъ Л. Н. — Это всегда бываетъ съ народами, когда ихъ религія, являвшая основы нравственности, замѣняется внѣшнимъ богопочитаніемъ. Посмотрите, что осталось теперь въ нашемъ обществѣ отъ возвышеннѣйшаго ученія Христа? Ничего, кромѣ имени Христа, улетѣвшаго на небо...

Я разсказалъ, какъ меня въ Варшавѣ посылали на испытаніе къ одному старичку академику и какъ онъ, разговорившись со мною по-душамъ, сказалъ мнѣ: «Васъ посадятъ въ тюрьму, сошлютъ въ исправитель-

ныя роты — и вамъ вездѣ будетъ не плохо, потому что вамъ вездѣ дадутъ щи и кашу. Для насъ же, съ малолѣтства привыкшихъ къ извѣстнымъ удобствамъ и почету, такое положеніе развѣ возможно? А дѣти, а жена и родственники! Отъ однихъ укоровъ и попрековъ ихъ живьемъ въ землю зароешься... Конечно, въ молодыхъ годахъ все возможно. Но въ моихъ объ этомъ не думаютъ».

— Да, это ужасно, — сказалъ Л. Н., — въ такіе годы сознавать ложность своего положенія и не имѣть силъ выбраться изъ него!.. Меня тоже обвиняютъ, что я другихъ посылаю работать крестьянскія работы, а самъ живу въ барскомъ домѣ и не иду на одобряемую работу. И я чувствую справедливость этого обвиненія.

— Я и самъ давно хотѣлъ спросить васъ, Левъ Николаевичъ, объ этомъ же, — сказалъ я. — Мнѣ всегда казалось, что вамъ не пристало жить за двѣнадцатью дверьми, которыя отворяются для желающихъ васъ видѣть не вами, а лакеями...

— А вы думаете, это мнѣ по душѣ?! — вздохнулъ Л. Н.—Но что дѣлать? Я не имѣлъ силы прежде порвать эту жизнь. Въ этомъ мой первый грѣхъ... Потомъ прошли года. Теперь же,—(Л. Н. замедлилъ шаги) и вы едва ли упрекнете меня. Въ 70 лѣтъ не начинаютъ новой жизни... А тогда—прежде—я самъ думалъ, чтобы уйти въ незнакомую деревню и жить тамъ съ какимъ-нибудь одинокимъ бобылемъ. Но время шло. И не замѣтилъ я, какъ подошла старость... Работа ваша, т.-е. крестьянская, меня не страшила. Я ужасно любилъ

ее. И крестьянскія работы остались для меня самыми радостными воспоминаніями въ моей жизни.

Набѣжали тучки, и загремѣлъ громъ. Мы повернули обратно, находясь верстахъ въ трехъ отъ усадьбы.

Я заговорилъ о семейномъ злѣ и раздорахъ, отъ которыхъ такъ трудно уберечься.

— Да, да, — подумавши, сказалъ Л. Н. — Самое тяжкое испытаніе, которое Богъ посылаетъ человѣку, это — семья. Не даромъ кто-то сказалъ, что счастливъ только тотъ, кто счастливъ у себя дома. Главное, что ты прикованъ къ семьѣ навсегда и ежеминутно подвергаешься перекрестнымъ мнѣніямъ, дѣламъ и разговорамъ, какія тебѣ не нравятся, или какихъ ты не можешь терпѣть, не возбуждая въ себѣ гнѣва. Здѣсь только и помогаетъ совѣтъ Іисуса: «мирись съ соперникомъ», т.-е. со своимъ гнѣвомъ. И въ этомъ главное: чтобы не гнѣваться и не раздражаться, какіе бы ни были приступы досады. Женщины, какъ дѣти, не любятъ, когда мужъ изливаетъ на нихъ свой гнѣвъ въ обидныхъ словахъ и не уступаетъ имъ всегда — и въ нужномъ дѣлѣ и въ капризахъ... Я всегда старался не раздражаться и уступать въ ссорѣ, чѣмъ и достигалъ умиротворенія, а потомъ, уже въ спокойномъ состояніи, дѣло улаживалось само собою. Въ семейной жизни, какъ вообще въ отношеніяхъ съ людьми, всегда лучше уступить, лишь бы не вызвать гнѣва, потому что всякій, не потушенный въ началѣ гнѣвъ, подобенъ кому снѣга, который, чѣмъ больше катится, тѣмъ больше

нарастаетъ. Почти всегда приходится жалѣть, что ссора не была прекращена въ началѣ...

Немного погодя рѣчь зашла о загробной жизни, и я разсказалъ, какъ однажды обратился къ одному умирающему съ вопросомъ: чувствуетъ ли онъ что-нибудь новое и особенное? И какъ умирающій сердито вскинулъ на меня глаза, должно быть, за то, что я безпокоилъ его въ такую минуту, но все же отвѣтилъ мнѣ полушопотомъ, что ему страшно больно и кромѣ этой боли онъ ничего не чувствуетъ.

— Но это ужасно обидно, — сказалъ я. — Обидно сознаніе, что мучился-мучился здѣсь и... пропадешь безслѣдно. Ужъ лучше пускай меня мучатъ *тамъ*, — но лишь бы я сознавалъ, что не исчезну безслѣдно.

— Вотъ, вотъ! — сказалъ Л. Н. — Это я и въ себѣ знаю. Это же мнѣ и другіе говорили. И въ этомъ есть смутное указаніе на наше безсмертіе... Но больше этого и не пытайтесь ничего узнавать. Тутъ никакія усилія не приведутъ васъ ни къ чему. Какъ сквозь стѣну глаза не видятъ, такъ и разумъ нашъ не можетъ заглянуть за предѣлы нашей жизни. Да думаю, что и хорошо это устроено, что мы знаемъ только эту нашу жизнь. Иначе что же было бы? — улыбнулся Л. Н. — Грѣшные съ отчаянія лишили бы себя жизни, а святые, достигши праведности Иліи, улетѣли бы на небо... Много есть всякихъ предположеній на этотъ счетъ, — серьезно сказалъ Л. Н., — но достовѣрно ничего нѣтъ и быть не можетъ. Будемъ же съ вами улучшать свою эту жизнь,

во благо себѣ и людямъ. Этого съ насъ и будетъ достаточно...

Я еще спросилъ:

— Л. Н., я читалъ въ церковныхъ журналахъ многое противъ васъ. Мнѣ хотѣлось бы узнать, что вы имъ отвѣчаете. Я нигдѣ не видѣлъ вашихъ отвѣтовъ.

— Если бы я и хотѣлъ, — сказалъ Л. Н., — и не былъ стѣсненъ никакими условіями, то все-таки не могъ бы физически отвѣчать всѣмъ на ихъ критики и обличенія. Да это и не къ чему. Кто дѣйствительно заинтересованъ въ вопросахъ жизни, поднимаемыхъ мною, тѣ пишутъ мнѣ письма. И я, по возможности, отвѣчаю имъ.

Надвинулась огромная туча, и сталъ накрапывать дождь.

Мы поспѣшили войти въ домъ.

* * *

За чаемъ въ общей столовой находилось нѣсколько человѣкъ пріѣзжихъ гостей, въ томъ числѣ двое англичанъ, которыхъ я видѣлъ хоть и въ первый разъ, но сразу опредѣлилъ ихъ націю по наружности и пріемамъ. Они пустились предлагать Л-у Н-у свои стулья. Онъ не согласился воспользоваться ихъ любезностью. Тогда они передвинули свои стулья и сѣли поближе къ нему.

Разговоръ, однако, не клеился, такъ какъ не всѣ знали по-русски и не всѣ по-англійски. Л. Н. пере-

водилъ то на русскій языкъ, то на англійскій. Но отъ этого бесѣда теряла живой интересъ.

Былъ въ числѣ гостей и американецъ, отличавшійся, между прочимъ, золотыми запонками и кольцами на пальцахъ. Онъ говорилъ немного по-русски, но плохо. Я его не понималъ, хотя онъ и жестикулировалъ всячески. Но выходило только забавно.

Л. Н. попросилъ меня разсказать иностранцамъ изъ моихъ недавнихъ приключеній. Когда я разсказалъ кое-что, американецъ, который понималъ по-русски, слушая меня, все время смѣялся веселымъ смѣхомъ. Англичане же, которымъ Л. Н. переводилъ мои слова, выражали изумленіе и качали головами.

Одинъ молодой человѣкъ заявилъ, что мои приключенія только капля въ русскомъ морѣ, и разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ жизни сектантовъ.

Американецъ почему-то все продолжалъ смѣяться, а англичане попросили у меня позволенія записать кое-что изъ нашего разговора, затѣмъ стали черезъ Льва Николаевича спрашивать меня: какъ я живу и какъ живутъ вообще русскіе мужики. И очень дивились, что я жалуюсь на малоземелье, какъ на главную причину нашей мужицкой бѣдности, показывая на пальцахъ сравнительное количество земли, которымъ у нихъ владѣетъ средній крестьянинъ.

— Но у васъ, — сказалъ имъ Л. Н., — учатъ дѣлать все хорошо и во-время, учатъ землю больше унавоживать, чаще перепахивать и рыхлить, а у насъ сѣютъ и по неудобренному, а потомъ просятъ, чтобы Богъ

исправилъ ихъ дурную работу и на необработанной землѣ далъ хорошій урожай...

Американецъ смѣялся и показывалъ тоже на пальцахъ количество пудовъ хлѣба, собираемаго у нихъ и у насъ съ одной и той же площади земли и при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ.

Было время уходить. Я сталъ прощаться. Л. Н. пошелъ проводить меня. Англичане устремились за нами. Видимо, они все никакъ не могли насмотрѣться на русскаго мужика, попавшаго въ барскія хоромы. И, прощаясь со мною, они крѣпко и долго жали мнѣ руку и что-то говорили по-своему. Л. Н. перевелъ, что они меня любятъ и будутъ помнить...

Мих. Новиковъ.

Боровково, Тульской губ.

Д-ръ П. Карусъ.
(Америка.)

ДАНЬ ТОЛСТОМУ.

Не изъ мрамора и не изъ бронзы слѣдуетъ воздвигнуть памятникъ графу Толстому. Это долженъ быть литературный памятникъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій о его вліяніи и значеніи, живой монументъ, созданный изъ мысли и мнѣній и незыблемо покоящійся въ сердцахъ людей. Такой памятникъ, повторяю, будетъ самымъ лучшимъ, и я считаю за честь принять участіе въ его созиданіи...

Долженъ оговориться, что мои отношенія къ Толстому очень несложныя. Я никогда не видалъ его самого, а наша переписка едва заключалась въ нѣсколькихъ письмахъ. Тѣмъ не менѣе Толстой далеко не чуждъ мнѣ. Я имѣю очень опредѣленное представленіе о его личности и часто думаю о немъ, какъ о старомъ другѣ, съ которымъ мнѣ неоднократно приходилось встрѣчаться. Правда, встрѣчи наши были чисто духовныя, но это не мѣняетъ сути дѣла, скорѣе наоборотъ.

Толстой въ высшей степени замѣчательный чело

вѣкъ, сильная личность, которая, не щадя сомообличеній, старается быть сама собою и поступать согласно своей совѣсти, хотя сильные міра сего, установленныя учрежденія, традиціи, общественные предразсудки и условности не допускаютъ ни людей, подобныхъ ему, ни его взглядовъ, ни примѣра, который онъ даетъ своей жизнью. Писанія Толстого интересны, но его жизнь еще интереснѣе, но интереснѣе всего самъ Толстой, какъ личность, этотъ грубовато-благородный крестьянинъ, этотъ вѣрующій еретикъ, этотъ миролюбецъ-революціонеръ, наконецъ, это удивительное сочетаніе самыхъ противоположныхъ крайностей.

Историкамъ и психологамъ придется заняться изученіемъ личности Толстого, представляющей изъ себя необыкновенно яркій примѣръ тѣхъ исканій и стремленій, которыя играли необычайно важную роль въ соціальномъ, моральномъ и религіозномъ развитіи человѣчества. Тотъ, кто понялъ ученіе такихъ вождей, какъ Христосъ, Лаоцзы и Будда, тотъ найдетъ въ Толстомъ родственнаго имъ по духу, еще живого современника, могущаго служить образцомъ стремленія выйти за предѣлы личной жизни. Въ несравненно слабѣйшей степени то же стремленіе, хотя и менѣе сознательное, одухотворяетъ и народныя массы всѣхъ вѣковъ и національностей.

Ученіе Христа нашло откликъ въ сердцахъ людей, потому что оно было имъ родственно, хотя бы только въ зародышѣ; точно такъ же и взгляды Толстого, несмотря на всю ихъ рѣзкость и своеобразность, въ

сущности раздѣляются многими, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ. Толстой затрагиваетъ слишкомъ многія струны въ сердцахъ своихъ читателей.

Ученіе Толстого далеко не представляетъ изъ себя какой-нибудь стройной теоріи или системы. Это скорѣе смутная, неоформленная тоска по чемъ-то несуществующемъ. Религіозныя идеи Толстого, его нравственные принципы, непротивленіе злу, его взгляды на войну, государство, деньги и т. п. — все это служитъ предметомъ живѣйшаго обсужденія, но лишь немногіе мыслители рѣшаются защищать это ученіе, смѣлое до дерзновенія. Но нѣтъ никакой необходимости соглашаться съ Толстымъ, чтобы проникнуться удивленіемъ къ человѣку, являющемуся такимъ яркимъ воплощеніемъ вѣчныхъ запросовъ духа, находящаго свое высочайшее выраженіе въ этихъ благородныхъ порывахъ. Они, эти порывы, не носятъ личнаго характера, но являются выраженіемъ мірового сознанія, Универсальнаго Духа, который насъ создалъ, Самого Бога, съ Которымъ мы живемъ и движемся.

Paul Carus.

Chicago.

Кн. Д. Д. Оболенскій.

ОТРЫВКИ.

(Изъ личныхъ впечатлѣній.)

Гр. Левъ Николаевичъ былъ очень горячій и настоящій *русскій* охотникъ со многими охотничьими предразсудками и примѣтами. Вслѣдствіе его горячности на охотѣ происходили иногда пылкія пререканія и чуть даже не ссоры изъ-за того, чья взяла первая, какая догнала и т. д.

Л. Н. любилъ и щегольнуть на охотѣ ловкостью и лихостью, что называется, «джигитнуть».

Одинъ эпизодъ особенно врѣзался въ моей памяти (1858).

Дѣло было близъ Гурьева, имѣнія князя Е. Н. Черкасскаго. Въ лѣсу гончія гоняли по волкамъ. За болотомъ, пролегавшимъ близъ лѣса, стоялъ со своей сворой борзыхъ Л. Н. Толстой. Невдалекѣ отъ него — мелкопомѣстный помѣщикъ В. Е. Кобылинъ, сосѣдъ кн. Черкасскихъ, каширскій землевладѣлецъ, затѣмъ князь Евг. Черкасскій и другіе. Изъ-подъ стаи гончихъ на опушкѣ лѣса показывается матерой волкъ; его со стаей «выставляетъ» знаменитый въ свое время

доѣзжачій Иванъ Рушальщикъ; онъ выносится вслѣдъ за стаей, которая на щипцахъ выноситъ волка въ поле, по направленію, гдѣ стоятъ Левъ Николаевичъ и другіе. Волкъ стремительно несется къ болоту. Доѣзжачіе Иванъ Рушальщикъ (типъ Данилы, доѣзжачаго въ «Войнѣ и мирѣ») — за волкомъ. Но въ болотѣ такъ топко, что лошадь его завязла... перебраться нельзя... И Рушальщикъ вопитъ съ отчаяніемъ:

— Эхъ, уйдетъ! Уйдетъ: на господъ побѣжалъ.

Какъ ни обиденъ былъ этотъ полупрезрительный крикъ яраго доѣзжачаго, но онъ оказался пророческимъ... За болотомъ матерого волка встрѣтили своры Кобылина и Толстого и, что въ сущности бываетъ очень рѣдко, остановили материка. Первый примчался и слѣзъ съ лошади Кобылинъ. Но Л. Н., подскакавъ, закричалъ:

— Мои, мои собаки взяли, я самъ приму.

Кажется, Кобылинъ отчасти даже обрадовался этому, потому что «принять» матерого не такъ-то легко и не всегда безопасно. Л. Н., видимо, желая джигитнуть, по-черкесски перекинулся черезъ сѣдло и хотѣлъ съ лошади зарѣзать волка. Но это у него не вышло: лошадь шарахнулась и отнесла Л-а Н-а въ сторону. И, пока онъ справлялся съ лошадью, а Кобылинъ собирался съ духомъ, волкъ стряхнулъ собакъ, насѣвшихъ на него, разметалъ ихъ и былъ таковъ. Горькія предсказанія доѣзжачаго оправдались: господа упустили материка. — Князь Евгеній Черкасскій,

страстный охотникъ до кровныхъ лошадей, но не до собакъ, тщетно метался вокругъ и меньше другихъ могъ что-нибудь сдѣлать.

Онъ все досадовалъ, что у него не было пики: онъ закололъ бы волка.

Л. Н. вернулся мрачный, недовольный.

Особенно много охотился Левъ Николаевичъ въ тѣхъ краяхъ въ 1857—58 гг. съ моимъ дядей И. А. Раевскимъ, съ сыномъ котораго графъ былъ на «ты» и очень дружилъ.

Наиболѣе удачны были охоты на волковъ въ имѣніяхъ князей Евгенія и Владиміра Черкасскихъ въ Веневскомъ и Каширскомъ уѣздахъ. Впослѣдствіи многія картины изъ этихъ охотъ вошли въ безсмертныя произведенія автора «Войны и мира». Можно даже было узнать въ романѣ нѣкоторыхъ охотниковъ по ихъ яркимъ чертамъ и характернымъ выраженіямъ.

Однажды, послѣ удачной охоты у П. М. Глѣбова, сосѣда князей Черкасскихъ, Левъ Николаевичъ былъ въ особенномъ ударѣ и на дневкѣ написалъ юмористическій разсказъ-набросокъ подъ заглавіемъ «Фаустина и Паулина», который и прочелъ вечеромъ вслухъ, заставивъ всѣхъ насъ много смѣяться. Куда задѣвался этотъ разсказъ — не знаю, но я его впослѣдствіи нигдѣ не встрѣчалъ... Фаустина и Паулина были двѣ гувернантки гг. Глѣбовыхъ, которыя выѣзжали посмотрѣть на охоту и дали поводъ Льву Николаевичу къ безобидной юмористической шуткѣ...

Увы, все это дѣла давно минувшихъ дней!

И кто узналъ бы въ теперешнемъ полу-аскетѣ, Львѣ Толстомъ, того страстнаго охотника, какимъ нѣкогда мы его видали несущимся во весь опоръ по полямъ и рытвинамъ съ своей «неизмѣнной Милкой».

Не знаю, въ шутку ли это онъ говорилъ. Но тогда, въ 30-хъ годахъ, это казалось не въ шутку... Въ теченіе многихъ лѣтъ на охотахъ сопутствовавшей Льву Николаевичу сначала была бабушка Милка, затѣмъ ея дочь, затѣмъ внучка. Но очень долго Л. Н. Толстого на охотѣ всегда сопровождала Милка.

Послѣдняя, которую я хорошо помню, Милка была чернопѣгая красивая борзая изъ породы англійскихъ борзыхъ и всегда рыскала около Л. Н. безъ своры, такъ какъ она привыкла къ своему хозяину. Зря она никогда не бросалась за звѣремъ, а «настигала» его; т.-е. старалась попасть на перерѣзъ звѣрю, чтобы не слишкомъ утомлять себя. Но когда не было другихъ собакъ, она старалась во-всю. Какъ-то у насъ съ Л. Н. борзыя наши сорвались и ушли подъ гончихъ. Мы остались съ одной Милкой на перемычкѣ между двухъ острововъ. И вотъ одинъ за другимъ черезъ эту перемычку изъ острова въ островъ бѣжало три зайца. И всѣхъ трехъ Милка въ чистую догнала и поймала.

Даже и суевѣренъ былъ Л. Н., какъ и большинство русскихъ охотниковъ. Какъ-то Милка вдругъ въ полѣ ушла отъ Л. Н. и, такъ какъ, я уже сказалъ, она ходила безъ своры — она вдругъ пристала ко мнѣ. Какъ я ее ни отгонялъ, она все рыскала около меня. Л. Н. не на шутку встревожился. «Никогда этого не было. Не

могу понять, что съ ней? — говорилъ онъ. — Навѣрно, что-нибудь со мною случится».

Л. Н. признавался, что когда на охотѣ на него долго не шелъ звѣрь, то онъ внутренно молился, чтобы наконецъ звѣрь на него вышелъ.

— Но не Христу — это было слишкомъ бы серьезно...

Выдѣлялся Л. Н. отъ другихъ охотниковъ и по внѣшности. Одѣвался онъ всегда не какъ другіе, а по-своему. Такъ: стремена у его сѣдла были не металлическія, а деревянныя, что онъ перенялъ въ Самарѣ, у степняковъ; но блуза, характерная и тогда, какъ и и понынѣ, была любимымъ одѣяніемъ Льва Николаевича — такъ что, когда меня спрашиваютъ теперь объ оригинальности костюма Л-а Н-а, я говорю, что уже 50 лѣтъ почти онъ носитъ тотъ же костюмъ.

Охотничье искусство Л. Н. зналъ до тонкостей и часто сравнивалъ охоту съ войной.

— Какъ отъ сметки и находчивости охотника, — говорилъ онъ, — часто зависитъ удача охоты, такъ и успѣхъ войны отъ находчивости военачальника. Диспозиція, иногда прекрасно задуманная, изъ-за какого-нибудь непредвидѣннаго пустяка не достигала цѣли. Все тогда спутывалось, и въ результатѣ — полная неудача.

Какъ-то при одномъ изъ такихъ сравненій Левъ Николаевичъ разсказалъ, со словъ Н. Н. Муравьева-Карсскаго, почему неудаченъ былъ въ 1855 году штурмъ Карса:

— Муравьевъ усомнился въ вѣрности сдѣланной имъ диспозиціи, измѣнилъ ее за нѣсколько часовъ до штурма, послушавъ своего начальника штаба. И потерпѣлъ пораженіе. А выполни онъ первый планъ, имъ сдѣланный, успѣхъ былъ бы полный. Но не хватило увѣренности въ себѣ... И такъ часто бываетъ и на войнѣ и на охотѣ...

Особенно часто приходилось мнѣ бесѣдовать со Львомъ Николаевичемъ, когда онъ писалъ «Войну и миръ».

Мои дѣды дѣлали кампанію 1812 года и послѣдующихъ годовъ. Моя мать, урожденная Бибикова, была племянницей братьевъ Бибиковыхъ — адъютантовъ князя Кутузова, который былъ женатъ на сестрѣ А. И. Бибикова — усмирителя Пугачева. Такъ что многое у насъ въ домѣ было извѣстно изъ первыхъ рукъ. И, будучи ребенкомъ, я много слышалъ отъ дѣда Бибикова разсказовъ, а потомъ уже студентомъ многое передавалъ Льву Николаевичу. Но я былъ за это и богато вознагражденъ Львомъ Николаевичемъ. Окончивши «1805 годъ», Л. Н. пригласилъ меня слушать знаменитый романъ въ его чтеніи.

Читалъ намъ Л. Н. на своей небольшой квартирѣ, которую онъ занималъ на Б. Дмитровкѣ, въ домѣ Шаблыкина, зимой 1866 года.

На чтеніи присутствовалъ генералъ Перфильевъ, старикъ, помнившій хорошо то время и 12-й годъ. Замѣчаніями его Л. Н. очень дорожилъ, генералъ Перфильевъ останавливалъ графа, когда по его мнѣнію

бывала ошибка въ отношеніи военныхъ того времени. Такъ Перфильевъ замѣтилъ, что могли получить кресты только въ военное время, но не въ мирное. (Л. Н. кому-то изъ генераловъ своего романа приписалъ крестъ, полученный въ мирное время.)

При чтеніи еще были: графиня Софія Андреевна, моя жена, С. М. Сухотинъ и еще кто-то изъ домашнихъ.

Передъ этимъ Л. Н. написалъ комедію «Нигилисты» и читалъ ее А. Н. Островскому, но Островскій не призналъ пьесу годной для сцены, съ чѣмъ Л. Н. согласился. И комедія была предана забвенію тогда же, въ 1866 году.

Онъ читалъ «1805 годъ» (такъ называлось начало «Войны и мира») необыкновенно просто, но невольно захватывалъ насъ увлекательностью своего произведенія.

Помню еще одно чтеніе. Какъ-то, послѣ охоты, на Льва Николаевича нашелъ какой-то особенный стихъ, и онъ началъ читать на память стихи, восхитивъ насъ своимъ чтеніемъ. Послѣ этого я никогда не слышалъ, чтобы онъ читалъ или хвалилъ стихи.

* * *

Какъ я выше сказалъ, мнѣ удалось нѣсколько разъ, можетъ быть и случайно, но все же добывать матеріалъ для повѣстей гр. Л. Н. Толстому въ то время, какъ Л. Н. писалъ «Войну и миръ» и «Анну Каренину». Какъ конскій охотникъ и любитель скачекъ, я сооб-

щалъ много подробностей. Между прочимъ я передалъ Л—у Н—у подробности и обстановку красносельской скачки, которая и вошла въ яркомъ изображеніи въ «Анну Каренину».

Паденіе Вронскаго съ «Фру-Фру» взято съ инцидента, бывшаго съ княземъ Д. Б. Голицынымъ, а шт.-капитанъ Махотинъ, выигравшій скачку, напоминаетъ А. Д. Милютина...

Л. Н. разрѣшилъ мнѣ знакомить съ нимъ моихъ друзей безъ предварительныхъ извѣщеній и церемоній. Я пользовался очень осторожно этимъ исключительнымъ правомъ. И только разъ Л. Н. мнѣ предъявилъ отводъ и именно въ отношеніи человѣка, про котораго Л. Н. зналъ, что я очень его люблю и высоко цѣню, и съ которымъ мнѣ хотѣлось познакомить графа. Это былъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Совпало это съ тѣмъ временемъ, когда Левъ Николаевичъ уже начиналъ говорить и писать противъ войны, считая ее величайшимъ грѣхомъ. А потому, вѣроятно, и Скобелевъ, жившій мыслями о войнѣ и жаждавшій войны, представлялся Л—у Н—у чѣмъ-то кровожаднымъ. Это нежеланіе Л—а Н—а познакомиться съ М. Д. Скобелевымъ подтвердила мнѣ и графиня Софія Андреевна. Пришлось поневолѣ отказаться отъ мысли, видѣть бесѣдующими автора «Севастопольскихъ разсказовъ» и бѣлаго генерала—героя только что кончившейся кампаніи.

Читая недавно о Верещагинѣ, который обозвалъ Л—а Н—а «невѣждой» за то, что тотъ не хотѣлъ съ

нимъ знакомиться, мнѣ думается, что тутъ причины были тѣ же самыя, т.-е., что Толстому не хотѣлось знакомиться съ человѣкомъ, который казался ему кровожаднымъ. Передъ этимъ В. В. Верещагинъ только что напечаталъ свои записки, гдѣ, мнѣ кажется, изрядно-таки сгустилъ краски, произведя себя въ какого-то злодѣя и разсказывая о томъ, какъ онъ усердно уговаривалъ генерала А. П. Струкова повѣсить двухъ турокъ... Хотя В. В. Верещагинъ и былъ увѣренъ въ томъ, что эти турки отъявленные злодѣи, но въ то же время ему сцена повѣшенія нужна была для картины. Чуткому сердцу Л. Н. Толстого этотъ разсказъ показался прямо-таки отталкивающимъ.

За много лѣтъ знакомства съ Л. Н. Толстымъ мнѣ приходилось видѣть Льва Николаевича въ различныхъ состояніяхъ его жизни: и консерваторомъ, и либераломъ, и ярымъ охотникомъ, и затѣмъ ярымъ противникомъ охоты, впрочемъ лишь относительно себя. Какъ-то, не особенно давно, Л. Н. какъ бы даже попрекнулъ меня, что я, старый охотникъ, и не ѣзжу на охоту въ такіе чудные дни, которые стояли осенью, когда мы говорили.

Не забуду одного вечера, когда Л. Н. пріѣхалъ однажды къ намъ въ Шаховское, въ началѣ 70-хъ годовъ, верхомъ, взбѣшенный и взволнованный, и началъ говорить, что бросаетъ Россію навсегда, что при существующихъ порядкахъ жить въ Россіи нельзя. Насилу мы его успокоили, особенно обязаны были этимъ болѣе всего П. Ѳ. Самарину. Оказалось, что быкъ

въ стадѣ Ясной Поляны забодалъ пастуха, и судебный слѣдователь обязалъ Л—а Н—а невыѣздомъ и возбудилъ оригинальное уголовное дѣло.

— Это тотъ же арестъ! — горячился Левъ Николаевичъ. — Этотъ же самый судебный слѣдователь засадилъ одного яснополянскаго крестьянина въ острогъ и продержалъ его около года. А оказалось, что мужикъ совсѣмъ невиновенъ. На-дняхъ къ сосѣдней помѣщицѣ этотъ же судебный слѣдователь привезъ мертвое тѣло и сталъ его потрошить у нея на балконѣ... Это возмутительно! Какъ можно жить при такихъ условіяхъ!

П. Ѳ. Самаринъ успокаивалъ Л—а Н—а, доказывая, что смерть человѣка, а въ данномъ случаѣ пастуха его, настолько серьезный фактъ, что судебное вѣдомство не можетъ оставить его безъ разслѣдованія. Къ ночи Л. Н. успокоился и спокойно заснулъ. Но къ утру опять тревога: прискакалъ нарочный изъ Крапивны съ требованіемъ Толстого въ окружный судъ — какъ присяжнаго засѣдателя. Л. Н. опять заволновался, но не поѣхалъ, отписавшись, что онъ обязанъ невыѣздомъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ судебныхъ инцидентовъ Л. Н. написалъ письмо въ Петербургъ, но вскорѣ совершенно успокоился и пересталъ думать о выѣздѣ въ Англію.

Онъ описалъ все въ письмѣ къ своей теткѣ графинѣ А. А. Толстой — воспитательницѣ великой княжны Маріи Александровны. А. А. Толстая прочла письмо Льва Николаевича Государю Александру II-му, кото-

рый принялъ къ сердцу исторію съ Толстымъ и, кажется, обратилъ особенное вниманіе на несуразности, творившіяся тогда въ судебномъ вѣдомствѣ.

* * *

Новыя думы завладѣли Львомъ Николаевичемъ. Появились «Въ чемъ моя вѣра» и другія философскія и религіозныя работы, которыя, впрочемъ, занимали Льва Н—а еще и во время писанія «Анны Карениной». Онъ велъ продолжительные споры съ редстокистами, которые помышляли сдѣлать изъ него своего адепта. Однако, полетъ Льва Николаевича былъ куда выше ихъ усилій. Но гг. Редстокъ, Пашковъ, гр. А. П. Бобринскій и др. еще не знали тогда Льва Н—а и надѣялись сдѣлать его своимъ.

— Мнѣ нуженъ редстокистъ, но настоящій, — какъ-то сказалъ мнѣ Л. Н.

И мнѣ удалось завести въ Ясную Поляну бывшаго министра путей сообщенія, графа А. П. Бобринскаго. Споръ его съ Л. Н. былъ очень интересенъ и отразился на нѣсколькихъ страницахъ въ «Аннѣ Карениной», гдѣ Алексѣй Александровичъ Каренинъ дѣлается редстокистомъ, оставляя свой высокій служебный постъ...

Но гр. Бобринскій остался не особенно доволенъ результатами своей миссіи.

Кн. Д. Оболенскій.

Феликсъ Ортъ.
(Голландія.)

ТОЛСТОЙ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

Толстого, какъ писателя-романиста, мы, болѣе или менѣе, знали и раньше. Но онъ не представлялся намъ ярче другихъ корифеевъ литературы.

Въ 1896 г. стало иначе.

Я живо помню первый конгрессъ воздержанія въ Утрехтѣ, когда пасторъ Клейнъ, еще молодой человѣкъ, къ удивленію многихъ слушателей, возсталъ противъ воспретительныхъ законовъ, касающихся спиртныхъ напитковъ на томъ основаніи, что нравственно мы не имѣемъ права принуждать насильно къ чему-нибудь нашихъ ближнихъ.

Это слѣдованіе ученію Христа показалось намъ страннымъ, даже наивнымъ и больнымъ. Послѣ ближайшихъ разспросовъ выяснилось, что это было поставлено и Толстымъ, какъ толкованіе ученія *о непротивленіи.*

Вскорѣ наша иронія перешла въ размышленіе, а размышленіе къ единодушію съ Толстымъ.

Уже въ слѣдующемъ году идея «непротивленія» на-

столько распространилась въ Голландіи, что ея послѣдователи могли объединиться. И это повело къ возникновенію христіанско-анархическаго теченія, извѣстнаго подъ названіемъ «Freide Bewegung» (Движеніе въ пользу мира).

Тогда единомышленниками была сообща основана типографія «Миръ» (Vrede), которая главнымъ образомъ и должна была служить тому, чтобы сдѣлать идеи Толстого и его единомышленниковъ болѣе доступными для народа. Періодическій органъ того же названія былъ основанъ для той же цѣли. Первый издатель и въ то же время редакторъ «Мира» былъ человѣкъ, исповѣдующій то же міропониманіе, что и Толстой. Онъ уклонился отъ службы въ стрѣлкахъ (родъ военной службы, существовавшій еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ исключительно въ Голландіи) и долженъ былъ отбыть тюремное заключеніе. Вскорѣ крупныя и мелкія соціально-религіозныя сочиненія Толстого были напечатаны во многихъ изданіяхъ и распространены въ дешевыхъ изданіяхъ. То же было съ книгой «Царство Божіе внутри насъ», которая была выпущена въ продажу по 45 сантимовъ и энергично распространялась единомышленниками.

Естественнымъ слѣдствіемъ этой пропаганды было то, что многіе изъ нашихъ соотечественниковъ пробудились отъ духовнаго сна, но съ другой стороны на это стали смотрѣть, какъ на опасное явленіе.

Дальнѣйшій ходъ духовнаго движенія извѣстенъ. Первое время съ одушевленіемъ стремились возможно

болѣе къ совершенному проведенію идеи непротивленія въ жизнь и думали достигнуть этого наилучше всего въ колоніи, устроенной на принципахъ христіанства, хотя самъ Толстой видѣлъ въ этихъ колоніяхъ только одну изъ переходныхъ формъ, а никакъ не непремѣнное для всѣхъ устройство жизни. Однако, попытка устройства такой колоніи (въ Бларикумѣ) окончилась большими разочарованіями. Причиной была, главнымъ образомъ, слишкомъ большая самооцѣнка со стороны многихъ, которые, хотя и брали на себя «крестъ непротивленія», но не имѣли силъ его нести. Были и другіе, для слабыхъ плечъ которыхъ оказалась слишкомъ тяжелой жизнь общины.

Сдѣлавъ ошибку въ попыткѣ устройства колоній, христіанско-анархическое движеніе въ нашей странѣ мало-по-малу ослабло и, какъ организація, почти совсѣхъ заглохло.

Но все же эта эпоха не была безплодной для духовнаго развитія отдѣльныхъ личностей и для истинной оцѣнки идей истиннаго христіанства. Духовная жизнь многихъ изъ нашего народа безспорно обогатилась, и этимъ обогащеніемъ мы прежде всего обязаны Льву Толстому.

Тѣ, кто въ настоящее время продолжаютъ дѣло, начатое въ 1897 г., не называютъ себя «толстовцами». Они не считаютъ себя и послѣдователями Толстого въ узкомъ смыслѣ этого слова, но, пробужденные и одушевленные толстовской проповѣдью христіанства, развиваютъ самостоятельное движеніе. Для нихъ

центръ тяжести лежитъ въ томъ, чтобы повиноваться голосу собственной совѣсти, но не въ буквальномъ слѣдованіи пяти заповѣдямъ Христа, ибо голосъ Христа, живущаго въ ихъ сердцахъ, имъ понятнѣе, чѣмъ Христосъ, говорившій устами еврейскаго пророка.

Во всякомъ случаѣ освѣтленная совѣсть ведетъ ихъ по тому же пути, что и нагорная проповѣдь.

И мы, голландцы, всегда съ благодарнымъ чувствомъ будемъ помнить о томъ участіи, которое принималъ Левъ Толстой въ просвѣтленіи нашей совѣсти и уясненіи религіознаго сомосознанія.

Felix Ortt.

Joest, Holland.

И. И. Поповъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ДУХОБОРЫ.

Съ Л. Н. Толстымъ я познакомился въ связи съ ссылкой духоборовъ съ Кавказа въ Якутскую область.

Левъ Николаевичъ всегда питалъ живыя симпатіи къ духоборамъ, живущимъ на Кавказѣ. Когда же ихъ стали ссылать въ Сибирь, онъ принялъ очень горячее участіе въ судьбѣ этихъ людей. Сначала онъ всячески хлопоталъ за духоборовъ передъ сильными міра сего, но когда эти хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, отдался дѣятельной жаждѣ облегчить положеніе духоборовъ, ссылаемыхъ въ якутскія тундры и переселяющихся въ Америку.

Благодаря Л. Н. Толстому, были собраны значительныя суммы денегъ. Онъ писалъ во всѣ концы міра горячія воззванія о состраданіи къ ссылаемымъ — «хорошимъ людямъ». Такія письма, между прочимъ, получали и представители гражданской администраціи и начальники тюремъ, черезъ которыя проходили духоборы, и многія частныя лица. Не ограничиваясь этимъ, Л. Н. озаботился еще и организаціей медицинской помощи для ссылаемыхъ духоборовъ и убѣдилъ врача-

якута, г. Сокольникова, сопровождать партію духоборовъ. Г. Сокольниковъ только что окончилъ московскій университетъ и ѣхалъ окружнымъ врачомъ въ Якутскую область. Съ дороги и съ мѣстъ поселенія духоборовъ г. Сокольниковъ посылалъ Льву Николаевичу подробные отчеты, восторженно отзываясь о великомъ писателѣ, о его добротѣ и заботливости, съ какими Л. Н. относился къ духоборамъ, предусматривая всякую мелочь, могущую встрѣтиться имъ на пути...

Весною въ 1889 г. въ Якутскую область отправились къ сосланнымъ мужьямъ и духоборки, около 100 душъ. Левъ Николаевичъ принялъ живое участіе и въ ихъ судьбѣ. Благодаря его хлопотамъ, въ Иркутскѣ духоборкамъ предоставили цѣлый домъ, а иркутяне щедро снабдили ихъ деньгами, яйцами, куличами и др. припасами.

Духоборки прибыли въ Иркутскъ на Пасху, а въ маѣ мѣсяцѣ онѣ должны были слѣдовать въ Якутскую область этапнымъ порядкомъ, такъ какъ на передвиженіе за свой счетъ онѣ не имѣли средствъ. Но и здѣсь имъ помогъ Левъ Николаевичъ. Онъ наводилъ справки о пароходствѣ на Ленѣ и о томъ, кто изъ пароходовладѣльцевъ наиболѣе отзывчивъ, и затѣмъ написалъ М. В. Пихтину, представителю фирмы А. И. Громовой, который и оказалъ духоборамъ большія услуги, облегчивши ихъ участь въ пути и на мѣстѣ поселенія.

«У меня къ Вамъ просьба, — писалъ ему Л. Н., — которую, потому что я знаю о Васъ, Вы не откажетесь исполнить. Изъ Батума ѣдутъ къ своимъ мужьямъ ду-

хоборамъ, поселеннымъ въ Якутской области, ихъ жены. До Иркутска онѣ ѣдутъ на свои средства; отъ Иркутска же до Якутска онѣ должны будутъ арестоваться и итти этапомъ. Если бы имъ былъ данъ безплатный проѣздъ на пароходахъ, идущихъ по Ленѣ, это было бы большое благодѣяніе. Объ этомъ-то я и позволю себѣ просить Васъ».

Просьба Льва Николаевича была исполнена, и духоборки доѣхали до Якутска на пароходѣ А. И. Громовой, избавившись вмѣстѣ со своими малолѣтними дѣтьми отъ тяжелаго (въ 3000 верстъ) этапнаго пути.

Духоборки отвѣчали глубокой благодарностью на то вниманіе, съ которымъ онѣ были встрѣчены въ Иркутскѣ и на пароходѣ. Онѣ понимали, кому обязаны всѣмъ, и отзывались съ горячей благодарностью о «братѣ Львѣ Николаевичѣ». А «братъ» не переставалъ заботиться о духоборкахъ и во все время ихъ пребыванія въ Якутской области, условія жизни которой для нихъ, южанокъ, были особенно тяжелы.

Не мало услугъ оказывалъ Л. Н. и отдѣльнымъ сектантамъ, ссылаемымъ въ Сибирь. Помимо хлопотъ въ Петербургѣ, онъ старался облегчить ихъ участь въ тюрьмѣ и на мѣстахъ поселенія, ведя съ ними дѣятельную переписку. Я не разъ исполнялъ порученія Льва Николаевича по передачѣ писемъ, денегъ, платья заключеннымъ или поселеннымъ сектантамъ. Нужно отдать справедливость, что тюремная и гражданская администрація охотно помогала мнѣ въ сношеніи съ заключенными. И конечно, не потому, что я былъ

редакторомъ одной изъ газетъ въ Сибири, а потому, что я дѣйствовалъ по порученію Льва Николаевича.

Иногда исполненіе просьбъ его вызывало большія хлопоты: оказывалось, что тотъ сектантъ, котораго мы думали найти въ Иркутской или Александровской тюрьмѣ, находился уже въ другомъ мѣстѣ, и его приходилось разыскивать при помощи губернской администраціи. Въ свою очередь и сектанты высылали иногда контрабанднымъ способомъ письма для пересылки Льву Николаевичу, «любезному и дорогому брату», какъ обыкновенно назывался Толстой въ препроводительныхъ записочкахъ.

Осенью 1903 г. я посѣтилъ Ясную Поляну и впервые увидѣлъ Льва Николаевича. Ни одинъ изъ его портретовъ не передаетъ съ полностью выраженія его лица. На портретахъ Л. Н. обыкновенно имѣетъ видъ, благодаря его густымъ бровямъ и глубоко сидящимъ глазамъ, суроваго старика; на самомъ же дѣлѣ на меня смотрѣло ясное и привѣтливое лицо съ проникающими въ душу глазами. Мнѣ невольно припомнился отзывъ о Львѣ Николаевичѣ крестьянина, который привезъ меня въ Ясную Поляну:

— «Правдивый, душевный человѣкъ! Бѣдному всегда помогаетъ. Крестьяне живутъ у него хорошо. Всѣхъ ихъ знаетъ. Да и какъ не знать — почитай всѣ на его глазахъ выросли. Всегда разсудитъ по-божески, всегда скажетъ совѣстливое слово»...

Подъ проницательнымъ взоромъ Льва Николаевича

нельзя сказать неправду. Это чувствуется сейчасъ же, какъ только увидишь его.

Поздоровавшись, я извинился, что безпокоилъ его просьбой о разрѣшеніи пріѣхать къ нему.

— Полноте, — сказалъ Л. Н., — если бы я былъ занятъ, не пригласилъ бы васъ. Я очень радъ съ вами познакомиться. Это важно для меня. У меня въ Сибири, вы знаете, часто бываютъ дѣла и порученія, съ которыми и буду теперь обращаться къ вамъ свободно.

Разговоръ перешелъ на злобу дня: о возможности войны съ Японіей. Я, между прочимъ, передалъ Льву Николаевичу содержаніе моей бесѣды съ тогдашнимъ пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ Г. И. Субботичемъ, съ которымъ ѣхалъ вмѣстѣ изъ Сибири. Г. Субботичъ былъ того мнѣнія, что война съ Японіей можетъ кончиться для насъ печально.

— Какъ кончится война, это вопросъ второстепенный, — сказалъ Левъ Николаевичъ. — Вотъ и вы, говоря о войнѣ, думаете о побѣдѣ или пораженіи. А между тѣмъ уже самая мысль о войнѣ ужасна. Война такое зло, изъ котораго не можетъ быть добра. И жажда побѣды цѣною человѣческихъ жизней ужасна. И какіе такіе интересы могутъ оправдать убійство?.. Вотъ вы сказали, что поводомъ къ войнѣ послужатъ лѣсныя концессіи на Ялу? Но эти концессіи не нужны русскому мужику, какъ не нужны и японскому. Спросите ихъ, нужна ли имъ война? Народъ всегда скажетъ: «нѣтъ, не нужна»...

Я сказалъ, что въ 1895 г., когда война съ Японіей

была близка, то я въ «Восточномъ Обозрѣніи» доказывалъ, что эта война, кромѣ вреда, Россіи ничего не дастъ. Мирныя же отношенія съ Китаемъ намъ уже дали возможность безъ капли крови присоединить громадную территорію на Амурѣ и въ Уссурійскомъ краѣ...

— Вотъ вы опять сказали нехорошо, — возразилъ Л. Н. — Изъ вашихъ словъ можно вывести, что войны бываютъ иногда полезны и даже необходимы. А это-то и невѣрно и противно человѣческой природѣ. И нѣтъ такого случая, который могъ бы оправдать войну. Ахъ, если бы правители справлялись съ желаніемъ народа, то никогда не было бы войнъ! Отчего вы не доказываете въ газетахъ эту истину?

— Въ Россіи не только такіе, но и болѣе безобидные вопросы могутъ повлечь къ закрытію газетъ...

— И пусть закрываютъ... Я не разъ говорилъ, что журнальная дѣятельность въ настоящее время приноситъ вредъ, а не пользу. О томъ, что нужно — не пишутъ, а дѣлаютъ сдѣлки съ совѣстью... Писать нужно всегда такъ, какъ-будто бы вы излагаете свои мысли Богу. Передъ Богомъ же люди не станутъ кривить совѣстью. А если такъ нельзя писать, то лучше совсѣмъ не писать... Оппортюнизмъ приноситъ неизчислимый вредъ...

— Въ наше время, Левъ Николаевичъ, иногда трудно соединить принципъ съ его примѣненіемъ...

— Должно! — категорически сказалъ Л. Н. — Нельзя и представить себѣ весь вредъ отъ поступковъ, не-

согласованныхъ съ совѣстью. И вотъ духоборы живутъ же согласно со своей совѣстью. И посмотрите, какъ живутъ!

И какъ бы въ поясненіе своей мысли Левъ Николаевичъ передалъ мнѣ для ознакомленія сдѣланный имъ переводъ статьи Джемса. Джемсъ весною 1903 г. посѣтилъ 30 деревень духоборовъ въ Канадѣ и работалъ съ ними на желѣзной дорогѣ. Онъ съ большими похвалами отзывается о духоборахъ и объ ихъ организаціи. Идея братства у нихъ проведена полностью, и они, по мнѣнію Джемса, вполнѣ разрѣшили вопросъ объ общинѣ. Частной собственности у нихъ совсѣмъ нѣтъ. И добытый даже на сторонѣ заработокъ считается собственностью всѣхъ, а средства всегда направляются туда, гдѣ они наиболѣе нужны. Джемсъ хотѣлъ купить кусокъ пряжи. Духоборка принесла ему эту пряжу и предложила ее въ такой формѣ, что о платѣ не могло быть и рѣчи. Тогда Джемсъ спросилъ, что онъ можетъ прислать ей изъ Нью-Іорка? Духоборка отвѣтила, что она ничего не можетъ принять отъ Джемса, потому что пряжу ему приноситъ въ подарокъ вся община.

Левъ Николаевичъ съ горячимъ сочувствіемъ отнесся къ статьѣ Джемса и поспѣшилъ ее перевести на русскій языкъ. Ознакомившись со статьей Джемса, я сказалъ:

— Статья чрезвычайно интересна.

— Вотъ какъ нужно жить! — сказалъ Л. Н. — Какъ легко не дѣлать компромиссовъ!

— Но это возможно пока въ Канадѣ. У насъ же духоборовъ сослали въ Якутку.

— И что же? И въ Сибири они жили согласно съ своей совѣстью. Преслѣдованія не страшны, кто живетъ съ Богомъ. «Жить по совѣсти», вотъ передовая мысль, которая все болѣе и болѣе захватываетъ право на Западѣ и у насъ въ Россіи. Этой передовой мыслью и должны проникнуться газеты. И это такъ будетъ лѣтъ черезъ двадцать.

Рѣчь перешла на Сибирь и на сибирскую желѣзную дорогу.

Отмѣтивши, что за послѣднее время Сибирь обѣднѣла, Л. Н. сказалъ:

— Такъ это и быть должно: при современныхъ условіяхъ желѣзныя дороги способствуютъ вывозу необходимыхъ продуктовъ и взамѣнъ этого почти ничего не даютъ населенію...

Послѣ этого бесѣда зашла о положеніи въ Сибири бурятъ и инородцевъ. Л. Н. выразилъ увѣренность, что одна нація можетъ воздѣйствовать на другую только этическими средствами. И рѣзко отозвался о принудительномъ «обрусѣніи». По поводу стѣсненій, въ которыя поставлена религія ламаитовъ, онъ даже негодующе сказалъ:

— Насиліе никогда не достигаетъ цѣли, а возвращается обратно. Но особенно оно возмутительно въ дѣлахъ вѣры...

Я разсказалъ Льву Николаевичу миѳъ Арья-ба-

ло. И ему очень понравилось толкованіе миѳа ламаитами. Сущность миѳа «Арья-бало» въ слѣдующемъ:

Когда Будда вступилъ въ борьбу со зломъ, то встрѣтилъ столько зла, что упалъ духомъ и въ отчаяніи бросился со скалы. И голова его разбилась на тринадцать частей. Высшее существо, повелѣвающее міромъ, оживило Будду и, превративъ каждую часть разбитой головы въ новую голову, вдохнуло въ нихъ мысль.

И начали тринадцать головъ одновременно изыскивать средства для уничтоженія зла и придумывали ихъ. Но... двѣ руки не успѣвали приводить въ исполненіе всѣ придуманныя мѣры. Тогда Высшее существо надѣлило Будду тысячью рукъ. Послѣ этого Будда успѣшно началъ свое дѣло, передъ которымъ и отступало зло.

Арья-бало изображается съ тринадцатью головами и множествомъ рукъ.

Отъ ламайской религіи мы перешли къ чистому буддизму, ученіе котораго Левъ Николаевичъ ставитъ очень высоко. И я былъ пораженъ его обширной эрудиціей по религіознымъ вопросамъ, которые онъ всегда ставитъ во главу угла своихъ сужденій, какихъ бы разнообразныхъ вопросовъ и сторонъ жизни рѣчь ни касалась...

Бесѣда съ нимъ какъ бы улучшаетъ собесѣдника, заставляя его вдумчивѣе относиться къ себѣ...

Докторъ Б., близко знающій Толстого, такъ объяснялъ это:

— Толстого цѣнятъ, какъ великаго художника и

какъ мыслителя, но мало говорятъ о его добротѣ, о его душевной мягкости и умѣніи сдѣлать человѣка лучше. А онъ замѣчательно добрый человѣкъ и обладаетъ какимъ-то особеннымъ даромъ проникания въ измученную душу другого человѣка и врачеванія словомъ утѣшенія. Говорятъ, глаза — зеркало души. Посмотрите же внимательно въ глаза Толстого и вы скажете, что такіе глаза могутъ быть только у человѣка исключительной доброты. Оттого такъ и подпадаютъ подъ его обаяніе приходящіе въ общеніе съ нимъ...

И докторъ совершенно правъ.

И. И. Поповъ.

Москва.
1908. Іюль.

Н. П. Петерсонъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО УЧИТЕЛЯ*).

Впервые я увидалъ Льва Николаевича въ началѣ 1862 г., въ Москвѣ, на Лубянкѣ, въ гостиницѣ, кажется, «Лабади», куда я пришелъ къ нему со своими товарищами, какъ одинъ изъ согласившихся на его приглашеніе ѣхать учительствовать въ одной изъ сельскихъ школъ, которыя Л—въ Н—чъ предполагалъ тогда открыть, будучи мировымъ посредникомъ.

Нѣсколько школъ въ ближайшихъ къ Ясной Поляне селеніяхъ были открыты Толстымъ раньше. Бы-

*) Получивъ статью Н. П. Петерсона и особенно дорожа сю за ея независимый характеръ, я хотѣлъ, однако, провѣрить нѣкоторые факты и обратился съ просьбою къ лицу, близко стоящему къ Л. Н. Толстому (тогда больному), спросить при случаѣ Льва Николаевича, не разрѣшитъ ли онъ прислать ему для просмотра статью г. Петерсона.

Л. Н. поручилъ передать мнѣ:

„Если П. А. хочетъ прислать мнѣ статью Петерсона, не рѣшаясь ее напечатать изъ-за ея осудительнаго характера, то я очень прошу его напечатать статью; я желаю осужденій“.

П. С.

ла школа и въ Ясной Полянѣ, на барской усадьбѣ, въ одномъ изъ находившихся въ ней домовъ.

Въ этой школѣ учительствовалъ и самъ Левъ Н—чъ. Учителями въ открываемыя школы Левъ Н—чъ приглашалъ студентовъ, среди которыхъ были въ то время волненія, начавшіяся изъ-за вводившихся матрикулъ и переходившія на политическую почву. Левъ Н—чъ указывалъ на безплодность этихъ волненій и приглашалъ къ плодотворной работѣ надъ просвѣщеніемъ народа, который казался тогда Льву Н—чу источникомъ истины, блага и красоты, но источникомъ закрытымъ, за отсутствіемъ органовъ, способныхъ проявить внутреннее содержаніе. Внося въ среду народа грамотность, мы должны были способствовать, помогать народу выразить его внутреннюю сущность, сказать свое слово, и мы должны были прислушиваться къ этому слову, а не вносить въ народъ что-либо свое. Цивилизація (слово «культура» тогда еще не употреблялось) казалась Льву Н—чу извращеніемъ здоровой жизни людей. И я не разъ между прочимъ слышалъ отъ него:

— Жениться на барышнѣ — значитъ, навязать на себя весь ядъ цивилизаціи.

И хотя мы всѣ и были продуктомъ цивилизаціи, но не заражать народъ своимъ «ядомъ» приглашалъ насъ Левъ Н—чъ, а самимъ оздоровиться отъ соприкосновенія съ здоровою жизнью народа.

Я, какъ и всѣ откликнувшіеся на приглашеніе Льва Н—ча, съ радостью пошелъ за нимъ... Для меня было

величайшей радостью пріѣзжать по субботамъ и предъ праздниками въ Ясную Поляну изъ Плеханова (деревня, гдѣ я учительствовалъ, верстахъ въ 17-ти отъ Ясной) и проводить цѣлый день вмѣстѣ съ остальными сотоварищами, которыхъ было человѣкъ десять, въ бесѣдахъ со Л—мъ Н—чемъ и слушать его разсказы. Нѣкоторые я потомъ встрѣтилъ въ его «Казакахъ» и «Войнѣ и мирѣ».

Для меня было еще большимъ наслажденіемъ слушать его дивную игру на роялѣ. Особенно запечатлѣлся въ моей памяти «Лѣсной царь» Шумана, сопровождаемый словами баллады Жуковскаго.

Въ Ясной Полянѣ намъ было необыкновенно пріятно. Всѣ относились къ намъ съ рѣдкой добротою, не исключая и тетушки Льва Николаевича, Татьяны Александровны Ергольской, хотя мы, вѣротяно, и не могли не шокировать ее своими манерами и своими несовершенными (за неимѣніемъ средствъ) костюмами. Впрочемъ, и самъ Левъ Н—чъ не блисталъ тогда костюмами. Мнѣ помнится, что у него былъ только одинъ сюртукъ, въ которомъ онъ ѣздилъ на съѣзды мировыхъ посредниковъ, но и тотъ съ короткими рукавами и съ таліей не на своемъ мѣстѣ; а ваточное пальто Л—а Н—ча было даже съ прорванной подкладкой, и изъ-подъ нея лѣзла вата..

Послѣ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ Левъ Н—чъ всегда бывалъ недоволенъ и очень нелестно отзывался о своихъ сотоварищахъ по съѣзду, изъ которыхъ я ни одного не видалъ въ Ясной Полянѣ.

Впрочемъ, Левъ Н—чъ недолго оставался мировымъ посредникомъ. Въ апрѣлѣ или маѣ 1862 г. онъ подалъ въ отставку.

—

Недолго, однако, мы учительствовали. Съ началомъ весеннихъ работъ наши школы опустѣли. И нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, должны были поселиться въ Ясной Полянѣ, въ ожиданіи, когда, по окончаніи полевыхъ работъ, снова соберутся ученики въ наши школы.

Жить въ Ясной Полянѣ было хорошо. Но самъ Левъ Н—чъ что-то заскучалъ. Онъ взялъ съ собою двоихъ учениковъ яснополянской школы и уѣхалъ съ ними въ маѣ мѣсяцѣ въ самарскія степи, откуда возвратился только мѣсяца черезъ два. Безъ него пріѣзжали жандармы и производили обыски, но, конечно, безрезультатно. Левъ Н—чъ былъ чуждъ политикѣ, и насъ всѣхъ отчудилъ отъ нея.

Жандармы были направлены на Ясную Поляну, вѣроятно, по неудовольствію, которое Левъ Н—чъ возбудилъ противъ себя какъ мировой посредникъ.

Послѣ возвращенія Льва Н—ча изъ самарскихъ степей, пріѣзжалъ, я помню, въ Ясную Поляну Е. Л. Марковъ, бывшій тогда учителемъ тульской гимназіи, впослѣдствіи извѣстный публицистъ и литераторъ. Е. Марковъ пріѣзжалъ въ Ясную Поляну вскорѣ послѣ того, какъ вышла книжка «Русскаго Вѣстника» съ его статьею объ яснополянской школѣ и о журналѣ «Яс-

ная Поляна». Въ этой книжкѣ Марковъ весьма критически отнесся къ педагогическимъ идеямъ Льва Н—ча и этимъ всѣхъ насъ возбудилъ противъ себя. Тѣмъ не менѣе Левъ Н—чъ принялъ его весьма любезно; и когда мы слишкомъ яростно нападали на Маркова, въ особенности послѣ его отъѣзда, Левъ Н—чъ, не соглашаясь съ Марковымъ, заявилъ, однако, что Марковъ очень уменъ и статья его — очень умная статья. Тѣмъ и были сдержаны наши нападки.

Въ августѣ (1862 г.) Л. Н. поѣхалъ въ Москву по дѣламъ редакціи журнала «Ясная Поляна», которой завѣдывалъ одинъ студентъ. Окна квартиры этого студента были вровнѣ съ тротуаромъ. И мнѣ помнятся разсказы, что Левъ Н—чъ входилъ къ этому студенту для сокращенія черезъ окно. Говорили также, что Левъ Н—чъ, пріѣхавъ въ Москву, остановился на этотъ разъ не въ гостиницѣ, а на студенческой квартирѣ. Но скоро мы услыхали, что онъ переѣхалъ въ одну изъ лучшихъ тогдашнихъ гостиницъ въ Москвѣ— къ Шевалдышеву, а затѣмъ и въ самую лучшую—къ «Шевалье» въ Газетномъ переулкѣ. Не могу однако утверждать, что все это именно такъ происходило, но все это такъ сохранилось у меня въ памяти.

Потомъ мы узнали, что Левъ Н—чъ рѣшилъ жениться. А въ сентябрѣ 1862 г. онъ пріѣхалъ въ Ясную Поляну уже со своею супругою Софьей Андреевной....

Были слухи, будто Левъ Н—чъ однажды чуть не женился на одной своей сосѣдкѣ, но вмѣсто церкви, гдѣ

должна была совершиться свадьба, уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе....

Ко времени пріѣзда Льва Н—ча въ Ясную Поляну съ молодою женою всѣ учителя разъѣхались по своимъ школамъ. Я былъ младшій изъ всѣхъ. Мнѣ было 17 лѣтъ, и моя дѣятельность въ Плехановской школѣ была не особенно удачна; а потому съ осени я долженъ былъ заниматься въ яснополянской школѣ, гдѣ преподавалъ и самъ Левъ Николаевичъ. Но по пріѣздѣ его съ женою занятія въ школѣ что-то не начинались. Я спрашивалъ Льва Н—ча:

— Когда же мы будемъ заниматься?

Онъ каждый разъ отвѣчалъ:

— Будемъ, будемъ!

Въ концѣ-концовъ, братъ Льва Н—ча, Сергѣй Н—чъ, предложилъ днѣ давать уроки его сыну, который жилъ съ матерью въ Тулѣ. И я переѣхалъ въ Тулу....

Такъ кончилось мое пребываніе въ Ясной Полянѣ. Вскорѣ закрылись и всѣ школы, открытыя Львомъ Н—чемъ....

Помню, что, живя лѣтомъ въ Ясной Полянѣ, мнѣ приходилось ѣздить въ Тулу, отстоящую верстахъ въ 13—14 отъ Ясной Поляны, приходилось ѣздить иногда верхомъ на небольшой бѣлой лошадкѣ Льва Н—ча, которая была приведена имъ съ Кавказа, гдѣ онъ ускакалъ на ней, какъ говорили, отъ черкесовъ, гнавшихся за нимъ и не догнавшихъ его, благодаря быстротѣ его коня.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Тулу я былъ тамъ въ книжной лавкѣ, кажется, Пантелеева, который обратился ко мнѣ съ просьбой спросить Льва Н—а, не продастъ ли онъ ему изданіе «Князя Серебрянаго?» Я объяснилъ Пантелееву, что это произведеніе другого графа Толстого, не Льва Н—ча. Но, по пріѣздѣ въ Ясную Поляну, разсказалъ объ этомъ Льву Н—чу. Помню его слова:

— Скажите ему (т.-е. Пантелееву), что я такой дряни не пишу.

Въ началѣ 1863 г. я покинулъ Тулу. Но и послѣ мнѣ приходилось встрѣчаться со Львомъ Н—чемъ. И, между прочимъ, въ Москвѣ, въ 1868 и 1869 гг., въ Чертковской библіотекѣ, гдѣ я былъ помощникомъ библіотекаря, П. И. Бартеньева (издатель «Русскаго Архива»). Бартеньеву Левъ Н—чъ поручилъ тогда и изданіе «Войны и мира» послѣ того, какъ начало этой поэмы, подъ заглавіемъ «1805 годъ», было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мнѣ приходилось держать и корректуру перваго изданія «Войны и мира». Во время печатанія этого произведенія Левъ Н—чъ и заходилъ въ Чертковскую библіотеку. Однажды онъ попросилъ меня разыскать все, что писалось о Верещагинѣ, который въ двѣнадцатомъ году былъ отданъ Растопчинымъ народу на растерзаніе, какъ измѣнникъ. Помню, я собралъ множество разсказовъ объ этомъ событіи, газетныхъ и другихъ, такъ что пришлось поставить особый столъ для всей этой литературы. Левъ Н—чъ что-то долго не приходилъ, а когда пришелъ,

и я указалъ ему на литературу о Верещагинѣ, то онъ сказалъ, что читать ее не будетъ, потому что въ сумасшедшемъ домѣ встрѣтилъ какого-то старика-очевидца этого событія, и тотъ ему разсказалъ, какъ это происходило..

Затѣмъ я встрѣтился со Львомъ Н—чемъ въ 1878 г. лѣтомъ, на желѣзной дорогѣ, когда онъ со всѣмъ своимъ семействомъ ѣхалъ изъ самарскаго имѣнія въ Ясную Поляну. Я проѣхалъ тутъ со Львомъ Николаевичемъ отъ станціи «Пачелмы», Сызрано-Моршанской дороги, до «Ряжска». И въ этотъ разъ Левъ Н—чъ разсказывалъ мнѣ о своемъ душевномъ состояніи, которое чуть было не привело его къ самоубійству и разрѣшилось возвращеніемъ къ вѣрѣ, которую исповѣдуетъ нашъ народъ. Въ это время Левъ Н—чъ исполнялъ всѣ церковные обряды, говѣлъ, соблюдалъ посты, причащался.

Въ послѣдній разъ я видѣлся со Львомъ Н—чемъ въ мартѣ 1899 г. и провелъ въ бесѣдѣ съ нимъ два вечера у него въ домѣ, въ Москвѣ, въ Хамовническомъ переулкѣ.

Этимъ и ограничились мои личныя сношенія со Львомъ Николаевичемъ. Но онъ представляетъ собою такое крупное явленіе, что не только знающіе его лично, хотя бы такъ мало, какъ я, но даже и совсѣмъ не видавшіе его не могутъ не обращать къ нему постоянно свои взоры, не могутъ, такъ или иначе, не относиться къ нему.

Опредѣленіе различныхъ отношеній ко Льву Ни-

колаевичу, къ его 80-тилѣтію, какъ подведеніе итога его долголѣтней жизни и дѣятельности, надо думать, полезно и самому Льву Николаевичу, въ особенности теперь, на порогѣ отхода изъ жизни, когда недалекъ уже и тотъ моментъ, когда придется сказать свое «Нынѣ отпущаеши» и когда человѣкъ становится способнымъ смотрѣть безпристрастно и на себя, и на собственную дѣятельность.

———

Покинувъ въ началѣ 1863 г. Тулу, я возвратился въ Москву и поступилъ было опять въ университетъ. Но большинство студентовъ того времени, увлеченное политикой, занималось дѣломъ плохо. Возвратившись изъ Ясной Поляны, я былъ чуждъ политикѣ. Но Левъ Николаевичъ ничего твердаго и устойчиваго намъ не далъ. Онъ не постигалъ тогда истинной основы русскаго народа, хотя, какъ выше сказано, и видѣлъ въ народѣ источникъ мудрости, истины, блага и красоты. Но онъ не видѣлъ во всемъ этомъ религіозной основы. На все религіозное въ русскомъ народѣ Левъ Николаевичъ смотрѣлъ тогда, — какъ это мнѣ казалось и всѣмъ моимъ сотоварищамъ по учительству въ яснополянскихъ школахъ, — какъ на нѣчто наносное. Внутреннее же содержаніе русскаго народа представлялось ему, а за нимъ и всѣмъ намъ, вполнѣ матеріалистическимъ.

Самъ Левъ Николаевичъ сталъ проповѣдывать семейныя добродѣтели и вмѣстѣ съ ученикомъ яснополянской школы Василіемъ Морозовымъ написалъ раз-

сказъ «Солдаткино житье», въ которомъ разсказывалось, какъ одинъ солдатъ, принакопивши на службѣ деньжонокъ, устроилъ наилучшимъ образомъ свою жизнь.

Все это не могло слишкомъ глубоко дѣйствовать на насъ, самую зеленую молодежь, которой думать о своемъ семействѣ было еще рано, да и слишкомъ эгоистично отдавать всего себя лишь своему семейству.

И, пріѣхавъ въ Москву, я скоро поддался вліянію товарищей: вошелъ въ составъ одного изъ революціонныхъ кружковъ.

Въ началѣ 1864 г. я снова покинулъ университетъ и поступилъ учителемъ уѣзднаго училища въ Богородскъ, Моск. губ. Цѣлью моего поступленія на должность учителя уѣзднаго училища была революціонная пропаганда... Одинъ изъ сочленовъ нашего кружка сообщилъ мнѣ, что въ Богородскомъ уѣздномъ училищѣ преподаетъ нѣкто Николай Федоровичъ Федоровъ, человѣкъ необыкновеннаго ума и честности — самоотверженный и напоминающій своею жизнью Рахметова.

Мы тогда были увѣрены, что умный и честный человѣкъ не можетъ быть не съ нами. И, пріѣхавъ въ Богородскъ, я тотчасъ же отправился къ Николаю Федоровичу. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, т.-е. года на четыре старше Толстого, холостъ и жилъ аскетомъ. У Н. Ф. не только не было постели, но даже и подушки. Питался онъ тѣмъ, что давали ему хозяева — простые мѣщане: въ скоромные дни — скоромное, по средамъ, пятницамъ и въ посты — постное. Н.

Ф. никогда никакихъ требованій не предъявлялъ и всегда былъ доволенъ тѣмъ, что есть.

При первой же встрѣчѣ съ нимъ я раскрылъ ему всего себя и объяснилъ цѣль, съ которой я сдѣлался учителемъ уѣзднаго училища. На это я услыхалъ:

— Не понимаю, о чемъ вы хлопочете! Вѣдь кромѣ матеріальнаго благосостоянія тѣмъ, о которыхъ вы хлопочете, вы ничего имъ дать не можете, такъ какъ никакого другого благосостоянія и не допускаете. Между тѣмъ, добиваясь матеріальнаго благосостоянія для другихъ, вы отказываетесь отъ собственнаго, готовы пожертвовать даже жизнью. Ну, а если и для тѣхъ, кому вы хотите доставить матеріальное благосостояніе, оно такъ же не важно, какъ и для васъ?.. Къ чему же тогда всѣ ваши хлопоты?..

Продолжая нашу бесѣду, я услыхалъ отъ Н—я Ф—ча, что даже и такъ называемые великіе принципы великой французской революціи — «свобода, равенство и братство» — были продуктомъ легкомыслія, потому что:

— «Изъ свободы исполнять прихоти и изъ завистливаго равенства не можетъ произойти братства, а только братство можетъ привести къ свободѣ, ибо считающіе другъ друга братомъ не могутъ порабощать одинъ другого; не могутъ и завидовать брату, поднявшемуся надъ другими. Надо, прежде всего, искать братства, а не ставить его въ хвостѣ — послѣ свободы и равенства. И все остальное приложится. Но братство не можетъ быть безъ отечества. Только по отцамъ мы

братья. А потому во главу должна быть поставлена любовь сыновняя и отеческая»...

Недоразумѣніемъ объяснялъ Н. Ф. и извѣстное выраженіе Ж. Ж. Руссо: «Человѣкъ родился свободнымъ».

— Свободнымъ на что? — спрашивалъ Н. Ф. — На то, чтобы умереть? Всякій родившійся непремѣнно бы умеръ, если бы о немъ не позаботились. А всякая забота о насъ дѣлаетъ насъ несвободными; и стремящіеся къ свободѣ не хотятъ ли освободить себя отъ обязанностей, налагаемыхъ любовью?

Такъ бесѣдуя, Н. Ф. постепенно развилъ предо мною цѣлое міросозерцаніе, совершенно для меня новое. Я былъ сразу же покоренъ имъ и уже навсегда.

Н. Ф. пробылъ при мнѣ въ Богородскѣ всего мѣсяца три. Но эти три мѣсяца совмѣстной жизни съ Н—мъ Ф—чемъ сдѣлали то, что я не терялъ уже съ нимъ связи никогда. Вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, я писалъ ему и бывалъ у него. И онъ пріѣзжалъ ко мнѣ. Мы не только бесѣдовали, но и писали, т.-е. я писалъ подъ его диктовку. Мнѣ хотѣлось опубликовать покорившее меня ученіе Н—лая Ф—ча. Но онъ всегда противился этому, находя его несвоевременнымъ и самое ученіе недостаточно развитымъ и еще не вполнѣ ясно выраженнымъ...

Не говоря Н—лаю Ф—чу, такъ какъ онъ никогда на это не согласился бы, я вкратцѣ изложилъ его ученіе и послалъ его Ѳ. М. Достоевскому, отъ котораго въ отвѣтъ получилъ письмо отъ 24 марта 1878 года,

впервые напечатанное (не вполнѣ) въ № 80-мъ газеты «Донъ» за 1897 годъ, а затѣмъ — послѣ смерти Н—лая Ф—ча уже полностью въ № 3-мъ «Русскаго Архива» за 1904 г.*).

Письмо Достоевскаго я переслалъ Н—лаю Ф—чу, и онъ рѣшилъ, что надо отвѣчать на него. Лѣтомъ 1878 г. я поѣхалъ къ Н—лаю Ф—чу въ Москву, гдѣ онъ служилъ въ Румянцевскомъ музеѣ.

По дорогѣ въ Москву я встрѣтился со Львомъ Николевичемъ на желѣзной дорогѣ и проѣхалъ съ нимъ отъ Начелмы до Ряжска. Тутъ я сообщилъ ему о Н—ѣ Ф—чѣ, прочиталъ письмо Достоевскаго и начало Федоровскаго отвѣта на письмо Достоевскаго.

О Достоевскомъ Левъ Н—чъ отозвался съ большимъ уваженіемъ, относительно же отвѣта Н—я Ф—ча на письмо Достоевскаго сказалъ, что оно ему несимпатично.

Осенью того же 1878 года, Левъ Н—чъ, будучи

---

*) „Первымъ дѣломъ — вопросъ, писалъ Достоевскій: — кто этотъ мыслитель, мысли котораго вы передали? Если можете, то сообщите его имя. Онъ слишкомъ заинтересовалъ меня. По крайней мѣрѣ, сообщите хоть что-нибудь о немъ подробнѣе, какъ о лицѣ: все это, если можно. Затѣмъ скажу, что въ сущности совершенно согласенъ съ этими мыслями. Ихъ я прочелъ какъ бы за свои. Сегодня я прочелъ ихъ (анонимно) В. С. С. (Владиміру Сергѣевичу Соловьеву). Я нарочно ждалъ его, чтобы ему прочесть ваше изложеніе идей мыслителя, такъ какъ нашелъ въ его воззрѣніи много сходнаго. Это намъ дало прекрасныхъ два часа. Онъ глубоко сочувствуетъ мыслителю. Но вотъ положительный и твердый вопросъ, который я еще въ декабрѣ положилъ вамъ сдѣлать: въ изложеніи идей мыслителя самое существен-

въ Румянцевскомъ музеѣ и познакомившись съ Н—лаемъ Ф—чемъ, началъ свое знакомство съ нимъ словами:

— А я знаю Петерсона!

Съ этого и возникло знакомство Толстого съ Н—емъ Ф—чемъ, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ, но потомъ прервавшееся вслѣдствіе обнаружившагося противорѣчія въ ихъ міровоззрѣніяхъ.

Послѣ смерти Н—лая Ф—ча въ его бумагахъ найдено письмо А. А. Шеншина (поэта Фета), въ которомъ онъ благодаритъ Н—лая Ф—ча за доставку какихъ-то книгъ и выражаетъ сожалѣніе, что они не встрѣчаются болѣе у Льва Н—ча, гдѣ такъ о многомъ

ное, безъ сомнѣнія, есть долгъ Воскресенія прежде жившихъ предковъ... Но какъ понимаете вы это Воскресеніе предковъ и въ какомъ видѣ представляете и вѣруете ему? Т.-е. понимаете ли вы его какъ-нибудь мысленно, аллегорически, напр., какъ Ренанъ, понимающій его прояснившимся человѣческимъ сознаніемъ въ концѣ жизни человѣчества... или вашъ мыслитель прямо и буквально представляетъ себѣ, какъ намекаетъ религія, что Воскресеніе будетъ реальное, личное, что пропасть, отдѣляющая насъ отъ душъ предковъ нашихъ, засыплется, побѣдится побѣжденною смертью, а они воскреснутъ не въ сознаніи только нашемъ, не аллегорически, а дѣйствительно, лично, реально, въ тѣлахъ... Отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ... Предупреждаю, что мы здѣсь, т.-е. я и С. (Соловьевъ) по крайней мѣрѣ, вѣримъ въ Воскресеніе реальное, буквальное, личное и въ то, что оно сбудется на землѣ...“

Н. Ф. Федоровъ вѣрилъ въ реальное Воскресеніе, построивши цѣлую научную теорію по этому поводу. И въ этомъ пунктѣ Н. Ф. Федоровъ и Л. Н. Толстой никогда не сходились.

Ред.

бесѣдовали; при этомъ А. А. Фетъ приводитъ слова Льва Николаевича, который говорилъ, что гордится тѣмъ, что живетъ въ одно время съ такимъ человѣкомъ, какъ Н. Ф. Федоровъ...

Долженъ сказать, что, несмотря на осужденія, которыя Н. Ф. при всякомъ случаѣ открыто высказывалъ по адресу Л—а Н—ча и о чемъ зналъ послѣдній, — Л. Н. всегда отзывался о Н—лаѣ Ф—чѣ наилучшимъ образомъ.

Между прочимъ и въ мартѣ 1899 г., когда я провелъ со Львомъ Н—чемъ у него въ домѣ два вечера, онъ выражалъ сожалѣніе, что Н. Ф. относится къ нему съ такою недобротою. На это я отвѣтилъ, что это недоброе отношеніе Н—я Ф—ча тотчасъ же обратится въ величайшую любовь, какъ только Левъ Н—чъ отзовется на призывъ, которому Николай Федоровичъ посвятилъ всю свою жизнь...

Мое отношеніе къ Льву Н—чу имѣетъ въ основѣ своей также призывъ къ дѣлу всеобщаго спасенія, которое возможно только при общемъ согласіи и при общемъ участіи, а не въ одиночку, какъ, повидимому, думаетъ Левъ Н—чъ.

Должно сказать, что это огорченіе Н—я Ф—ча выливалось почти во всякой его статьѣ, которую онъ писалъ, и выливалось иногда въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ...

Къ 55-тилѣтнему юбилею литературной дѣятельности Л. Н. Толстого я издалъ брошюру о немъ и статью

о его «Трудѣ, смерти и болѣзни». Въ брошюрѣ и статьѣ я позволилъ себѣ укорять Льва Н—ча въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ и анонимно послалъ напечатанное Льву Н—чу. Онъ догадался, что это было отъ меня, и написалъ мнѣ:

«Милый Николай Павловичъ! Если я не ошибаюсь, это вы прислали мнѣ брошюру къ 55-тилѣтію моему. Брошюра эта мнѣ только доставила удовольствіе, именно воспоминаніемъ о васъ и о дорогомъ, незабвенномъ Николаѣ Федоровичѣ. Мнѣ только очень жаль было видѣть, что вы съ недобротою относитесь ко мнѣ, тогда какъ я, кромѣ самаго нѣжнаго, добраго чувства, не испытываю къ Вамъ, а уже не говорю, къ памяти именно незабвеннаго, замѣчательнѣйшаго человѣка Николая Федоровича. Если я не ошибся, пожалуйста, напишите мнѣ прямо; мнѣ очень дорого будетъ общеніе съ вами. Очень сожалѣю, что не могу согласиться съ тѣмъ, что вы пишете, такъ строго разбирая мои очень неважныя, слабыя легенды*). Не могу согласиться, потому что теперь, стоя на порогѣ плотской смерти, все больше и больше убѣждаюсь въ благодѣтельности плотской смерти и невозможности смерти того духа, которымъ живу, если живу имъ, т.-е. любовью. «И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ братьевъ. Нелюбящій брата не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ. Любящій же братъ имѣетъ жизнь вѣчную, пребывающую

*) „Ассирійскій царь Ассархадонъ“ и „Три вопроса“

въ немъ». Я не только вѣрю въ это, но всѣмъ существомъ испытываю истинность этого.

Любящій васъ Левъ Толстой».

2-го февраля 1908. Ясная Поляна.

Получивъ это письмо, я послалъ Льву Николаевичу книгу Н—я Ф—ча: «Философія общаго дѣла» и предупредилъ, что онъ найдетъ въ ней много о себѣ злого, а вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ убѣжденіе, что онъ найдетъ въ этой книгѣ много и такого, что примиритъ его со всѣмъ зломъ о немъ самомъ, въ ней заключающемся...

Мнѣ остается, преклонившись передъ удивительной нравственной высотой Льва Н—ча, пожелать, чтобы Левъ Николаевичъ, хотя при концѣ жизни, обратилъ вниманіе на призывъ къ дѣлу всеобщаго спасенія.

Н. Петерсонъ.

Г. Вѣрный.

И. Петроне.
(Италія.)

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Сущность новой мысли и новаго художественнаго творчества Льва Толстого заключается въ стройномъ сочетаніи предѣльнаго и безконечнаго, божескаго и человѣческаго. Стремленіе Льва Толстого къ обоснованію именно этого единства налагаетъ на пониманіе его жизни особый отпечатокъ — трагическій и суровый, — присущій его личности, — и въ то же время придаетъ глубоко человѣческое значеніе его вѣрѣ, озаренной божественнымъ содержаніемъ.

Изъ этого сліянія видимаго и незримаго и рождаются всѣ человѣческіе и идеальные мотивы морали Толстого.

Отсюда, изъ проницательности его духа рождается и высшее благородство его ученія и возможность его практическаго примѣненія: царство Божіе среди людей и божественная любовь въ примѣненіи къ людямъ, и всеобъемлющее состраданіе къ человѣческой скорби; отсюда и стремленіе къ очищенію жизни, и

надежда на спасеніе, лежащее внутри человѣка, а не внѣ его.

Отсюда и все, отдѣляющее русскаго апостола отъ чиновниковъ религіи и придающее его ученію трагическій обликъ христіанина-мятежника.

Беллетристическія и философскія произведенія Льва Толстого являются настойчивымъ исканіемъ отвѣтовъ тайнъ жизни и героическимъ изслѣдованіемъ истинныхъ нуждъ человѣка. И отъ проницательной мысли Льва Толстого падаетъ свѣтъ на путь жизни.

Въ наше время никто такъ не прочувствовалъ въ глубинѣ своего существа состраданія къ людямъ, какъ этотъ апостолъ, охваченный божественной жаждой исканія царства Божія на землѣ. И никто такъ, какъ онъ, среди мусора и шлака традиціонной угодливости, не приложилъ усилій въ поискахъ и очисткѣ золотой руды христіанства.

Ничья изъ великихъ душъ современной намъ эпохи, даже наиболѣе искреннихъ и глубокихъ, не томилась такъ, какъ его душа, отъ голода и жажды справедливости, и никто не являлся такимъ, какъ онъ, пламеннымъ поборникомъ моральнаго искупленія, которое даже среди всей темноты жизни все-таки бурлитъ въ тайникахъ человѣческаго сердца жаждой обновленія жизни.

И теперь изъ душевныхъ глубинъ человѣчества несется гимнъ къ Ясной Полянѣ, туда, гдѣ бьется сердце не человѣка, но сердце народа, сердце человѣче-

ства. И человѣчество, объятое скорбью и горечью, стонущее въ тискахъ страданія и униженія, любитъ этого сына человѣческаго, несущаго людямъ живительное слово любви и освобожденія.

Jgino Petrone.

МАРСЕЛЬ ПРЕВО.

(Франція.)

Толстой для французовъ моего поколѣнія былъ не только чудеснымъ разсказчикомъ, творцомъ пейзажей, эпохъ и людей, — онъ былъ даже создателемъ новаго чувствованія. Ни одно почти произведеніе современныхъ французскихъ романистовъ и драматурговъ не было бы именно тѣмъ, что оно есть, если бы не было Толстого. Этотъ великій русскій писатель—громадный фактъ во французской литературѣ, какъ Расинъ и Шатобріанъ.

Marcel Prevost.

Парижъ. 9/22, III, 08 г.

П. М. Пчельниковъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Постановка «Плодовъ просвѣщенія» — перваго драматическаго произведенія Л. Н. Толстого сильно наэлектризовала всѣхъ причастныхъ къ московскому Малому театру. Взвинтились артисты, взвинтилась и администрація.

Подъемъ этотъ объяснялся какъ именемъ автора, такъ еще и тѣмъ, что въ тотъ періодъ Малый театръ не могъ найти никакой выдающейся новинки. А тутъ вдругъ появилась изъ-подъ пера геніальнаго писателя такая веселая и хорошо «расходившаяся» между артистами шутка. Взгляду на пьесу какъ на «шутку» способствовалъ и пущенный кѣмъ-то слухъ, что пьеса написана весьма спѣшно для какого-то домашняго спектакля, что будто и самъ Левъ Николаевичъ смотритъ какъ на шутку на свое первое драматическое произведеніе. Такой взглядъ какъ-будто подтверждался и самимъ названіемъ пьесы, которое звучало ироніей. Комизмъ положеній дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ былъ такъ ярко очерченъ, что для артистовъ являлась лишь одна забота: исполнить эту шутку дружно, легко

и какъ можно жизненнѣе. Только роль дворецкаго и смущала всѣхъ.

Выведенный авторомъ типъ дворецкаго, изобилуя положительными качествами, представлялся какимъ-то диссонансомъ въ общемъ комическомъ тонѣ пьесы. Самыми благодарными по комизму считались роли трехъ мужиковъ, рѣчи которыхъ должны были постоянно смѣшить зрителей. Такой легкій и, быть можетъ, необоснованный взглядъ на пьесу далъ въ результатѣ то, что, не взирая на полное и глубокое уваженіе къ авторитету геніальнаго писателя, съ нимъ почти не совѣтовались относительно пьесы и, насколько помню, не просили его указаній.

Передъ артистами была «шутка», которую требовалось исполнить возможно веселѣе. Для этого, очевидно, не стоило безпокоить автора, время котораго надо было цѣнить очень дорого, и Льва Николаевича просили посѣтить хоть одну репетицію. Но онъ почему-то уклонился, отговариваясь тѣмъ, что давно не былъ въ театрѣ, сильно отсталъ отъ него, а потому и не можетъ считать себя компетентнымъ въ театральномъ дѣлѣ.

Отказъ этотъ еще болѣе убѣдилъ всѣхъ, что авторъ не придаетъ серьезнаго значенія своему произведенію. Присутствовать на первомъ спектаклѣ Левъ Николаевичъ тоже отказался.

Но съ перваго же спектакля пьеса стала на ноги вполнѣ прочно. Публика все время гомерически хохо-

тала, чѣмъ и поощряла исполнителей усиливать комизмъ пьесы.

Успѣхъ былъ огромный.

Прошло, сколько помню, два сезона. И вотъ 8-го января 1892 г. мнѣ сообщили по телефону, что гр. Л. Н. Толстой пришелъ въ театръ и хочетъ посмотрѣть «Плоды просвѣщенія», но при условіи, чтобы его посадили на такое мѣсто гдѣ бы онъ не былъ виденъ публикѣ *).

Льва Николаевича, вмѣстѣ съ сопровождавшими его лицами, помѣстили въ директорской ложѣ, сидя въ которой онъ былъ вполнѣ укрытъ отъ докучливыхъ взоровъ публики.

* * *

Прошло 16 лѣтъ съ того времени, когда случай представилъ мнѣ возможность познакомиться съ великимъ писателемъ. Но и теперь я ощутимо переживаю то волненіе, которое испытывалъ тогда. Мнѣ хотѣлось слышать изъ устъ Льва Николаевича его мнѣніе объ исполненіи пьесы.

Раньше, нежели итти къ нему, я прошелъ на сцену, гдѣ узналъ, что авторъ все время смѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ. Это извѣстіе значительно подбодрило меня, значитъ, замыселъ автора былъ вѣрно

*) П. М. Пчельниковъ былъ въ то время управляющимъ конторой московскихъ Императорскихъ театровъ. *Ред.*

понятъ исполнителями, и онъ самъ смотритъ на «Плоды просвѣщенія» какъ на комическую шутку. Но послѣдующій разговоръ со Львомъ Николаевичемъ въ значительной мѣрѣ разочаровалъ меня въ моемъ предположеніи.

Въ антрактѣ я вошелъ въ ложу, гдѣ сидѣлъ Левъ Николаевичъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій онъ сейчасъ же заговорилъ о томъ, что артисты, исполнявшіе роли мужиковъ, очень шаржируютъ. Къ такому заключенію приводилъ его и смѣхъ зрителей, сопровождавшій каждую фразу мужиковъ.

— По моему мнѣнію, — сказалъ Левъ Николаевичъ, — они неестественно исполняютъ свои роли. И если не глядѣть на сцену, а только слушать, что говорятъ, то нерѣдко можно стать втупикъ; чему же смѣется публика? Вѣдь въ рѣчахъ мужиковъ постоянно звучитъ жалоба, а иногда и попытка протеста. И ихъ слова, по моему мнѣнію, скорѣе должны возбуждать сочувствіе къ безвыходному положенію, а ужъ никакъ не смѣхъ.

Эти слова, произнесенныя довольно горячо, совершенно смутили меня. Я понялъ, что уголъ зрѣнія на пьесу былъ взятъ нами невѣрно и расходился со взглядами автора. Но дѣло было непоправимое: пьеса шла второй сезонъ. Я не возражалъ автору и не старался объяснить происшедшее недоразумѣніе. Быть можетъ, это было моей ошибкой, быть можетъ — даже виной.

Но думаю, что многіе на моемъ мѣстѣ поступили

бы такъ же. Находясь вблизи такой величины, какъ Л. Н. Толстой, и зная, что время разговора измѣряется минутами, хочется извлечь изъ этой встрѣчи возможно больше: хочется только слушать великаго человѣка, зная, что возраженіе вызоветъ возраженіе. А эту роскошь можно допустить лишь тогда, когда не стѣсненъ рамками времени. Левъ Николаевичъ, очевидно, былъ такъ недоволенъ нашими мужиками, что даже и въ костюмахъ ихъ нашелъ утрировку.

— По костюму они, — сказалъ онъ, — мало похожи на обыкновенныхъ мужиковъ. Они не умѣютъ даже надѣвать лаптей; и такъ, какъ они дѣлаютъ это, не дѣлаетъ никто изъ крестьянъ.

Относительно исполненія роли дворецкаго Л. Н. сказалъ, что считаетъ гримъ слишкомъ старымъ. Объ исполненіи самой роли выразился нѣсколько туманно, добавивши только въ концѣ:

— Конечно, эта роль весьма тонкая.

Лучшимъ исполнителемъ въ пьесѣ, по мнѣнію Льва Николаевича, былъ профессоръ (Л. П. Ленскій). И много комплиментовъ выпало на долю этого артиста.

Прослушавъ монологъ повара (Н. И. Музиль), Левъ Николаевичъ высказалъ удивленіе:

— Странно, почему цензура не вычеркнула эту сцену!

Въ томъ же дѣйствіи Л. Н. обратилъ вниманіе на роль барыни-тараторки. Ему казалось, что эта роль недостаточно выдержана въ характерѣ. Въ началѣ яв-

ленія барыня болтаетъ безъ умолку, въ половинѣ явленія замолкаетъ и молчитъ до конца.

— Это совершенно противорѣчитъ характеру задуманнаго лица. И этотъ промахъ я ставлю себѣ въ вину, — сказалъ Л. Н.

На мое замѣчаніе, что указанное противорѣчіе мало замѣтно публикѣ и что въ пьесѣ имѣется одинъ болѣе серьезный недочетъ, заключающійся въ томъ, что большое количество сценъ, носящихъ семейный характеръ, ведется въ вестибюлѣ. Съ этимъ Левъ Николаевичъ сейчасъ же согласился.

Вообще въ бесѣдѣ съ нимъ я встрѣтилъ полную терпимость къ чужимъ мнѣніямъ....

* * *

Понемногу нашъ разговоръ, отдаляясь отъ «Плодовъ просвѣщенія», перешелъ на общія театральныя темы. Зашла рѣчь объ актерахъ. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— За всю свою жизнь я не видалъ актера выше Мартынова.

На мой вопросъ, можно ли надѣяться въ будущемъ получить отъ него пьесу для Малаго театра, онъ отвѣтилъ:

— Съ большой охотой сдѣлалъ бы это и даже ощущаю особенную потребность высказаться этимъ путемъ, и въ настоящее время это было бы какъ нельзя

болѣе кстати. Но увѣренъ, что цензура не пропуститъ моей пьесы. Вы не повѣрите, — добавилъ онъ, — какъ терзалъ меня въ самомъ началѣ моей дѣятельности этотъ ужасный цензурный вопросъ. Хотѣлось писать то, что чувствуешь. Но одновременно съ этимъ желаніемъ въ голову приходило, что написанное не будетъ пропущено цензурой. И поневолѣ приходилось откидывать работу. Откидывалъ, откидывалъ, а между тѣмъ года все уходили. Теперь, конечно, не то, что было въ началѣ моей дѣятельности. Въ настоящее время кругъ читателей разросся. А такая обширная аудиторія даетъ возможность писать только то, что думаешь и чувствуешь.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другія темы. Левъ Николаевичъ заинтересовался, какъ относится московская публика къ «Ревизору», къ «Горю отъ ума» и къ пьесамъ Островскаго. Я отвѣчалъ, что первыя двѣ пьесы посѣщаются публикой весьма охотно, что же касается до репертуара Островскаго, то большая часть пьесъ его первыхъ двухъ третей дѣятельности не утратила для зрителей интереса, лишь немногія изъ нихъ считаютъ устарѣвшими. Что же касается до произведеній послѣдней трети, то лишь нѣкоторыя изъ нихъ охотно смотрятся публикой.

Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Кульминаціоннымъ пунктомъ развитія дарованія А. Н. Островскаго было «Доходное мѣсто». Послѣ этой пьесы началъ замѣчаться упадокъ въ его творчествѣ.

Затѣмъ зашла рѣчь о норвежскихъ драматургахъ.

Съ особенной любовью Л. Н. говорилъ о Бьернсонѣ, Ибсена же находилъ скучнымъ.

* * *

Разбирая свои бумаги, я нашелъ листокъ, на которомъ были записаны мои впечатлѣнія, вызванныя «Плодами просвѣщенія» въ исполненіи одной весьма слабой труппы.

Это было лѣтомъ 1905 г.

Удивило меня то, что труппа, во главѣ которой стоялъ опытный режиссеръ, рѣшилась ставить «Плоды просвѣщенія», не обладая подходящими для этой пьесы исполнителями. Роли трехъ мужиковъ были поручены тремъ совершенно безталаннымъ актерамъ, старавшимся придать исполненію нѣкоторый комизмъ, но изъ ихъ стараній ничего не выходило. Профессоръ и гипнотизеръ буфонили до противнаго. Остальные либо ломались, пытаясь воспроизвести аристократическую среду, либо стремились влѣзть на ходули самаго благороднаго благородства. Но все же въ этомъ сумбурѣ съ какой-то особой рѣзкостью звучали рѣчи мужиковъ. Комизмъ отсутствовалъ. Оставались лишь какой-то стонъ и крикъ о помощи. А исковерканные люди или не хотѣли или не умѣли помочь несчастнымъ. Имъ непонятны и смѣшны были рѣчи меньшей братіи. Вызванное впечатлѣніе невольно навело меня на мысль: не хотѣлъ ли авторъ достичь именно такого эффекта? Не умышленно ли, въ цѣляхъ усиленія впечатлѣнія, фо-

номъ для этого стона онъ и избралъ пустую до шутовства среду?

Справедливо ли мое предположеніе, — покажетъ время. Но только при такомъ толкованіи я могу объяснить несочувственное отношеніе Льва Николаевича къ исполненію ролей мужиковъ на сценѣ московскаго Малаго театра.

Жаль, что онъ не высказался вполнѣ опредѣленно. Но, быть можетъ, ему казалось, что вопросъ слишкомъ понятенъ, чтобы объяснять его.

* * *

Вторая встрѣча моя со Львомъ Николаевичемъ произошла при постановкѣ «Власти тьмы» на сценѣ Малаго театра. Надо сказать, что какъ только появилась «Власть тьмы», такъ появилось и безконечное количество просьбъ о постановкѣ толстовской пьесы на сценѣ. Но драматическая цензура категорически отказывала всѣмъ просящимъ (насколько помню), не мотивируя даже такого отказа.

Появились, наконецъ, просьбы и отъ любителей, и эти просьбы, послѣ вмѣшательства въ дѣло высшихъ властей, были уважены. Разрѣшеніе, однако, давалось сепаратно и при непремѣнномъ условіи, чтобы представленіе «Власти тьмы» исполнялось исключительно для гостей просящаго, незнакомыя же лица чтобы не были допускаемы на спектакль. Можно думать, что

вопросъ шелъ объ исполненіи черной мессы, а не о пьесѣ геніальнаго русскаго писателя

* * *

Одной изъ главныхъ причинъ запрещенія постановки «Власти тьмы» было то, что пьеса давала много подробностей, исполненіе которыхъ на сценѣ было бы, по мнѣнію цензуры, нехудожественно и даже неправственно. Такое отношеніе къ драматическому произведенію великаго писателя возможно объяснить только незнакомствомъ съ уловіями сцены. Большинство нецензурностей въ пьесахъ зависитъ не отъ текста, а отъ постановки и исполненія ея на сценѣ. И нѣтъ такой цензурованной пьесы, которую нельзя было бы на сценѣ сдѣлать нецензурною и даже непозволительной для публичнаго спектакля. Только фактическая цензура пьесы въ періодъ ея постановки можетъ дать почву для этого дѣла.

Запрещеніе «Власти тьмы» поставило цензуру въ ложное положеніе: недопущенная за свою безнравственность пьеса имѣла въ своей основѣ глубоко нравственную идею.

Наконецъ, и дирекція Императорскихъ театровъ начала хлопотать о постановкѣ запрещенной пьесы. Какъ ни были продолжительны эти хлопоты, все же онѣ увѣнчались успѣхомъ, но разрѣшеніе было дано лишь исключительно для Императорскихъ театровъ.

Въ московскомъ Маломъ театрѣ закипѣла подго-

товительная работа. Въ Ясную Поляну были командированы художники для набросковъ декораціонныхъ мотивовъ и для рисунковъ мѣстныхъ костюмовъ и обстановки. Кромѣ того, былъ посланъ и режиссеръ для переговоровъ со Львомъ Николаевичемъ относительно исполненія ролей.

Миссія художниковъ была исполнена. Но миссія режиссера дала очень мало существеннаго. По словамъ послѣдняго, Левъ Николаевичъ какъ-то неохотно говорилъ о своей пьесѣ..

Матеріалъ для декорацій, обстановки и костюмовъ былъ налицо, но все же чувствовалась какая-то неувѣренность. Особенно чувствовалось отсутствіе подходящихъ для «Власти тьмы» исполнителей. Въ распоряженіи Малаго театра были прекрасные артисты-художники, но амплуа ихъ лишь соотвѣтствовало ролямъ, имѣвшимся въ пьесѣ. Прекрасные исполнители на роли мелкихъ купцовъ и мѣщанъ репертуара Островскаго, мужиковъ-толстосумовъ или придурковатыхъ мужиковъ, они не могли быть подходящими исполнителями обыкновенныхъ, рядовыхъ мужиковъ, не обладающихъ яркими особенностями. Еще труднѣе было требовать отъ нихъ типическаго изображенія мужика-резонера. Послѣдній типъ представляетъ особенную рѣдкость въ нашей драматической литературѣ.

Почти всегда она отводила простонародію комическія черты. Для усиленія же комизма надѣляла его туповатостью и пристрастіемъ къ вину. И по пальцамъ можно перечислить тѣ немногія произведенія, въ кото-

рыхъ мужикъ былъ выведенъ человѣкомъ. Но и въ такихъ случаяхъ авторы почему-то боялись дать мужику нѣжное и любящее сердце. Боялись, вѣроятно, чтобы публика и критика не упрекнули ихъ въ мелодраматизмѣ, такъ какъ патентъ на все умное, доброе и хорошее составляетъ неотъемлемую собственность интеллигентныхъ людей. Мужикъ же долженъ говорить со сцены только несообразности на потѣху театральной публики.

Такой взглядъ создалъ цѣлый рядъ артистовъ, отличавшихся и умственнымъ развитіемъ и образованныхъ, но спеціализировавшихся на воспроизведеніи только отрицательныхъ свойствъ нашего мужика.

Очевидно, это явленіе есть пережитокъ крѣпостничества. Мысли эти все время роились въ моей головѣ и становились все назойливѣе по мѣрѣ приближенія дня спектакля съ толстовской пьесой въ московскомъ Маломъ театрѣ.

По просьбѣ дирекціи Левъ Николаевичъ изъявилъ согласіе прочесть «Власть тьмы» артистамъ Малаго театра. Назначенъ былъ день (23-го ноября 1895 г.). Чтеніе происходило въ кабинетѣ управляющаго конторой Императорскихъ театровъ. Къ назначенному часу заблаговременно собралась вся труппа Малаго театра. Около 8-ми часовъ вечера пришелъ и самъ знаменитый авторъ.

Многіе думали, что великій писатель долженъ быть

и великимъ чтецомъ. Но когда послѣ небольшого разговора Левъ Николаевичъ началъ читать свою пьесу, то пришлось убѣдиться, что передъ нами не чтецъ эстрады. Кромѣ того, въ чтеніи не чувствовалось одушевленія. Проблески его вспыхивали только при чтеніи роли Акима, да въ 5-мъ дѣйствіи при чтеніи роли Митрича. Остальное же все было какъ-то скомкано, и чтеніе имѣло скорѣе характеръ только исполненія извѣстной любезности. Обратило общее вниманіе, что Левъ Николаевичъ пробѣгалъ скороговоркой мѣста въ пьесѣ, изобиловавшія грубыми простонародными выраженіями. При чтеніи же разговора о выгребныхъ ямахъ, замѣтили, что авторъ даже конфузится. Прочтя одну фразу, Л. Н. сказалъ, что фраза эта вычеркнута, такъ какъ можетъ шокировать нѣкоторыхъ дамъ.

Послѣ чтенія пьесы начался общій разговоръ о постановкѣ и исполненіи ролей. Но разговоръ не клеился. Левъ Николаевичъ сказалъ о Митричѣ какъ о басистомъ, широкорожемъ мужикѣ. Между тѣмъ роль эту долженъ былъ исполнять Н. И. Музиль*), разсполагавшій какъ разъ обратными физическими свойствами. И собравшимся сдѣлалось какъ-то неловко. Разговоръ сталъ еще болѣе натянутымъ.

Нескладно начался и разговоръ о внѣшней поста-

*) Отъ распредѣленія ролей Левъ Николаевичъ отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что давно не былъ въ Маломъ театрѣ и почти не знаетъ труппы.

новкѣ. Онъ вертѣлся по преимуществу на обуви. Для облегченія вопроса Левъ Николаевичъ сдѣлалъ карандашомъ набросокъ «котовъ» **).

Наскоро простившись, Левъ Николаевичъ торопливо собрался домой. Тѣмъ и закончилось его участіе въ постановкѣ «Власти тьмы» на сценѣ московскаго Малаго театра. Правда, онъ обѣщалъ притти на репетицію, и одинъ разъ пришелъ, но поздно, репетиція почти была уже окончена.

Отъ чтенія Львомъ Николаевичемъ «Власти тьмы» у многихъ присутствующихъ осталось чувство неудовлетворенности. Сколько любви, сколько горячихъ желаній воспользоваться всѣми указаніями великаго писателя воодушевляло всѣхъ! Но Левъ Николаевичъ не реагировалъ на это. И многимъ это было совершенно непонятно.

Наступилъ день спектакля. Театръ былъ, конечно, полонъ. Но пьеса успѣха не имѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ публика даже шикала. Это было въ первый разъ въ Маломъ театрѣ. Виноватъ ли въ этомъ авторъ или исполнители? На оба вопроса отвѣчу отрицательно, такъ какъ думаю, что причина неуспѣха «Власти тьмы» лежала гораздо глубже.

Вѣковое рабство постепенно отдаляло развитые и образованые классы отъ народа и, наконецъ, отдалило

**) Набросокъ этотъ переданъ мною въ театральный музей А. А. Бахрушина. П. П.

настолько, что въ настоящее время интеллигенція уже не можетъ войти въ жизнь своего народа и не въ состояніи понять его переживаній, а потому не въ силахъ и воплотить на сценѣ истинныя черты народа. И много протечетъ времени, пока нарушенное равновѣсіе, наконецъ, возстановится. Только тогда и возможно будетъ образцовое исполненіе сценическихъ произведеній, подобныхъ «Власти тьмы».

Но мнѣ очень хотѣлось объяснить самому себѣ: почему у Льва Николаевича отсутствовало одушевленіе во время чтенія имъ своей пьесы и не было желанія серьезно побесѣдовать о ея постановкѣ? Припоминая нашъ разговоръ на спектаклѣ «Плодовъ просвѣщенія», я понялъ его недовольство исполненіемъ ролей мужиковъ. Думаю, что и при постановкѣ «Власти тьмы» его смущалъ этотъ же вопросъ — о воспроизведеніи на сценѣ артистами Малаго театра народной жизни, которой они не знаютъ и которая совершенно чужда имъ...

Этотъ вопросъ, видимо, и смущалъ его. И только этимъ я и объясняю его почти безучастное отношеніе къ постановкѣ «Власти тьмы» на сценѣ Малаго театра.

П. Пчельниковъ.

25 августа 1903 г.
Ст. Волноваха.

Жоржъ Ренаръ.
(Франція.)

ИЗЪ ПИСЬМА.

Можно оспаривать идеи и методы Толстого, но нельзя не удивляться таланту, искренности, страсти къ справедливости, высокой совѣсти, спокойной смѣлости того, кто прежде всего есть и останется всегда пылающимъ очагомъ общительной доброты, благодѣтельной энергіи и моральной жизни. За нимъ останется слава доставившаго многимъ человѣческимъ существамъ принципы дѣятельности, а Россіи — идеалъ, болѣе мистическій, быть можетъ, чѣмъ практическій, но такой, въ которомъ будущее сумѣетъ выбрать то, что осуществимо.

G. Renare.

Розановъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ.

Быть русскимъ и не увидѣть гр. Л. Н. Толстого — это казалось мнѣ всегда такъ же печальнымъ, какъ быть европейцемъ и не увидѣть Альпъ. Но не было случая, посредствующаго знакомства и проч. Между тѣмъ годы уходили, и, не увидѣвъ Толстого скоро, я могъ и вовсе не увидѣть его. Тогда я написалъ ему о своемъ желаніи и, получивъ приглашеніе, поѣхалъ въ Ясную Поляну. Это было зимою, года три тому назадъ. Больше я его никогда не видалъ и передамъ впечатлѣніе почти только физическое. Хотя оно и не ограничилось физикою.

Домъ въ Ясной Полянѣ сдѣлалъ на меня впечатлѣніе пустынное. Такое впечатлѣніе дѣлаетъ на меня всякій домъ, гдѣ нѣтъ дѣтей. Должны быть свои или дѣти дѣтей, — внуки. И какъ большой барскій домъ не шумѣлъ дѣтскими криками, вознею и капризами, то мнѣ казалось въ немъ скучновато. «Графовъ» еще не было, когда я пріѣхалъ часу въ 11-мъ или 10-мъ утра, а въ столовой сидѣли одинъ или два господина и, помнится — женщины. Но особеннаго они ничего собою

не представляли. Я только былъ счастливъ, что сижу въ Ясной Полянѣ, т.-е. идеей, что вотъ пріѣхалъ, «достигъ» и скоро увижу.

Да, я думаю, поблизости къ Л—у Н—у Толстому и все должно показаться скучнымъ, кромѣ него. Пріѣхавъ въ Альпы, станешь ли разсматривать холмы и пригорки?

Вошла графиня Софья Андреевна, и я сейчасъ же ее опредѣлилъ, какъ «бурю». Платье шумитъ. Голосъ твердый, увѣренный. Красива, несмотря на годы. Она ихъ сказала на мое удивленіе: — «58 лѣтъ и человѣкъ 14 (приблизительно) дѣтей» (съ умершими). Это хорошо и классично. Мнѣ казалось, что ей все хочетъ повиноваться или не можетъ не повиноваться; она же и не можетъ и не хочетъ ничему повиноваться. Явно— умна, но нѣсколько практическимъ умомъ. «Жена великаго писателя съ головы до ногъ», какъ Лиръ былъ «королемъ съ головы до ногъ». Но и это неинтересно, когда ожидаешь Толстого.

И вотъ онъ вышелъ. Но почему онъ такой маленькій, съ меня или немного больше меня ростомъ? Я ожидалъ большого роста — по портретамъ и оттого, что онъ — «Альпы». Кажется ли вамъ Авраамъ или Моисей «небольшого роста»? Микелю Анджело Моисей представлялся колоссомъ, какъ онъ изваялъ его; а можетъ быть, въ сущности, Моисей былъ плюгавымъ. Я замѣчалъ, что душа и тѣло, величіе души и тѣла, тенденціи души и тѣла и, наконецъ, красота души и тѣла находятся иногда во взаимномъ отрицаніи,

во взаимномъ попираніи. Но это — въ идеѣ. А когда увидишь — удивляешься *).

И я внутренно удивлялся, когда ко мнѣ тихо-тихо и, казалось, даже застѣнчиво подходилъ согбенный годами сѣдой старичокъ. *Авторъ „Войны и мира“!* Я не вѣрилъ глазамъ т.-е. счастью, что вижу. Старичокъ все шелъ, поднявъ на меня глаза, и я тоже къ нему подходилъ. Поздоровались. О чемъ-то заговорили, незначащемъ, житейскомъ. Но мой глазъ и мой умъ все какъ-то вертѣлись не около словъ, которыя вѣдь бываютъ всякія, а около фигуры, которая явно — единственная.

«Вотъ сегодня посмотрю и больше никогда не увижу». И хотѣлось сказать времени: «остановись», годамъ: «Остановитесь!.. Вѣдь онъ скоро умретъ, а я останусь жить и больше никогда его не увижу»...

Было печально и досадно, отчего я раньше не постарался его увидѣть.

Мнѣ онъ показался безусловно прекрасенъ. «Именно такъ, какъ ему должно быть». Только не здѣсь, не въ барской усадьбѣ. Какъ все это не идетъ къ нему, отлѣпилось отъ него! Сидѣть бы ему на заваленкѣ около села или жить у воротъ монастыря, — въ хибарочкѣ «старцемъ»; молиться, думать, говорить, не съ «гостями», а съ прохожими, съ странниками, — и самому быть странникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, идея «Альпъ»

*) В. Н. Розановъ не первый описываетъ Л. Н. Толстого, какъ человѣка, маленькаго роста. На самомъ дѣлѣ Л. Н. выше средняго роста. *Ред.*

была въ немъ выражена въ томъ отношеніи, что въ какомъ бы домѣ, казалось, онъ ни жилъ, «домъ» былъ бы малъ для него, несоразмѣримъ съ нимъ; а соизмѣримымъ съ нимъ, «идущимъ къ нему», было поле, лѣсъ, природа, село, народъ, т.-е. страна и исторія. Онъ явно вышелъ, переросъ условія виднаго индивидуальнаго существованія, положенія въ обществѣ, «профессіи», художества и литературы. «Исповѣдь» его, по которой онъ изо всего вышелъ, — была въ высшей степени отражена въ его фигурѣ, которая явно тоже изо всего вышла, осталась одна и единственна, одинока и грустна, но велика и своеобразна.

Я еще разъ посмотрѣлъ на пустыя, далекія отъ великолѣпія комнаты. «Здѣсь не стала бы танцовать Анна Каренина». И мнѣ представилось, что если бы старецъ разрушилъ эту квартиру, этотъ домъ, да и все вокругъ, — разрушилъ безъ борьбы, собою («Мнѣ ничего не нужно»), то душа вещей, та незримая душа, какая есть во всякой вещи, умерла бы въ обстановкѣ Толстого, почувствовавъ, что на нее не любуется хозяинъ. Такъ умираетъ вѣрная собака, когда она не нужна хозяину. Всѣ вещи стояли некрасиво; всѣ вещи были некрасивы; чувствовалось, что имъ не хочется жить. «Скоро вынесутъ», — какъ бы говорила каждая про себя.

Человѣкъ — центръ вещей. Здѣсь, «въ центрѣ», стоялъ человѣкъ, которому вещи были не нужны. И онѣ разсыпались, потеряли гармонію, связанность, красоту, смыслъ. Отъ этого незримаго отталкиванія раз-

сыпался и «домъ», хотя физически еще и продолжалъ удерживаться.

Л. Н. былъ одѣтъ въ старый халатъ-пальто-шлафрокъ, подвязанный ремнемъ. Одежда на Толстомъ страшно важна: она одна гармонируетъ съ нимъ, и надо бы запомнить, знать и описать, какія одежды онъ обычно носилъ. Это важнѣе, чѣмъ Ясная Поляна, отъ которой онъ давно отсталъ. Въ одеждѣ было то же простое и тихое, что было во всемъ въ немъ. Тишь, которая сильнѣе бури; нравственная тишина, которая неодолимѣе раздраженія и ярости. Развѣ не тишиною (кротостью) Іисусъ побѣдилъ міръ, и полетѣли въ пропасть Парѳеноны и Капитоліи, сброшенные таинственною *тишиною?*

Вотъ эта міровая тишина, особенная, многозначительная, религіозная была и въ Толстомъ. Не она ли есть то «недѣланіе», которое представляется такимъ незначительнымъ въ его проповѣди, т.-е. незначительнымъ въ формулѣ; тогда какъ въ существѣ, какъ жизнь, какъ методъ жизни, она, конечно, ворочаетъ горами. А мы, читая его блѣдныя слова и не понимая, въ чемъ дѣло, смѣемся и отрицаемъ. И я смѣялся и отрицалъ (въ литературѣ); а когда увидѣлъ, то сказалъ: «хорошо». Хорошо такимъ быть, хорошо бы такому всему быть. Зачѣмъ грозы, зачѣмъ бури, шумъ? Это ненужно и мелко.

Тишина — въ ней бездонная глубь...

Я пріѣхалъ не одинъ. Въ комнатѣ была и Софья Андреевна. И заговорила, «какъ въ обществѣ», ненуж-

ныя, тяжелыя, скучныя рѣчи. Это уже не были «Альпы», это были переулочки и пригородки въ Женевѣ, близъ Монблана.

Тутъ нечего было помнить, и я ничего не запомнилъ.

И обѣдалъ онъ какъ бы одинъ и особо. Подавалъ лакей въ перчаткахъ, намъ—мясное и яичницу, ему—кисель или кашу, что-то нетвердое и, конечно, безубойное. Сидѣлъ онъ за однимъ столомъ и смѣшиваясь и не смѣшиваясь съ остальными. Черезъ это отдѣленіе въ пищѣ, вообще, онъ страшно отдѣлился, удалился отъ людей, какъ наши сектанты, не ѣдящіе съ «никоніанами». Пища вообще есть большое раздѣленіе или соединеніе людей, и разницу категорій людей можно узнать по охотѣ или неохотѣ, съ которою они ѣдятъ «вмѣстѣ» или «одни». Евреи не ѣдятъ трефного, татары не ѣдятъ свинины. Зато они «жрутъ» конину, которой мы не станемъ ѣсть. «Новая религія» до извѣстной степени начинается съ «новой ѣды»; вѣдь и христіанство пошло не только отъ Голгоѳы, но и отъ постовъ; или, точнѣе, Голгоѳа не ранѣе начала побѣждать міръ, какъ когда она соединилась съ постомъ, нашла секретъ дѣйствія на души людей въ грибѣ, кашѣ и супѣ. Теперь цивилизація всеядно-неопредѣленная, и «стиль» эпохи потерянъ.

*
* *

Кромѣ «Альпъ», былъ у меня и особенный мотивъ увидѣть Толстого. Мнѣ хотѣлось попросить его объ одной вещи, которой я былъ особенно преданъ. Мнѣ казалось, что это можетъ выполнить только человѣкъ съ всемірнымъ авторитетомъ, коего морально обвинить ни у кого не подымется языкъ и совѣсть. Дѣло шло объ убійствѣ внѣбрачныхъ дѣтей, — чему посвящены страницы «Воскресенія», о чемъ явно глубоко и со страхомъ думалъ Толстой, тревожился объ этомъ глубокою сердечною тревогою. И мнѣ хотѣлось полу-спросить его, полу-упрекнуть его и полу-попросить въ томъ смыслѣ: почему онъ, всемірный моральный авторитетъ, не отдаетъ своихъ дочерей замужъ «такъ», безъ вѣнчанія, чему былъ бы поданъ примѣръ во всей Европѣ, и великій его авторитетъ санкціонировалъ бы эту абсолютно-личную и абсолютно-частную форму брака, которая войдетъ въ права общества, войдя въ духъ общества, она могла бы санкціонировать внѣвѣнчанное рожденіе, а слѣдовательно и избавить вообще всякихъ дѣтей отъ убійства. Для него это было явно послѣдовательно, ибо внѣшніе авторитеты онъ отвергъ; для дочерей его это явно было бы удобно: ибо необезпеченность и бѣдность однѣ гонятъ дѣвушекъ въ «законное супружество», плодящее Китъ-Китычей, онѣ же обезпечены, всегда прокормятся и прокормятъ дѣтей. Мнѣ это представлялось около

него, старца, какъ цвѣтущій садъ размноженія — счастливый и благородный, идилличный и философскій.

Сколько проблемъ было бы разрѣшено! И неужели этому препятствуетъ то, что онъ «графъ», «дворянинъ», «великій писатель»?.. Какіе пустяки! Какой вздоръ передъ Катюшей Масловой и судьбой ея ребенка, который „загорвѣлъ" и *умеръ!*

Такъ я думалъ. Мнѣ хотѣлось и просить, и спросить. Передъ вечернимъ чаемъ, когда онъ (слабый и полубольной) позвалъ меня въ кабинетъ къ себѣ, я, однако не выговорилъ своей темы. Но рѣчь зашла (можетъ быть, я завелъ, стараясь приблизиться къ темѣ) — о полѣ, о половой чистотѣ и нечистотѣ, о страстяхъ и борьбѣ съ ними, о супружествѣ. Было ли напряженіе моей мысли велико въ направленіи мучившаго меня недоумѣнія, и это передалось ему, или отъ какой другой причины, но онъ мнѣ, иллюстрируя свои объясненія, сказалъ, прямо отвѣтивъ на мой вопросъ.

Были и другіе разговоры, болѣе существенные и сложные. Все было хорошо. Все было высокопоучительно; я почувствовалъ, до чего разбогатѣлъ бы, углубился и выросъ, проведя въ такихъ разговорахъ недѣлю съ нимъ! Такъ много новаго было и въ движеніяхъ его мысли, и такъ было ново, поучительно и любопытно наблюдать его. Учился и изъ словъ и изъ него. Онъ не давалъ впечатлѣнія морали, учительства, хотя, конечно, всякій честный человѣкъ есть учитель, — но это уже послѣдующее и само собою. Я видѣлъ пе-

редъ собою горящаго человѣка, съ внутреннимъ шумомъ (тутъ ужъ «тишины» не было, но мы были уединенны), безконечнымъ интересующагося, безконечнымъ владѣвшаго, о вереницѣ безконечныхъ вопросахъ думавшаго. Такъ это все было любопытно; и я учился, наблюдалъ и учился.

Старикъ былъ чуденъ. Палкой, на которую онъ опирался, выходя изъ спаленки, онъ все время вертѣлъ, какъ франтъ, кругообразно, отъ уторопленности, отъ волненія, отъ преданности темамъ разговора. Арабскій бѣгунъ бѣжалъ въ пустынѣ, а за спиной его было 76 лѣтъ. Это было хорошо видѣть. И когда онъ такъ хорошо говорилъ о русскихъ, съ такимъ безконечнымъ пониманіемъ и чувствомъ говорилъ о русскомъ народѣ, думалось:

— Какой ты хорошій, русскій! Какой ты хорошій, русскій народъ!

Увѣренъ (по словамъ его), что онъ эту память о себѣ, эти слова будущаго о себѣ предпочелъ бы «вѣроучителю», «праведнику», «святому», какъ равно второму Буддѣ, Соломону, Шопенгауэру (любимыя имена въ періодъ «Исповѣди»), за которые едва ли теперь цѣпляется. И вообще мнѣ показалось, что я вижу точно то, чего ожидалъ, — феноменъ природы, — «Альпы». Натура Толстого — вотъ главное, «народъ русскій» въ немъ — вотъ существенное. Все остальное только «приложится», все другое — кружево около главнаго.

Натура эта, честная, благородная, — повела его и

къ проповѣди, или, точнѣе, — къ проповѣдямъ, которыя были разны.

Натура изъ романиста сдѣлала проповѣдника. «Это нужнѣе, а я хочу быть нужнымъ народу».

Все у него изъ «натуры»...

А натура — отъ Бога... Изъ «отца съ матушкой», изъ глубокихъ нѣдръ земли, изъ темныхъ глубинъ исторіи. Вѣдь изъ этихъ глубинъ вышли и Шопенгауэръ, и Будда, и Соломонъ. Только Іисусъ не изъ этихъ глубинъ. И, не сливаясь съ Шопенгауэромъ, Буддою и Соломономъ, въ Ясной Полянѣ прожилъ и живетъ четвертый около нихъ, совсѣмъ другой, чѣмъ они, совсѣмъ на нихъ непохожій, нашъ родной, мучительно-кровный; и онъ намъ милѣе еврейскихъ, нѣмецкихъ и индусскихъ мудрецовъ.

Такъ я увидѣлъ «Монбланъ» нашей жизни. Былъ 10-й или 9-й часъ ночи. Подали лошадей, зазвенѣлъ колокольчикъ у крыльца.

Прощаясь, я поцѣловалъ его и поцѣловалъ его руку, — ту благородную руку, которая написала «Войну и миръ» и «Анну Каренину», и столько, столько еще, что, читая, мы были такъ счастливы и говорили про себя:

«Какъ хорошо, что я вижу, когда живетъ онъ, не раньше, не до него: и вотъ теперь такъ счастливъ за этими страницами художества, поэзіи и мудрости».

В. Розановъ.

Петербургъ.
1908. Апрѣль.

Шарль Саролеа.
(Бельгія.)

ТОЛСТОЙ КАКЪ РЕФОРМАТОРЪ.

I.

Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ рокового 1905 г. Мы всѣ собрались вокругъ учителя, на террасѣ стараго дома. Была одна изъ тѣхъ лѣтнихъ ночей, которыхъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Россіи, когда воздухъ мягче, чѣмъ днемъ. Свѣтъ лампы придавалъ всей картинѣ мирное настроеніе, успокоительно дѣйствовавшее на душу. Съ балкона взоръ тонулъ въ темномъ морѣ зелени. Снизу, изъ чащи деревьевъ, поднималась туманная дымка росы, доносилось благоуханіе сирени и трели соловья. Среди вечерней тишины гости, почти всѣ пріѣхавшіе изъ Москвы еще днемъ, вспоминали ужасы какъ внѣшней, такъ и внутренней гражданской войны. Они обсуждали всѣ тревожныя извѣстія, бунты и избіенія, покушенія революціонеровъ, казни и проч. Учитель слушалъ молча. Парила ли его мысль въ иныхъ сферахъ и возносилась ли надъ нашими страстями? Пыталась ли проникнуть въ будущее, чтобы вырвать у него тайну революціон-

наго апокалипсиса? Или, быть можетъ, онъ, усталый и разочарованный, просто размышлялъ о своемъ печальномъ одиночествѣ, о той русской молодежи, которая отвернулась отъ него, о своихъ собственныхъ сыновьяхъ, участвовавшихъ въ безуміяхъ войны и прославлявшихъ то, что онъ давно осудилъ?

Никогда еще не представлялся онъ мнѣ столь возвышеннымъ, окруженный вѣяніемъ трагизма и величія, — какъ въ этомъ его кажущемся безсиліи и въ его полномъ равнодушіи и невниманіи къ популярности. Онъ одинъ устоялъ, не поддался общему увлеченію. Онъ одинъ взялъ на себя смѣлость заклеймить своимъ порицаніемъ безуміе революціи такъ же, какъ онъ безпощадно клеймилъ и безуміе правительства.

И никогда еще творенія его не представлялись мнѣ столь правдивыми и жизненными, какъ въ тотъ моментъ, именно когда всѣ, повидимому, отошли отъ нихъ, и когда всѣ событія, казалось, такъ жестоко опровергали возможность всѣхъ его стремленій и упованій. Но на самомъ дѣлѣ развѣ крушеніе цѣлаго міра, развѣ разгромъ всего порядка не являлись самымъ поразительнымъ подтвержденіемъ его ученія? Развѣ пророческій характеръ его творчества не выступалъ на этомъ фонѣ съ еще большей наглядностью и рельефностью. Ибо вотъ уже въ теченіе тридцати лѣтъ онъ не перестаетъ обличать злоупотребленія власти, милитаризмъ, угнетающій народъ, поработившую рабочаго промышленность, религіозныя гоненія, давившія человѣческую совѣсть. Онъ обличалъ матеріализмъ

правящихъ классовъ, ослѣпленіе интеллигенціи, ложь современной «цивилизаціи» и такъ называемаго «прогресса». Въ теченіе 30 лѣтъ онъ непрестанно твердилъ о близости катастрофы. А за это его называли то вѣстникомъ несчастья и утопистомъ, то антихристомъ и реакціонеромъ. Но голосъ его былъ «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». И вотъ теперь, еще при жизни его, всѣ предсказанія его сбываются въ ужасающей быстротѣ чередующихся событій. Пошатнулся глиняный колоссъ, рушилось кругомъ все «величіе плоти», поднимался и грозилъ все поглотить революціонный потопъ, всѣ бѣдствія, всѣ злыя страсти, сразу всѣ словно вырвались, чтобы обрушиться на русское царство: обширныя степи были затоплены потоками крови жертвъ, небосклонъ горѣлъ заревомъ пожаровъ.

И подъ этимъ зловѣщимъ заревомъ пожаровъ все творчество Толстого представлялось намъ облеченнымъ новымъ значеніемъ. Сама жизнь поясняла и подтверждала его. То, что казалось грезою поэта, становилось исторической дѣйствительностью. То, что представлялось противорѣчивымъ, укладывалось теперь и занимало соотвѣтствующее положеніе въ стройномъ цѣломъ всего творчества. Толстой, какъ апостолъ идеи, поднялся во весь ростъ и высоко стоялъ надъ воюющими сторонами, надъ мятежниками противъ грубой силы. Высоко поднявшись надъ виновниками разрушающей революціи, Толстой являлся пророкомъ революціи созидающей.

II.

По общепринятому мнѣнію, за которое отвѣтственность падаетъ отчасти и на самого Толстого и которое онъ, въ порывѣ своей вновь обрѣтенной вѣры, во всякомъ случаѣ поддерживалъ въ «Исповѣди», полагаютъ, что существуетъ значительная двойственность въ его жизни, въ его искуствѣ и въ его ученіи. Говорятъ, что надо различать два періода, которое будто бы раздѣляетъ цѣлая пропасть: до и послѣ его обращенія; съ одной стороны стоитъ художникъ, съ другой — рефоматоръ; съ одной стороны нигилистъ, съ другой — христіанинъ. Тѣ, кто не признаютъ евангелическаго христіанства Толстого, добавляютъ, впрочемъ, что этотъ второй періодъ есть періодъ упадка.

Такое раздѣленіе представляется мнѣ поверхностнымъ и искусственнымъ. Очевидно, что Толстой не могъ оставаться все тѣмъ же и на всемъ протяженіи своего шестидесятилѣтняго литературнаго поприща и что блестящій молодой офицеръ временъ Крымской войны совершенно не похожъ на суроваго пророка послѣдняго времени. Не менѣе очевидно также и то, что послѣ созиданія «Анны Карениной» онъ пережилъ острый нравственный переломъ. Но переломъ этотъ вовсе не былъ той катастрофой, которая, будто бы, внезапно нарушила весь строй его внутренней жизни. Она

уже давно подготовлялась и начиналась. Тотъ нравственный кризисъ, который пережилъ авторъ въ 1878 г., переживаютъ и всѣ его герои, начиная съ самыхъ раннихъ его произведеній: подростокъ и юноша — въ «Отрочествѣ и юности», Оленинъ — въ «Казакахъ», Катя — въ «Семейномъ счастьѣ», князь Андрей и Пьеръ — въ «Войнѣ и мирѣ», Левинъ — въ «Аннѣ Карениной». Всѣ эти повѣсти, всѣ эти романы въ сущности не что иное, какъ лѣтописи душевныхъ переломовъ. Въ дѣйствительности же Толстой всегда оставался однимъ и тѣмъ же. Я могу назвать въ исторіи литературы лишь немногихъ изъ великихъ писателей, которые бы такъ мало измѣнялись и которые бы такъ краснорѣчиво подтверждали теорію Шопонгауэра о постоянствѣ характера, какъ Толстой. Во всемъ его творчествѣ и во всемъ его ученіи мы видимъ поразительное единство и безпрерывную послѣдовательность. На душѣ его съ самаго начала лежитъ евангельскій отпечатокъ — anima naturaliter christiana!

Единственная разница между обоими періодами, отдѣленными другъ отъ друга 1879 годомъ, заключается въ слѣдующемъ: въ первой половинѣ его жизни ученіе его еще неясно выражено и инстинктивно, во второй же оно уже ясно и сознательно. Изъ этого слѣдуетъ, что можетъ соглашаться или не соглашаться съ религіознымъ и нравственнымъ ученіемъ Толстого, но нельзя произвольно выдѣлять или вычеркивать его изъ остального его творчества, нельзя, напримѣръ, смо-

трѣть на него, какъ на внѣшній наростъ или какъ на продуктъ упадка. Напротивъ, ученіе это вытекаетъ изъ индивидуальныхъ чертъ его характера, изъ самыхъ глубокихъ задушевныхъ сторонъ всей его личности; и въ ученіи этомъ нашли себѣ выраженіе многія черты національнаго характера, самымъ цѣннымъ и ярко выраженнымъ представителемъ типа котораго можетъ считаться именно Толстой, при чемъ на немъ, быть можетъ, менѣе всего отразилось вліяніе Запада.

Именно съ этой точки зрѣнія хотѣли бы мы обнять весь кругъ его жизни. Она представляется намъ въ видѣ полной гармоніи пятактной драмы, въ которой, начиная съ перваго до послѣдняго акта, царитъ полное единство дѣйствія.

I. Она начинается періодомъ «Lehrjahre u. Wanderjahre», быстрымъ развитіемъ и первыми успѣхами. Воспитанный въ «дворянскомъ гнѣздѣ», весь пропитанный тѣми старинными семейными и общественными традиціями, которыя онъ любитъ изображать въ своихъ разсказахъ, студентомъ Казанскаго университета, находящагося у преддверья русскаго Востока, кавказскимъ и севастопольскимъ офицеромъ, свѣтскимъ человѣкомъ, со страстнымъ увлеченіемъ отдающимся веселью, игрѣ и женщинамъ, путешественникомъ по Европѣ, онъ въ 23 года накопляетъ огромный и ранній запасъ опыта и пользуется имъ въ цѣломъ рядѣ быстро слѣдующихъ одно за другимъ образцовыхъ произведеній, и уже съ самыхъ первыхъ шаговъ его привѣтствуютъ какъ великаго художника всѣ ветераны «сороковыхъ годовъ».

Этотъ необыкновенный юноша, повидимому, не знаетъ колебаній, никогда не идетъ ощупью. Уже съ самыхъ первыхъ попытокъ онъ проявляетъ зрѣлость и спокойствіе увѣреннаго въ своей силѣ таланта, напримѣръ, въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», въ «Казакахъ», въ «Севастопольскихъ разсказахъ». Въ этихъ первыхъ произведеніяхъ его виденъ не только поэтъ крупныхъ романовъ съ его безпощаднымъ реализмомъ, безошибочно вѣрной психологіей, драматической увлекательностью, нѣтъ, тутъ уже виденъ моралистъ съ его абсолютной искренностью, непоколебимымъ мужествомъ, презрѣніемъ къ условности и религіозными исканіями.

II. Затѣмъ слѣдуетъ переходъ отъ кочевой къ осѣдлой жизни. Этотъ періодъ совпадаетъ съ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи и съ увлеченіемъ великими реформами. Весь русскій народъ, да и самъ писатель съ надеждой устремили взоры на будущее. «Духъ времени» захватилъ и самого Толстого. Здѣсь уже выдвигается соціальный реформаторъ. До того времени онъ жилъ преимущественно искусственной жизнью въ кругу интеллигенціи и свѣтскихъ людей. Съ этого дня онъ начнетъ жизнь въ деревнѣ, въ кругу своей семьи, среди любимыхъ имъ крестьянъ. Теперь Ясная Поляна все съ большимъ и большимъ правомъ будетъ носить свое символическое названіе, она все больше и больше станетъ той «ясной поляной», которая будетъ притягивать къ себѣ всѣ взоры и свѣтить среди мрака реакціи, который вскорѣ покроетъ весь русскій горизонтъ. Въ противоположность своему знаменитому

соотечественнику, западнику-Тургеневу, проведшему всю жизнь въ Парижѣ и нѣмецкихъ курортахъ, Толстой никогда не порывалъ тѣсной связи съ родиной и близкаго общенія съ крестьянами, такъ что онъ, принадлежащій къ высшему кругу русской аристократіи, является теперь представителемъ мужика, носителемъ его стремленій и чаяній. И во время тѣхъ незабвенныхъ шестидесятыхъ годовъ тотъ же геній, который только что подарилъ намъ такія жемчужины, какъ «Дѣтство и отрочество» и «Семейное счастье» и уже задумалъ написать родную эпопею «Войну и миръ» и трагедію страсти «Анну Каренину», — принимается за устройство народныхъ школъ, учитъ ребятъ грамотѣ и сочиняетъ сказки для дѣтей, — но, начиная съ этой «эпохи великихъ реформъ», обратите вниманіе на странную аномалію: съ того самаго момента, какъ Царь проявилъ могущество своей власти въ величайшей политической и экономической революціи, еще невиданной во всемъ мірѣ съ самаго начала христіанства, въ то время, какъ всѣ ожидали разрѣшенія всѣхъ вопросовъ отъ самодержавія и бюрократіи, один только молодой писатель-реформаторъ не раздѣляетъ общаго оптимизма. Онъ отказывается вѣрить въ офиціальное обученіе, онъ — врагъ принужденія. Послѣдователь Руссо, онъ вѣритъ только въ отрицательное воспитаніе. Уже въ 1863 году изъ-за импровизированнаго педагога выглядываетъ моралистъ-анархистъ.

III. Потомъ наступаютъ годы радостной и плодотворной творческой работы. Толстой достигъ апогея своего

генія и въ то же самое время онъ пользуется полнотой личнаго счастья.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ реформаторъ и моралистъ скрываются за романистомъ, отцомъ семейства и помѣщикомъ. Съ каждымъ годомъ увеличивается его семья, прибавляются новые участки къ его владѣніямъ и новыя произведенія къ его художественному творчеству. Съ перваго взгляда кажется, что этотъ центральный періодъ въ жизни Толстого находится въ противорѣчіи съ предыдущими и послѣдующими періодами. Повидимому, онъ живетъ въ мирѣ съ самимъ собой. Онъ какъ-будто достигъ внутренняго равновѣсія, гармоніи и спокойствія. Но даже самое поверхностное чтеніе «Войны и мира» и «Анны Карениной» показываетъ намъ, что моральный кризисъ, который долженъ разразиться позднѣе, в т а й н ѣ у ж е с у щ е с т в у е т ъ. Мы только что говорили — и нельзя не настаивать на этомъ явленіи, если хочешь понять душу и произведенія Толстого, — что всѣ герои обоихъ романовъ стремятся обрѣсти Св. Градъ, ищутъ нравственной и религіозной правды. Ученіе «иллюминатовъ», послѣдователемъ котораго сталъ Пьеръ Безуховъ, предвѣщаетъ то п р о с в ѣ щ е н і е, которое озарило самого Толстого. Тревожныя и безпокойныя исканія князя Андрея и Пьера Безухова тѣмъ болѣе знаменательны, что, подобно Толстому, лица эти обладали всѣми внѣшними условіями счастья. Къ этому душевному настроенію героевъ двухъ главныхъ романовъ, раскрывающему душевное настроеніе самого автора, слѣдуетъ добавить, что пос-

лѣ обращенія не появилось ни одной мысли, имѣющей болѣе или менѣе серьезное значеніе, которая уже не находилась бы въ «Войнѣ и мирѣ» и въ «Аннѣ Карениной». Тамъ есть все: и демократическій взглядъ на исторію, и протестъ противъ тиранiи великихъ людей, и преимущества деревенской жизни, и осужденіе войны, и суевѣрный ужасъ передъ «вѣчно женственнымъ» и передъ страстью, и протестъ противъ прославленія любви и эгоизма вдвоемъ.

IV. Четвертый періодъ тотъ, который принято называть «обращеніемъ» Толстого, такимъ образомъ уже заключается въ предыдущемъ періодѣ. На самомъ дѣлѣ послѣдовательность и безпрерывность и не были ничѣмъ нарушены. «Обращеніе» въ одно и то же время является и жизненной реакціей, наступившей послѣ созданія великихъ произведеній, а также и назрѣваніемъ внутренней работы, происходившей въ теченіе двадцати лѣтъ въ душѣ писателя. То, что до сихъ поръ оставалось скрытымъ въ нѣдрахъ безсознательнаго, всплываетъ теперь на поверхность сознанія. Та нравственная и религіозная правда, которой онъ владѣетъ и которая въ свою очередь имъ владѣетъ, съ тѣхъ поръ будетъ возвѣщена имъ міру, и онъ будетъ стараться проводить ее въ жизнь съ тѣмъ большимъ рвеніемъ и пыломъ, что его уже больше не отвлекаетъ и не поглощаетъ художественное творчество.

V. И вотъ, одновременно съ появленіемъ въ печати «Исповѣди» (1879 г.), наступаетъ пятый періодъ, періодъ апостольскаго служенія и религіознаго синтеза,

который совпадаетъ съ мрачными годинами общественной реакціи, подобно тому, какъ третій періодъ совпадалъ съ освобожденіемъ крестьянъ и съ эпохой великихъ реформъ. Съ неутомимой энергіей, съ поразительной силой и неподражаемой тонкостью діалектики Толстой примѣняетъ евангельскія заповѣди ко всѣмъ моральнымъ и соціальнымъ проблемамъ своего времени. Его критики и хулители не перестаютъ оплакивать эту перемѣну и это заблужденіе великаго генія, отвлекшагося отъ своей художественной дѣятельности. Они не перестаютъ напоминать ему послѣднюю обращенную къ нему мольбы Тургенева, точно человѣкъ, добравшійся до вершины горы и оставившій позади себя всѣ виды на жизнь, можетъ продолжать сочинять любовныя исторіи или описывать трагедіи страстей и изображать чувства, которыя онъ пересталъ испытывать; и точно за лихорадочнымъ пыломъ дѣятельной жизни не должно, естественно, наступить спокойствіе и ясная тишина жизни созерцательной. Впрочемъ, учитель періодически блестяще опровергалъ своихъ критиковъ, въ продолженіе цѣлой четверти вѣка не перестающихъ возвѣщать упадокъ его генія: послѣ своего обращенія онъ продолжалъ дарить міру такія произведенія, какъ: «Чѣмъ люди живы», «Смерть Ивана Ильича», «Хозяинъ и работникъ», «Воскресенье» — и все это труды, на которыхъ лежитъ печать титана. Вмѣсто того, чтобы утверждать, что его религіозныя теоріи ускорили упадокъ его геніальнаго таланта, справедливѣе было бы сказать, что его апостольское служеніе и пылкость его убѣжденій

придали ему юношескую мощь и продлили его творческую дѣятельность далеко за предѣлы такого возраста человѣческой жизни, когда уже былъ истощенъ даже геній Гёте и Виктора Гюго. Восьмидесятилѣтній старецъ сохранилъ свою свѣжесть юныхъ лѣтъ и ничѣмъ не обнаруживаетъ усталости отъ шестидесятилѣтняго непрерывнаго творчества. Когда эта титаническая сила исчезнетъ, она не угаснетъ, какъ свѣтильникъ, въ которомъ не хватило масла, а скорѣе упадетъ, какъ столѣтній дубъ, сломленный бурей. Но до послѣдняго дня учитель не перестанетъ зажигать сердца молодыхъ поколѣній своимъ священнымъ огнемъ и напутствовать ихъ живымъ и мудрымъ словомъ.

Charl Sarolea.

Н. С.

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.

(Изъ воспоминаній переписчицы.)

22 марта 1908 г., Ясная Поляна.

Ночью въ вагонѣ между Москвою и Тулой я часто просыпалась отъ толчковъ вагона и отъ внутренняго волненія. Я думала о Львѣ Николаевичѣ и о томъ, что черезъ нѣсколько часовъ увижу его...

Но еще трепетнѣе забилось мое сердце, когда, пріѣхавъ утромъ на ст. «Козловку-Засѣку» и выйдя изъ вагона, я услыхала голосъ:

— Барышня, вы къ Толстымъ? Пожалуйте, тутъ лошади.

Я сѣла въ маленькія санки, и мы поѣхали.

Было морозное, туманное утро. Радостно волнуясь, подъѣзжала я къ Ясной Полянѣ. Вся она была въ туманѣ. И мнѣ вспомнился разсказъ моего отца, какъ однажды заволоченная туманомъ, Ясная Поляна была своего рода откровеніемъ для него: чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе выступали передъ нимъ всѣ подробности. И онъ поду-

малъ: «Значитъ, надо только поближе подойти къ Ясной Полянѣ, и все туманное вокругъ нея разсѣется».

И я хотѣла этого.

Лошадь была очень хорошая, и мы быстро доѣхали.

По дорогѣ я задала нѣсколько вопросовъ кучеру, спросила о здоровьѣ Льва Николаевича и о томъ, дома ли всѣ? Но кучеръ былъ неразговорчивъ и отвѣчалъ точно по-заученному:

— «Такъ точно». «Слава Богу, здоровы». «Такъ точно: всѣ дома».

Мы съѣхали съ горы, минули полуразрушенный пограничный столбъ, затѣмъ двѣ круглыя каменныя башни, вмѣсто воротъ, и въѣхали въ длинную аллею. У меня мелькнула мысль: «А что, если я встрѣчу Льва Николаевича». Мнѣ очень хотѣлось этой встрѣчи и было страшно, если она произойдетъ. Волнуясь, подъѣзжала я къ яснополянскому дому, какъ вдругъ услыхала около себя привѣтливый голосъ:

— А! Здравствуйте!..

Я обернулась и увидѣла около самыхъ саней Льва Николаевича. Онъ протянулъ мнѣ руку въ сѣрой варежкѣ и поздоровался.

— А вотъ подарокъ вашего отца, — сказалъ онъ, видимо, желая сказать мнѣ пріятное, и показалъ палку съ складнымъ сидѣніемъ. — Ну, поѣзжайте! Саша васъ ждетъ.

Сразу у меня всякое волненіе исчезло. И стало только радостно.

Привѣтливый слуга, Илья Васильевичъ, взялъ мои

вещи и провелъ меня въ комнату со сводами, которая раньше была кабинетомъ Льва Н—ча.

Я умылась, привела себя въ порядокъ и сѣла въ кресло у окна. Было счастливое сознаніе, что я въ Ясной Полянѣ...

За дверью послышались легкіе шаги, и въ комнату вошла худенькая старушка — близкій другъ Льва Николаевича — Марья Александровна Шмидтъ. Я знала о ней раньше и заглазно любила. Она обняла меня и поцѣловала.

— Вотъ, душенька, пріѣхали! Не хотите ли умыться? Уже?.. Ну, пойдемте пить кофе.

И она повела меня наверхъ.

На площадкѣ лѣстницы мы встрѣтили Льва Николаевича. Онъ уже вернулся съ гулянья. Видъ у него былъ свѣжій и оживленный.

— Здравствуйте, милый Левъ Николаевичъ! Какъ вы себя чувствуете, душенька? — спросила съ нѣжностью Марья Александровна.

— Спасибо! Превосходно,—отвѣтилъ весело Левъ Николаевичъ и обратился ко мнѣ:

— А вы озябли? Вы такая франтиха, — въ шляпѣ!

Я отвѣтила, что чувствую себя хорошо.

Л. Н. сказалъ еще нѣсколько словъ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Утро — его любимое время для работы.

Но черезъ нѣкоторое время онъ появился въ столовой и началъ говорить со мною о самомъ миломъ для меня: о моихъ родныхъ, по которымъ я скучала. Л. Н.

разспрашивалъ о моемъ отцѣ, о матери, о братьяхъ и сестрахъ.

Я сказала, что всѣ здоровы.

— А самый маленькій кто у васъ?—спросилъ Л. Н.

Я сказала.

Тогда Л. Н. началъ дружескимъ тономъ разспрашивать, сколько всѣхъ насъ, сколько кому лѣтъ и проч., и повторялъ одобрительно:

— Одиннадцать душъ! Гм... И никто не умиралъ? Вотъ счастливая семья!

Перекинувшись нѣсколькими словами со всѣми, Л. Н. ушелъ, но черезъ нѣкоторое время опять вернулся и, поглядывая на меня, спросилъ свою меньшую дочь, Александру Львовну:

— Ты знаешь, сколько ихъ? Сколько?—обратился онъ ко мнѣ.

Я сказала.

— Гм...

И какъ бы похваливши, что насъ такъ много, сказалъ весело:

— Вотъ у меня сколько помощниковъ!.. И вы пріѣхали помогать... Ну, мнѣ надо итти приготовить работу.

И быстрой легкой походкой онъ ушелъ къ себѣ.

Послѣ кофе я попросила дать мнѣ работу. Въ это время въ столовую вошелъ слуга и сказалъ, что пріѣхала N. N.

Мнѣ дали работу и объяснили, въ чемъ дѣло. Рабо-

та заключалось въ томъ, что надо было переписывать для новаго «Круга Чтенія» собранный матеріалъ, который раздѣлялся на отдѣлы по днямъ и мѣсяцамъ. Все это было склееные, перечеркнутые, подклеенные листки, изъ которыхъ, кромѣ того, надо было выдѣлять мысли для дѣтскаго «Круга Чтенія». Въ листкахъ часто встрѣчались вставки, сдѣланныя рукою Льва Николаевича и не всегда разборчивыя, такъ что приходилось обращаться за помощью къ Александрѣ Львовнѣ или къ помощнику Льва Николаевича — Н. Н. Гусеву, легко разбиравшему самыя неразборчивыя слова и знавшему на память многія изъ мыслей, готовившихся для «Круга Чтенія».

Работа была интересная и близкая моей душѣ. Кромѣ переписки, я должна была вычеркивать повторяющіяся мысли. Мнѣ было очень пріятно переписывать на моей машинѣ эту работу съ помѣтками Льва Николаевича, переписывать для него. И я думала о незаслуженномъ счастьѣ, выпавшемъ на мою долю...

Въ 12 часовъ меня позвали наверхъ завтракать. Я вошла въ столовую, когда всѣ уже были въ сборѣ. Софья Андреевна тоже была за столомъ. Она привѣтливо встрѣтила меня и поцѣловала. Несмотря на свои 65 лѣтъ, она произвела на меня впечатлѣніе еще красивой женщины. С. А. была въ лиловомъ капотѣ на шелку. И когда она ходила по комнатамъ, то еще издали слышались ея быстрые шаги и шелестъ платья.

Льва Николаевича за завтракомъ не было. Онъ не завтракаетъ вмѣстѣ со всѣми, а пьетъ утромъ у себя

кофе, а затѣмъ, часовъ около трехъ, завтракаетъ; и этотъ завтракъ замѣняетъ ему и чай.

Послѣ завтрака всѣ снова разошлись — всякій по своимъ занятіямъ; и я пошла кончать мою работу.

Работы у меня оставалось немного, до завтрака я успѣла кое-что переписать, а послѣ завтрака кончила и весь отдѣлъ.

Я пошла наверхъ въ столовую. Въ углу, за круглымъ столомъ, сидѣла милая Марья Александровна и переписывала письма Льва Николаевича.

— Ну, что, душенька, какъ вы себя чувствуете? Какъ ваша работа? — спросила она.

Я сказала, что кончила одинъ отдѣлъ.

Черезъ нѣкоторое время пришла и Александра Львовна, тоже окончившая свою работу, а изъ кабинета показался Левъ Николаевичъ.

— Папенька, Наташа быстрѣй меня пишетъ, она меня за поясъ заткнетъ. Одинъ отдѣлъ у нея уже готовъ, — дѣтскимъ, поющимъ голосомъ сказала шутливо Александра Львовна.

— Да неужто? Ай-ай! — удивился Л. Н., подходя къ намъ; затѣмъ прошелся нѣсколько разъ по огромной комнатѣ и снова ушелъ.

Въ 3 часа былъ чай. Послѣ чая мнѣ предложили пойти погулять. Мы вышли изъ парка и пошли по направленію къ шоссе. Не доходя до каменнаго столба, — служащаго границей между Тульскимъ и Крапивенскимъ уѣздами, — отъ мостика ведетъ дорога налѣво въ лѣсъ. Мы пошли по этой дорогѣ и скоро увидѣли

вдали Льва Николаевича, идущаго намъ навстрѣчу. Онъ шелъ медленно, опираясь на палку.

— Куда вы направляетесь? — спросилъ онъ, подходя къ намъ и останавливаясь.

— Думаемъ пройти кругомъ...

— Ну, идите. А я измѣрялъ, сколько тутъ верстъ. Оказалось, ровно двѣ съ половиной... А вы новую шапочку надѣли? — сказалъ Л. Н., обращаясь ко мнѣ съ улыбкой.

Мы направились къ лѣсу — по дорогѣ, составлявшей обычную прогулку Л. Н—ча. Онъ проходитъ въ лѣсъ, дѣлаетъ иногда нѣсколько верстъ и возвращается назадъ. Иногда за нимъ высылаютъ лошадь, потому что онъ утомляется. Но послѣднее время онъ отказывался отъ лошади и совершалъ всю прогулку пѣшкомъ.

Мы сдѣлали большой крюкъ, верстъ въ семь, и вернулись домой по дорогѣ, ведущей отъ рѣки Воронки въ Ясную.

До обѣда осталось немного времени, и мы сѣли съ Н. Н. Гусевымъ провѣрять переписанный мною отдѣлъ.

Вдругъ въ комнату точно солнышко заглянуло: вошелъ Левъ Николаевичъ.

— А я пришелъ посмотрѣть, что вы дѣлаете! Думалъ, не спите ли, что такъ тихо, — сказалъ онъ. — А не хотите ли послушать фонографъ? Я сейчасъ наговорилъ въ него письмо. Пойдемте.

Мы оставили работу и пошли за Львомъ Николаевичемъ въ его кабинетъ.

Но съ фонографомъ, присланнымъ Эдиссономъ въ подарокъ Льву Николаевичу, случилось что-то. Онъ пищалъ, шипѣлъ и дѣлалъ неузнаваемымъ голосъ Л. Н—ча. Въ концѣ-концовъ, Александра Львовна исправила его, и мы услыхали голосъ Льва Николаевича. Въ это время вошелъ слуга и сказалъ, что пріѣхалъ полковникъ N.

— А, онъ пріѣхалъ? — сказалъ Л. Н. и пояснилъ намъ. — Это тотъ самый, что писалъ, что привезетъ свой фонографъ, чтобы я наговорилъ ему на валики...— Просите его сюда.

Вошелъ N. Онъ, видимо, былъ взволнованъ свиданіемъ со Львомъ Николаевичемъ и, попросивъ Льва Н—ча наговорить на валикъ, забылъ, что Л. Н. наговаривалъ въ свой фонографъ, а не въ его. Между тѣмъ, ихъ фонографы отличались одинъ отъ другого.

N. понялъ свою ошибку и еще болѣе смутился.

— Но все-таки я попрошу, ваше сіятельство, —сказалъ онъ, — дать мнѣ этотъ валикъ. Я пошлю его въ Америку и, можетъ быть, его приправятъ или мнѣ придется пріобрѣсти такой фонографъ, какъ у вашего сіятельства...

— Да, да, возьмите, —сказалъ Л. Н.— А теперь я васъ оставлю, — сказалъ онъ, немного погодя, и ушелъ.

Къ вечернему чаю снова всѣ собрались. Но разговоры были незначительные. Говорили о фонографахъ, о валикахъ и т. п.

23 марта 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня утромъ въ столовой я только мелькомъ видѣла Льва Николаевича. Замѣтивъ въ моей рукѣ открытое письмо, онъ спросилъ:

— А отецъ скучаетъ безъ васъ?

Я сказала, что, вѣроятно, скучаетъ. Поговоривши немного, Л. Н. ушелъ къ себѣ, а я къ себѣ — переписывать. Одного мѣста я никакъ не могла разобрать и пошла къ Александрѣ Львовнѣ. Но въ ея комнатѣ былъ Левъ Николаевичъ. Онъ взялъ у меня работу, прочелъ непонятное для меня мѣсто и сказалъ:

— Вы не очень осуждайте меня, Наташа, за всякія тутъ глупости. Я еще буду все это исправлять...

Сегодня Л. Н. чувствуетъ себя хорошо, хотя спалъ мало. Утромъ на прогулкѣ съ нимъ случилось несчастье: его задѣло крыломъ саней и больно ушибло ногу около колѣнки, такъ что онъ хромаетъ и ходитъ съ палкой. Когда мы спросили, какъ его нога, онъ, противъ обыкновенія, пожаловался на боль:

— Да, да, очень больно... Больно ходить.

Грустно было слышать это. И мы съ Александрой Львовной говорили, что съ какимъ бы удовольствіемъ подставили свои ноги подъ ударъ саней, лишь бы это миновало Льва Николаевича...

Но Л. Н., несмотря на боль въ ногѣ, продолжалъ работать и проводить свой день попрежнему.

Когда мы пили чай послѣ завтрака, онъ лежалъ на кушеткѣ и почти все время молчалъ. Потомъ съ усиліемъ поднялся и, не позволяя помочь ему, пошелъ къ себѣ, опираясь на палку.

За обѣдомъ Левъ Николаевичъ снова оживился. Изъ Москвы пріѣхала Ю. И. Игумнова, много разсказывавшая о знакомыхъ и друзьяхъ Л. Н—ча. Видимо, отдаваясь своей потребности дѣлать присутствующимъ что-нибудь пріятное, Л. Н. спросилъ Ю. И. о моемъ отцѣ: видѣла ли она его въ Москвѣ?

Ю. И. привезла изъ Москвы иллюстрированныя открытки для Л. Н—ча. Онъ ее просилъ объ этомъ. Большинство открытокъ представляло снимки съ картинъ Третьяковской галлереи.

Левъ Николаевичъ восторгался нѣкоторыми и говорилъ съ восторгомъ:

— Какъ хорошо! Какъ талантливо! Посмотрите, какъ хорошъ этотъ теленокъ. Очень хорошъ!

Продолжая разсматривать открытки, Л. Н—чъ сказалъ:

— Ахъ, какое это дивное искусство! И какъ немногіе умѣютъ пользоваться имъ!

Отъ картинъ рѣчь перешла на московскую жизнь и на различныя общественныя засѣданія.

Александра Львовна сказала въ шутку:

— Если бы я засѣдала, я была бы очень важная.

Подумайте: Засѣдать! Тутъ мы просто сидимъ, а тамъ «засѣдаютъ».

— А ты знаешь стихи про Дундука, который «засѣдаетъ?» — спросилъ, улыбаясь, Левъ Николаевичъ.

— Нѣтъ, папа!

— Ну, такъ слушай:

Въ академіи наукъ,
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь.
Отчего жъ онъ засѣдаетъ?..

— Оттого, что... — говоритъ, заливаясь смѣхомъ, Л. Н., — то, на чемъ сидятъ, есть...

Поднимается всеобщій хохотъ. Но Левъ Николаевичъ смѣялся больше всѣхъ. Онъ вообще очень смѣшливъ и заразительно смѣется при всякомъ поводѣ для смѣха. Такъ, онъ очень смѣялся, когда живущій въ Ясной Полянѣ докторъ, словакъ Д. П. Маковицкій, желая пояснить свою мысль, сказалъ: «лачное пихо» и перевелъ: «дутая гордость».

---

24 марта 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня я рано встала, проснувшись отъ щебетанія какой-то птички надъ моимъ окномъ. Я одѣлась и вышла погулять.

Моросилъ мелкій снѣжокъ, но воздухъ былъ теплый, и съ крышъ капало. Я пошла по главной аллеѣ, удивляясь и умиляясь необыкновеннымъ количествомъ пѣвчихъ птицъ въ Ясной Полянѣ. Ни на секунду воздухъ не затихалъ отъ веселаго щебетанія перекликавшихся птичекъ. Впереди меня бѣжала маленькая собачка и оставляла на свѣжемъ снѣгу отчетливые отпечатки своихъ ногъ. И это почему-то умиляло.

Сегодня изъ-за больной ноги Л. Н. не выходилъ гулять. Для него это большое лишеніе.

Утромъ, послѣ прогулки, я сидѣла въ столовой, у окна. Въ комнатѣ, кромѣ меня, никого не было. Около лѣстницы послышались шаги, и въ комнату, прихрамывая и опираясь на палку, вошелъ Левъ Николаевичъ. Видъ у него былъ усталый. Воротъ сѣрой блузы разстегнутъ. Но онъ съ обычной привѣтливостью поздоровался и спросилъ, какъ я спала, какъ чувствую себя, и опять началъ говорить о нашей семьѣ.

Потомъ Л. Н. сѣлъ на стулъ около рояля и опять, видимо, желая сдѣлать мнѣ пріятное, съ разстановками, сказалъ:

— А я все поджидаю вашего отца... Вѣдь онъ нѣтъ-нѣтъ да и навѣститъ... А тѣмъ болѣе теперь: вы притягиваете его... Я увѣренъ, что онъ пойметъ меня съ этимъ юбилеемъ... пойметъ такъ, какъ я понимаю... Онъ близкій мнѣ. Не такъ, какъ другіе.. Въ сущно-

сти, до меня имъ нѣтъ никакого дѣла. А такъ только... чтобы пошумѣть...

И Левъ Николаевичъ началъ снова разспрашивать меня о нашей семьѣ и нашей жизни.

Я говорила съ нимъ какъ съ близкимъ другомъ. Душа моя была открыта для него. И я могла бы безъ всякаго страха или стѣсненія открыть ему все, самое затаенное въ моей душѣ.

И я прямо и свободно смотрѣла въ его особенные — свѣтло-синіе глаза.

Въ Тулѣ долженъ былъ состояться концертъ какого-то скрипача... За обѣдомъ Александра Львовна сказала:

— Мы съ Наташей ѣдемъ въ концертъ.

— Ну, что жъ! И я съ вами! — весело объявилъ Левъ Николаевичъ шутливымъ тономъ и добавилъ съ полугрустной ноткой въ голосѣ: — а какъ мнѣ хотѣлось вчера съ вами прыгать съ лѣстницы! Главное, обидно было, что никто изъ васъ не умѣлъ прыгать, какъ слѣдуетъ. Надо прыгнуть и присѣсть немного.

Заговоривъ о современныхъ событіяхъ и о печати, Л. Н. сказалъ, что по слабости своей все еще читаетъ газеты. И началъ хвалить статьи одного литератора.

— Это моя антипатія послѣ того, какъ онъ написалъ такую ругательную статью о тебѣ, — послышался протестующій голосъ.

— Вотъ какъ? А я и забылъ про это. Даровитый человѣкъ. Какъ все у него умно!

За чаемъ Софія Андреевна сказала Льву Николаевичу по одному поводу, что пожилымъ дамамъ не принято носить цвѣтные камни, а можно только бриллiанты.

Левъ Николаевичъ усмѣхается.

— Гм... Совсѣмъ не зналъ этого... Что калачъ надо рвать, а не рѣзать, это я зналъ. Но что пожилымъ женщинамъ надо носить бриллiанты — не зналъ...

Послѣ обѣда Л. Н. приноситъ изъ кабинета маленькую книжечку и говоритъ:

— Началъ читать Федосѣева о смотрѣ въ полку... показалось интересно. Хотите послушать?

Всѣ разсаживаются около круглаго стола въ лѣвомъ углу. Кто раскладываетъ пасьянсъ, кто шьетъ, кто вяжетъ. На столѣ горитъ лампа подъ большимъ абажуромъ, придающимъ уголку особенную уютность.

Въ комнатѣ тихо, и всѣ со вниманiемъ слушаютъ чтенiе Льва Николаевича. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ не выдерживаетъ и заразительно смѣется, прежде чѣмъ прочесть смѣшное мѣсто.

Содержанiе разсказа въ томъ, что въ полку долженъ быть смотръ и долженъ играть оркестръ. Лучшiй музыкантъ въ оркестрѣ — барабанщикъ, но отчаянный пьяница. Передъ смотромъ онъ напился такъ, что не могъ стоять на ногахъ. Но все улаживается: ба-

рабанщика ведутъ въ баню, даютъ выпить стаканъ воды съ нашатырнымъ спиртомъ и затѣмъ окачиваютъ ледяной водой до тѣхъ поръ, пока музыкантъ не приходитъ въ себя.

Во время смотра онъ съ прежнимъ увлеченіемъ извлекаетъ изъ барабана удивительные звуки, чѣмъ и обращаетъ на себя вниманіе начальства.

— Удивительное это искусство! — сказалъ Л. Н. послѣ чтенія. — Кажется, ничего нѣтъ и въ этомъ смотрѣ и во всемъ. А, между тѣмъ, притягиваетъ. Интересно!..

Сегодня вечеромъ, прощаясь со мною, Левъ Николаевичъ пожалъ мнѣ руку и, опять, видимо, поддаваясь потребности, проявить къ нашему дому свое вниманіе, сказалъ заботливо:

— Слишкомъ много вы работаете, Наташа!

---

25 марта 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня совсѣмъ мало видѣла Льва Николаевича. Мнѣ попался большой отдѣлъ, и хотѣлось непремѣнно сегодня же окончить его. А Левъ Николаевичъ былъ все время съ Н. В. Давыдовымъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы по поводу юбилея. Къ Н. В. Давыдову въ Ясной Полянѣ всѣ относились съ особеннымъ вниманіемъ.

Нога у Льва Николаевича хотя и продолжаетъ болѣть, но онъ сегодня гулялъ и говорилъ, что боль въ ногѣ не мѣшала ему спать. Вчера же у него было такое ощущеніе, будто нога у него лишняя, и никакъ нельзя было лечь, чтобы избѣгнуть боли.

Настроеніе у Л. Н—ча сегодня оживленное, веселое. Онъ часто шутитъ и смѣется.

Послѣднее время онъ охотно слушаетъ музыку и «дорожитъ» ею, какъ сказала Софія Андреевна.

За дневнымъ чаемъ Александра Львовна попросила меня сыграть одинъ танецъ, а потомъ вальсъ Бахмана. Я начала играть. Въ это время въ комнату вошелъ Левъ Николаевичъ въ пальто и въ шапкѣ.

Я хотѣла прекратить игру. Но онъ, проходя мимо, дотронулся до моего плеча и сказалъ:

— Гм... Хорошо... Продолжайте, продолжайте. Я очень люблю такія вещи...

Вечеромъ я въ угловой комнатѣ играла этюды, какъ вдругъ у двери послышался голосъ Л. Н—ча:

— Какой хорошенькій этюдъ! Чей это?

Я сказала, что Воленгаупта.

— Ахъ, это вы, Наташа! А я думалъ, что Саша играетъ. — Очень хорошенькій этюдъ...

За вечернимъ чаемъ была опять музыка. Игралъ пріѣхавшій изъ Москвы старшій сынъ Льва Николаевича — Сергѣй Львовичъ. Онъ чудесно игралъ танцы Брамса и Шопена. Левъ Николаевичъ, видимо, съ удовольствіемъ слушалъ и даже началъ весело при-

топтывать ногами, когда С. Л. въ танцахъ Брамса заигралъ веселый мотивъ.

Затѣмъ Л. Н. долго стоялъ у рояля, заложивъ руки за поясъ, и внимательно слушалъ. Когда С. Л. кончилъ, Л. Н. сказалъ съ улыбкой:

— Ja! Das ist Musik!

Передъ тѣмъ, какъ расходиться, заговорили о Чеховѣ:

— Вотъ вспоминаю Чехова, — сказалъ задумчиво Левъ Николаевичъ. — Какъ онъ чуждъ былъ мнѣ по складу своей души! Но какой талантъ! Что ни возьмешь, все чудесно, вездѣ чувствуется дарованіе...

---

27 марта 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня цѣлый день не видѣла Льва Николаевича.

Онъ былъ все время занятъ работой, а мнѣ опять попался большой отдѣлъ, такъ что я все время сидѣла за перепиской.

Увидѣла я Льва Николаевича только за обѣдомъ. Онъ чувствовалъ себя хорошо, былъ весело настроенъ и заразительно смѣялся.

---

28 марта 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня писала въ письмѣ: «Чувствую себя здѣсь такъ хорошо, что если бы не боялась громкихъ словъ, то сказала бы, что чувствую себя счастливой. Ничего

какъ-будто не дѣлая, нисколько какъ-будто не стараясь, Левъ Николаевичъ такъ много даетъ моей душѣ!..»

...«Особенно трогательно въ немъ, какъ онъ чутко относится къ каждому...»

Помогала Александрѣ Львовнѣ переписывать, т.-е. диктовала новую статью Льва Николаевича: «Всему бываетъ конецъ».

Онъ очень требовательно относится къ своей работѣ. Каждый день переписанная начисто статья кладется на столъ Льва Николаевича. И каждый день онъ возвращаетъ ее опять для переписки — всю испещренную поправками.

Ко Льву Николаевичу пріѣзжала какая-то монахиня. Она пробыла въ Ясной часа два. Снизу, изъ передней, я слышала, какъ Л. Н. наверху горячо и повышеннымъ тономъ доказывалъ что-то матушкѣ-монахинѣ.

За обѣдомъ, послѣ отъѣзда монахини, онъ спросилъ насъ:

— А изъ васъ никто не слыхалъ, какъ я осрамился сегодня и кричалъ, доказывая матушкѣ идею о непротивленіи злу?

Кто-то сказалъ, что монахиня показалась не вполнѣ здоровой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Она вполнѣ здорова, — возразилъ

Левъ Николаевичъ. — Я потому и кричалъ съ ней, что видѣлъ, что она человѣкъ глубоко убѣжденный, религіозный...

— Но она вѣритъ въ спиритизмъ и разсказывала здѣсь всякія чудеса, — сказала одна изъ присутствующихъ.

— Въ ней есть нѣчто опаснѣе спиритизма: она хочетъ «учреждать», «обращать»... И все-таки она была мнѣ скорѣй пріятна, чѣмъ непріятна, — добавилъ мягко Левъ Николаевичъ.

Ходили съ Александрой Львовной на «Козловку-Засѣку», а назадъ должны были пріѣхать и довезти возвращающагося съ прогулки Льва Николаевича. Но мы немного опоздали. И Л. Н. раньше насъ пришелъ домой. Мы очень жалѣли, что такъ вышло...

Сегодня полученъ въ Ясной Полянѣ кумысъ для Льва Николаевича. За обѣдомъ онъ пробовалъ кумысъ и нашелъ его очень вкуснымъ, «напоминающимъ жидкій творогъ». Вставая изъ-за стола, Левъ Николаевичъ объявилъ громко:

— Ну, теперь кончено! Теперь не помру никогда... Буду еще танцовать...

Л. Н. очень любитъ веселье и смѣхъ. И когда мы на концѣ стола затихали, онъ обращался къ намъ:

— Что же вы молчите? Ну, разговаривайте же, разговаривайте!

---

29 марта 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня вечеромъ мы, цѣлой компаніей молодежи, пѣли хоромъ въ комнатѣ Александры Львовны. Потомъ всѣ разошлись, а я осталась съ ней вдвоемъ. Неожиданно въ комнату вошелъ Левъ Николаевичъ съ словами:

— Вы черезъ мою комнату ходите, а я черезъ вашу.

И, присѣвъ на табуретъ у рояля, сказалъ:

— А я пришелъ къ тебѣ, Саша, посовѣтоваться: сейчасъ получилъ телеграмму отъ господина, который изобрѣлъ цвѣтную фотографію и предлагаетъ пріѣхать, чтобы снять меня и Софью Андреевну. Что ему отвѣтить?..

Александра Львовна сказала, что у нея нѣтъ никакого мнѣнія по этому поводу, и добавила, что сейчасъ здѣсь пѣли хоромъ.

— Вотъ какъ! Жалко, жалко, что я не слышалъ.

Рѣчь перешла на письма, получаемыя Львомъ Николаевичемъ.

Онъ всталъ и, заложивъ руки за поясъ, прошелся по комнатѣ; потомъ сказалъ:

— А я вотъ сейчасъ все читалъ письма... много сегодня... Думается, что живу я въ уединеніи. А черезъ письма я общаюсь со столькими людьми! Тутъ и отъ мужичка письмо, и отъ богатой барыни. Очень интересно... Даже обратительныя женскія письма скорѣе пріятны мнѣ... Ну, пойдемте чай пить, а то поздно уже!

---

30 марта 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня за обѣдомъ заговорили о періодической печати, и Левъ Николаевичъ назвалъ одну статью съ очень извѣстнымъ именемъ глупой. Потомъ сказалъ:

— Это я напрасно сказалъ: «глупая» и только потому, что въ ней бранятъ великаго мыслителя... А кто помнитъ сегодняшній сонъ? — вдругъ спросилъ Левъ Николаевичъ.

Оказалось, что никто не помнилъ.

— А мнѣ сегодня снилось, — сказалъ Л. Н., — что мы гдѣ-то стоимъ... И летаетъ баллонъ. И будто въ этомъ баллонѣ Сергѣй... покойный братъ. Летаетъ этотъ баллонъ и вдругъ начинаетъ спускаться. И все это съ необыкновенной ясностью я вижу. Удивительно, какъ иногда во снѣ происходитъ правдоподобно!.. Баллонъ, наконецъ, спустился. Мы бѣжимъ къ нему. И намъ кажется, что онъ близко отъ насъ. Между тѣмъ, онъ очень-очень далеко. А мы все бѣжимъ къ нему... На этомъ и оборвался сонъ.

---

31 марта 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня я вошла послѣ работы въ столовую, когда Левъ Николаевичъ завтракалъ. Мы еще не видѣлись. Онъ поздоровался со мной и сказалъ:

— Здравствуйте, милая! Что я хотѣлъ вамъ сказать?.. Ахъ, да: пожаловаться хотѣлъ... Сегодня меня посѣтители одолѣли. Изъ Тулы — 15 человѣкъ. И такой ужасный видъ у всѣхъ! И жалко ихъ, и, между

тѣмъ, сердце къ нимъ не лежитъ. Узнали, что здѣсь даютъ по гривеннику и пришли. Не знаю, что и дѣлать съ просителями?..

Сегодня пріѣхалъ одинъ изъ сыновей Льва Николаевича, Илья Львовичъ, отличающійся особенной жизнерадостностью и привѣтливостью. Послѣ обѣда Левъ Николаевичъ долго и дружески бесѣдовалъ съ сыномъ о крестьянахъ и о крестьянскомъ банкѣ. Илья Львовичъ интересно разсказывалъ о различныхъ видахъ эксплоатаціи крестьянъ при продажѣ имъ земли. Левъ Николаевичъ внимательно слушалъ.

— Какъ ужасны эти поступки съ народомъ! И какъ этого не зналъ.

Потомъ сказалъ съ горечью:

— Какъ ужасны эти поступки съ народомъ! И какъ отвратительны всѣ эти...

И противъ обыкновенія Л. Н. произнесъ рѣзкое выраженіе по адресу нѣсколькихъ лицъ, занимавшихъ высокіе посты.

Рѣчь перешла на разрушеніе общины. Л. Н. сказалъ:

— Ужъ такая это несомнѣнная истина, что единеніе выгодно для людей и въ духовномъ, и въ матеріальномъ, и въ экономическомъ, и въ политическомъ — и въ какомъ хочешь отношеніи. Въ родѣ того, что надѣнешь перчатку (и Л. Н. показалъ рукою) и всѣмъ

пальцамъ холодно, снимешь перчатку, сожмешь пальцы — всѣмъ тепло. Такъ и люди...

Наступаетъ длинная пауза.

Л. Н. ласково смотритъ на сына и спрашиваетъ:

— А сколько лѣтъ тебѣ?

— Сорокъ два.

— Однако, древенъ же ты!..

---

1 апрѣля 1908 г. Ясная Поляна.

Сегодня Левъ Николаевичъ былъ очень огорченъ и даже заплакалъ по поводу одного письма, причинившаго ему страданіе.

Послѣ завтрака въ столовой онъ говорилъ со слезами на глазахъ:

— Вотъ и Жемчужниковъ умеръ... Всѣ порядочные люди умираютъ... Только я не умираю...

Я не совсѣмъ хорошо чувствую себя послѣднее время. У меня нѣчто въ родѣ инфлуэнцы. И меня очень трогаетъ, что Л. Н., встрѣчая меня, каждый разъ спрашиваетъ:

— А какъ вы себя чувствуете?.. Вы правду говорите, что чувствуете себя хорошо? и т. д.

Сегодня за обѣдомъ вспомнили о Тургеневѣ и кн. М. Урусовѣ. Однажды во время спора въ Ясной По-

лянѣ князь Урусовъ, горячо доказывая свою мысль Тургеневу, упалъ со стуломъ на полъ и, не прерывая нити доказательствъ, продолжалъ развивать ихъ на полу.

Илья Львовичъ очень хорошо помнилъ этотъ случай и показалъ въ лицахъ, какъ все происходило. Всѣ очень смѣялись. Л. Н. сказалъ въ раздумьи:

— Урусовъ былъ не уменъ, но разуменъ. У Тургенева же былъ большой умъ, но разумомъ онъ не могъ понять того, что говорилъ Урусовъ.

Вспомнили о Гаршинѣ, какъ однажды, уже больной, онъ отпрягъ у извозчика лошадь и прискакалъ на ней въ Ясную Поляну. Но Л. Н—ча не было дома. Гаршинъ сейчасъ же поскакалъ назадъ, безъ шапки, съ развѣвающимися волосами...

— Онъ былъ у меня въ Москвѣ, — сказалъ Л. Н.,— и очень понравился мнѣ... У него была грусть въ глазахъ. Но глаза красивые...

Вотъ уже второй вечеръ, какъ Левъ Николаевичъ во время чая всматривается въ окно, указываетъ рукою и говоритъ:

— Смотрите, Венера!..

Пріѣхавшій П. И. Бирюковъ спросилъ Льва Николаевича, считаетъ ли онъ свою работу надъ новымъ «Кругомъ чтенія» законченной, или будетъ ее еще исправлять.

— Да, да, непремѣнно. Она еще въ ужасномъ ви-

дѣ. Неправда ли, Наташа? — спросилъ Л. Н., обращаясь ко мнѣ.

Я сказала, что, по моему мнѣнію, только нѣкоторыя мысли выражены недостаточно ясно, и обратилась ко Льву Николаевичу по порученію моего отца. Его просятъ указать, какія изъ сочиненій Л. Н—ча предпочтительно перевести на языкъ эсперанто. Отецъ указалъ на «Христіанское ученіе» и «Смерть Ивана Ильича», но просилъ меня спросить объ этомъ Льва Николаевича.

Л. Н. улыбнулся при словѣ: эсперанто, а затѣмъ сказалъ серьезно:

— Да, да, это прекрасный выборъ: изъ художественныхъ — «Смерть Ивана Ильича», а изъ религіозныхъ — «Христіанское ученіе».

За чаемъ заговорили объ одномъ изъ друзей Льва Николаевича. Было высказано мнѣніе, что онъ ограниченъ.

Л. Н. улыбнулся.

— Онъ ограниченъ? Напротивъ, онъ очень уменъ.

— Этого не видно.

— Вотъ именно, онъ настолько уменъ, что люди этого не понимаютъ.

Я сидѣла въ комнатѣ Александры Львовны и слушала ея пѣніе и игру на роялѣ. Когда она кончила

сонату Гайдна, въ комнату вошелъ Левъ Николаевичъ. Вѣроятно, онъ ждалъ около двери, пока соната будетъ окончена, потому что передъ тѣмъ, какъ вошелъ въ комнату, его шаговъ не было слышно. Онъ сѣлъ въ кресло около стола. Лицо его было задумчиво.

— Сыграй, Саша, еще! — сказалъ онъ.

А. Л., волнуясь, заиграла снова сонату Гайдна. Левъ Ник. внимательно слушалъ и, когда кончилась соната, попросилъ сыграть еще что-нибудь. А. Л. начала играть прелюдію Шопена, но не совсѣмъ твердо знала ее, сбилась и смутилась.

— Красивая, очень красивая прелюдія!.. Учи, учи ее, — сказалъ Л. Н., вставая. И тихими шагами вышелъ изъ комнаты.

---

2 апрѣля 1908 г. Ясная Поляна.

Прелестный солнечный день. Солнце заливаетъ свѣтомъ обширную яснополянскую столовую.

Левъ Николаевичъ только что вернулся съ прогулки. Онъ сидитъ въ столовой и бесѣдуетъ съ своей племянницей, дочерью Маріи Николаевны Толстой. Здороваясь со мною, онъ задерживаетъ мою руку въ своей и опять заботливо спрашиваетъ о моемъ здоровьѣ...

Сегодня съ особенной ясностью мнѣ стало понятно, какъ много приходится работать надъ собою Льву Ни-

колаевичу даже теперь. И мнѣ кажется, что ему легче было бы жить гдѣ-нибудь въ уединеніи или вдвоемъ съ Александрой Львовной, лишенному всѣхъ удобствъ, окружающихъ его, чѣмъ среди условій, которыя иногда очень тяготятъ его.

Сегодня Н. Н. Гусевъ, очень близкій Льву Николаевичу и глубоко преданный ему, разсказывалъ, какъ онъ гулялъ съ маленькой собачкой Боксомъ и какъ Боксъ, завидя весеннюю проталину, начиналъ неистово радоваться и кружиться около нея.

— Я вполнѣ его понимаю, — сказалъ Левъ Николаевичъ. — Я тоже всегда испытываю радостное чувство, когда вижу первую весеннюю травку...

Вечеромъ я пошла наверхъ и, заглянувъ въ комнату Ю. И. Игумновой, увидѣла тамъ Льва Николаевича, тихо бесѣдующаго съ моимъ отцомъ и П. И. Бирюковымъ. Я притворила дверь и хотѣла уйти, но услыхала голосъ Льва Николаевича:

— Милости просимъ къ намъ!

И онъ указалъ мѣсто на диванѣ, на которомъ сидѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришла Александра Львовна, затѣмъ Софія Андреевна. И постепенно вся комната наполнилась желающими послушать. Л. Н. весело приглашалъ:

— Пожалуйте на митингъ!

Говорили о разныхъ вещахъ. Л. Н., смѣясь, разсказалъ о письмѣ одного крестьянина, который хва-

лился, что онъ не кто-нибудь, а «эсъ-эръ»... Потомъ Л. Н. разсказалъ о трогательномъ письмѣ, которое начиналось: «Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть васъ и обо многомъ поговорить, но я боюсь, что вы не примете меня, такъ какъ я — жандармъ». И Л. Н. сказалъ, что надо непремѣнно написать ему, чтобы онъ пріѣхалъ.

3-го апрѣля, въ тотъ день, какъ я должна была уѣхать, былъ опять прелестный солнечный день. Л. Н. былъ въ особенно свѣтломъ настроеніи. Онъ долго гулялъ по насту и говорилъ, что это большое наслажденіе.

Отецъ мой привезъ съ собою фотографическій аппаратъ и снялъ Льва Николаевича въ его рабочемъ кабинетѣ сначала одного, потомъ съ «помощниками», какъ называлъ Л. Н. Александру Львовну, Н. Н. Гусева и меня.

По слабости своей я не могла отдѣлаться отъ охватившаго меня радостнаго волненія, что буду снята вмѣстѣ со Львомъ Николаевичемъ. Но онъ все смѣшилъ насъ и говорилъ отцу:

— Вы скажите, когда будете снимать: я сдѣлаю значительное выраженіе лица...

Отецъ уѣхалъ днемъ, а мы (Александра Львовна, П. И. Бирюковъ и я) рѣшили ѣхать ночнымъ поѣздомъ. Я въ этотъ день кончала послѣдній, 31-й отдѣлъ и хотя

радовалась, что ѣду домой и скоро увижу своихъ, но когда думала объ отъѣздѣ, то къ чувству радости примѣшивалось и ощущеніе грусти.

Суждено ли будетъ мнѣ еще увидѣть Льва Николаевича?

Передъ вечеромъ, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, пошли изслѣдовать дорогу. Въ этотъ день сильно подтаялъ снѣгъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступила вода. Выяснилось, что на «Козловку-Засѣку» ѣхать рискованно: встрѣчались провалы, а вода кое-гдѣ поднималась выше колѣнъ. Рѣшили ѣхать на ст. «Ясенки». И Левъ Николаевичъ настаивалъ на этомъ.

Возвращаясь съ гулянья по главной березовой аллеѣ, я мысленно прощалась и съ алеей, и съ деревней, и съ Ясной Поляной...

Въ 10 часовъ вечера нужно было выѣзжать. Въ укладываніи вещей и предотъѣздной суетѣ такъ быстро пробѣжало время, что когда мы пришли наверхъ къ чаю, то оставалось до отъѣзда всего минутъ 10.

— Не поминайте насъ лихомъ, Наташа! — сказалъ Левъ Николаевичъ.

Софья Андреевна пригласила пріѣхать въ Ясную лѣтомъ.

— Не работать, а такъ — погостить. У насъ хорошо здѣсь бываетъ!..

— Да, да, пріѣзжайте лѣтомъ, — сказалъ Л. Н.

Прощаясь со мною, Софья Андреевна задержала мою руку и обратилась съ безпокойствомъ ко Льву Николаевичу:

— Знаешь, у нея жаръ!

— Что ты выдумываешь, Соня!..

— Ну, намъ пора! — поднимаясь, объявила рѣшительно Александра Львовна.

Мы стали прощаться. Съ волненіемъ подошла я ко Льву Николаевичу.

— До свиданья, Наташа! Большое вамъ спасибо, — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку и цѣлуя меня.

Онъ еще что-то говорилъ. Но я была такъ взволнована, что ничего уже не слыхала...

Я сбѣжала внизъ. Здѣсь была цѣлая толпа. Мы начали одѣваться.

На лѣстницѣ послышались шаги, и показался Левъ Николаевичъ.

— Посмотрѣть на васъ въ послѣдній разъ, — сказалъ онъ.

Софьѣ Андреевнѣ показалось, что я слишкомъ легко одѣта, и она начала настаивать, чтобы меня потеплѣе укутали. На меня накинули теплый армякъ Льва Николаевича. Я пробовала запротестовать. Но Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Да, да, непремѣнно одѣньтесь... А у кого это такая шляпа съ перьями? — спросилъ онъ, наклоняясь и присматриваясь.

— У меня, папа, — объявила Александра Львовна.

— А, ты не забываешь, живя въ деревнѣ, что надо носить съ перьями!

Всѣ разсмѣялись. Мы направились къ выходу.

Левъ Николаевичъ стоялъ на лѣстницѣ, заложивъ руки за поясъ блузы и ласково улыбаясь.

— До свиданія!

Дверь съ тугой пружиной захлопнулась за нами...

Была лунная морозная ночь. Мы размѣстились въ саняхъ и быстро помчались по парку, принявшему волшебный видъ.

Я обернулась, чтобы послѣдній разъ взглянуть на Ясную Поляну...

Н. С.

Кн. А. И. Сумбатовъ.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

Не могу послѣдовательно и подробно описать тѣ три встрѣчи, какія у меня были со Львомъ Николаевичемъ.

Я помню, какъ онъ ходилъ, говорилъ, какъ-будто онъ сейчасъ передъ моими глазами ходитъ, останавливается, задумывается, улыбается, помню звукъ его голоса...

Но передать словами все обаяніе его существа не могу.

Еще меньше могу связно разсказать то, о чемъ онъ говорилъ.

Общее впечатлѣніе у меня отъ моихъ трехъ встрѣчъ съ нимъ такое: точно я попадалъ въ ярко освѣщенное солнцемъ мѣсто, и этотъ свѣтъ моментально, безъ всякаго усилія со стороны Льва Николаевича, вдругъ, при какомъ-нибудь его словѣ, взглядѣ, улыбкѣ — разрастался въ ослѣпительное сіяніе, наполнявшее меня непередаваемымъ, безсознательнымъ счастьемъ...

Купаясь случайно въ этихъ свѣтлыхъ лучахъ, я сначала старался запомнить слова Льва Николаевича — и

ничего не выходило. Онъ самъ былъ сильнѣе того, что онъ говорилъ, и не тѣми мыслями, которыя онъ высказывалъ, а всѣмъ, чѣмъ онъ мыслилъ и говорилъ, онъ неотразимо и властно охватывалъ мое вниманіе...

Первый разъ я поѣхалъ съ визитомъ къ графинѣ Софіи Андреевнѣ (кажется, въ 1898 г.) въ отвѣтъ на ея любезное письмо о впечатлѣніи, вынесенномъ ею отъ какой-то изъ моихъ пьесъ на сценѣ Малаго театра.

Графини не было дома.

Я всегда — и до сихъ поръ — испытываю совершенно неопредѣленный страхъ говорить и встрѣчаться со Львомъ Николаевичемъ. Мнѣ всегда казалось, что я врываюсь въ такую великую жизнь, отъ которой мы не должны отвлекать нашими личными интересами. У меня къ нему то же сложное чувство, какое было у Николая Ростова въ Императору Александру I. Это для меня такой единственный человѣкъ въ мірѣ...

Не заставъ графиню, я почувствовалъ облегченіе отъ смутнаго страха столкнуться съ нимъ самимъ — съ источникомъ этого страха. И я уже шелъ къ дверямъ, оставивъ карточки, когда изъ залы быстрой, легкой и удивительно молодой для 70-ти лѣтъ походкой, вышелъ Левъ Николаевичъ, собираясь на прогулку. Онъ былъ въ полушубкѣ и мягкихъ валенкахъ. Его глаза были еще моложе походки. Онъ меня узналъ, вѣроятно, по театру, который онъ посѣщалъ въ томъ сезонѣ, улыбнулся, протянулъ руку и ввелъ въ залъ...

Мы говорили часъ, никакъ не меньше. Т.-е. я говорилъ то, что онъ хотѣлъ, чтобы я говорилъ. Ни

одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые я предполагалъ, превозмогши какъ-нибудь свою робость, дать на судъ Льва Николаевича, я ему не задалъ. И не было нужды.

Глядя на это дорогое лицо, эту безконечно любимую и близкую мнѣ въ душѣ голову, на всю его простую, полную настоящей человѣческой жизни фигуру, я чувствовалъ, что всѣмъ этимъ своимъ цѣлымъ онъ уже отвѣчалъ мнѣ на большинство моихъ вопросовъ.

И я его не спрашивалъ, а любилъ. И эта любовь мнѣ на многое отвѣтила.

Но кое-что я все-таки помню изъ его словъ. Онъ тогда начиналъ писать «Хаджи Мурата» и просилъ меня прислать ему книгъ о Кавказѣ. Я, конечно, все исполнилъ.

Воспользовавшись случаемъ, чтобы заговорить о театрѣ, я спросилъ его, какая изъ пьесъ міровой литературы ему нравится больше другихъ. Онъ отвѣтилъ:

— «Разбойники» — Шиллера. Театру нужно то, что просто и сильно, безъ завитушекъ...

Хорошо помню это выраженіе и сопровождавшую его улыбку.

Затѣмъ спросилъ относительно его статьи объ искусствѣ, о которой мнѣ говорилъ Н. В. Стороженко.

— Это не статья, — отвѣтилъ Л. Н., — это все, что мнѣ приходило послѣдовательно въ голову по поводу такой отрасли жизни, изъ которой всѣми силами хотятъ дѣлать одни — забаву, другіе — ремесло. А между тѣмъ, это такъ важно. Искусство по силѣ своего вліянія почти равно религіи (Л. Н. остановился въ своихъ

мягкихъ валенкахъ, устремивъ на меня изъ-подъ густыхъ бровей ни съ чѣмъ несравнимый взглядъ, и въ голосѣ его послышалась властная и почти суровая нота). — А религія служитъ только вѣрѣ, значитъ самому высокому, что есть въ душѣ. И какъ тѣ религіи, которыя служатъ не вѣрѣ, не душѣ, а чему-то другому, теряютъ свое значеніе, такъ и искусство, если оно преслѣдуетъ цѣли забавы для тѣхъ, кто имъ пользуется, становится неизбѣжно для тѣхъ, кто ему служитъ, ремесломъ, требующимъ только техническаго совершенствованія. И тогда оно является уже не благомъ, а зломъ...

Мнѣ показалось тогда, что великій художникъ слишкомъ низко цѣнитъ человѣчество, особенно культурное, полагая, что на его душу можно вліять только прямолинейными воздѣйствіями добра и зла, между тѣмъ какъ красота сама по себѣ есть могучее оружіе духа. Кажется, я тогда это и высказалъ, не зная еще, во что выродится искусство и не предвидя того теченія, которое оно приняло десять лѣтъ спустя послѣ этой встрѣчи. Теперь я не сказалъ бы Льву Николаевичу того, что сказалъ тогда. И я рѣшился указать ему на огромное значеніе чистой красоты въ его собственныхъ твореніяхъ, выразилъ надежду, всѣхъ тогда томившую, получить его новое свободно-художественное произведеніе.

— Вы охотникъ? — спросилъ Л. Н., улыбаясь.

— Былъ когда-то, — отвѣтилъ я.

— Такъ вы должны знать, что утромъ охотникъ

обходитъ всѣ кочки и болота въ поискахъ, нѣтъ ли дичи. Къ вечеру же идетъ только въ тѣ мѣста, гдѣ навѣрное можетъ найти ее...

У меня сжалось сердце. Неужели уже наступилъ вечеръ этого охотника?

Почти часъ я слушалъ его...

Пріѣхала графиня. И незабвенный часъ кончился. Левъ Николаевичъ отправился на прогулку въ томъ же тулупчикѣ и мягкихъ валенкахъ, въ которыхъ все время ходилъ по залѣ.

Второй разъ я видѣлъ Льва Николаевича въ моей уборной въ Маломъ театрѣ, на репетиціи «Власти тьмы». Онъ зашелъ въ антрактѣ на сцену къ О. Н. Садовской, исполнявшей, по его словамъ, роль Матрены «изумительно». Кто-то изъ администраціи привелъ его въ мою уборную, единственную изъ бывшихъ свободной, такъ какъ я въ пьесѣ не участвовалъ. Не ожидая такого посѣщенія, я замеръ отъ неожиданности, войдя въ свою уборную. И теперь не могу вспомнить, кто съ нимъ былъ и о чемъ говорилось. Помню только, что при моемъ входѣ онъ поднялся и спросилъ меня:

— Я не мѣшаю?

Что я ему отвѣчалъ, тоже не помню. Но его милая, свѣтлая улыбка до сихъ поръ у меня передъ глазами. Помню еще, что онъ какъ-то сурово вглядывался въ большую гравюру, висѣвшую на стѣнѣ, — снимокъ съ какой-то англійской картины, изображающей представленіе передъ королемъ убійства Гонзаго въ «Гамлетѣ».

Передъ уходомъ Л. Н. подошелъ ближе, вглядѣлся въ Гамлета и обернулся ко мнѣ.

— Какое тутъ злое лицо у Гамлета! — сказалъ онъ.

— Да, мнѣ тоже кажется, — отвѣтилъ я. — Но мнѣ нравится королева со своимъ тупымъ выраженіемъ и вотъ эти фигуры.

— А вѣдь Гамлетъ дѣйствительно золъ, — сказалъ Л. Н. — Ему кажется, что все мало, и все онъ себя за это упрекаетъ, и все мучается тѣмъ, что не можетъ убить, кого рѣшилъ. А сколько онъ людей перебилъ зря!..

Л. Н. улыбнулся и вышелъ.

Въ 3-й и послѣдній разъ я видѣлъ Льва Николаевича у покойнаго А. П. Чехова, весной 1899 г. Помню, тогда печаталось въ Нивѣ «Воскресеніе».

Л. Н. вошелъ въ маленькій кабинетикъ Чехова. Антонъ Павловичъ тогда только что пріѣхалъ изъ Крыма. Никакихъ особенныхъ разговоровъ не было. Обмѣнивались незначительными фразами. Чеховъ спросилъ между прочимъ:

— Много цензура вычеркнула изъ «Воскресенія»?

— Нѣтъ, ничего важнаго, — отвѣтилъ Л. Н. и началъ разспрашивать Чехова о Крымѣ.

Чеховъ, со своимъ полусерьезнымъ видомъ, говорилъ, что ему тамъ скучно.

— Отчего вы такъ сурово на меня смотрите? — вдругъ спросилъ Левъ Николаевичъ, обращаясь ко мнѣ.

Чеховъ улыбнулся и сказалъ:

— Сумбатовъ не на васъ хмурится, а на меня.

— За что?

— За то, что моя пьеса не идетъ въ Маломъ театрѣ.

— А отчего же она тамъ не идетъ? — спросилъ у меня Л. Н.

Я только что собрался разсказать ему всю сложную исторію, почему пьеса Чехова («Дядя Ваня»), несмотря на усиленныя настоянія всей труппы и горячее желаніе тогдашняго управляющаго московскими театрами, В. А. Теляковскаго, все-таки ускользнула изъ Малаго театра, — какъ Чеховъ, нахмурившись, сказалъ:

— Зарождается молодой театръ... очень симпатичный. Я отдалъ пьесу ему... Ты на меня не сердись,— улыбнулся мнѣ Чеховъ, не распуская своей характерной морщины между бровями.

Левъ Николаевичъ поглядѣлъ на насъ обоихъ и тоже улыбнулся.

Кн. А. Сумбатовъ.

18 сент. 1908 г.

Абдуллахъ-аль-Мамунъ Сухраварди.
(Индія.)

ИНДУСЪ О ТОЛСТОМЪ.

15 лѣтъ назадъ, будучи еще школьникомъ, я впервые услыхалъ имя Толстого. Мой братъ Мухамедъ-аль-Мамунъ жадно читалъ книги и былъ горячимъ почитателемъ графа. Жизнь моего брата прервалась рано, когда ему было двадцать одинъ годъ. Но вліяніе его на меня продолжается до сихъ поръ. Онъ передалъ мнѣ, среди прочаго, и его преклоненіе передъ писаніями Толстого.

Я — послѣдователь Ислама, религіи, съ которой обыкновенно связываютъ насиліе и кровопролитіе. И все-таки я — ученикъ Толстого. Я поборникъ мира и непротивленія. Это можетъ казаться парадоксальнымъ. Но парадоксъ исчезаетъ, если читать Коранъ, какъ читаетъ и истолковываетъ Толстой Библію, — въ свѣтѣ Правды и Разумѣнія.

Ученіе непротивленія, такъ неустанно проповѣдуемое Толстымъ, болѣе соотвѣтствуетъ Востоку, особенно же Индіи, сроднившейся съ ученіемъ Готамы-Будды. И проповѣдь Толстого, сливаясь съ тѣми ученіями пророковъ и мудрецовъ, которые нѣкогда славились въ этой исторической странѣ, явитъ, можетъ быть, и въ наши времена также Мессій и Махдій, которые, распятые на крестахъ, будутъ благословлять распинающихъ ихъ.

Мечта моя — лично выразить Толстому мое благоговѣніе передъ нимъ — не сбылась. И, должно быть, не сбудется въ этой жизни. Мы обмѣнялись съ нимъ только однимъ письмомъ. И все же мнѣ ясна его обаятельная личность. Толстой, подобно Магомету, одинъ изъ насъ, а не сверхъ-человѣкъ, который глядѣлъ бы на насъ съ высоты своего величія какъ на бѣдныхъ людишекъ. Онъ не злоупотребляетъ своими почитателями и не подавляетъ ихъ.

Свѣтъ — есть свѣтъ отъ Бога, а не свѣтъ отъ Востока или Запада. Чтобы свѣтъ свѣтилъ — безразлично, горитъ ли онъ въ золотомъ, серебряномъ или глиняномъ свѣтильникѣ; китайскій ли онъ, русскій или арабскій. Этотъ русскій графъ, этотъ учитель и пророкъ, предметъ моего почитанія. Я чувствую сродство моей души съ его душою. Я также прошелъ черезъ

долину сомнѣній и испытаній, унынія и отчаянія. И. не вѣдая того, шелъ той же самой стезей, какъ и Толстой. И хотя мнѣ всего тридцать лѣтъ, но я ношу въ себѣ все тѣ же переживанія, которыя давали міру Христовъ, Буддъ и Толстыхъ.

Abdullah-al-Mamun Suhrawardy.

Calcutta.
1908. VII. 23.

Профес. В. Ф. Снегиревъ.

ОПЕРАЦІЯ.

(Изъ записокъ врача.)

По пріѣздѣ въ Ясную Поляну въ четвергъ 31-го августа 1906 г., я засталъ графиню Софью Андреевну въ сильныхъ боляхъ. Она кричала и рвала все на себѣ. Сильныя агонизирующія боли не уступали ни припаркамъ, ни кодеину, ни атропину. Больная день и ночь кричала отъ болей.

Въ домѣ всѣ были растеряны.

Изъ нѣсколькихъ словъ, перекинутыхъ со Львомъ Николаевичемъ, я убѣдился, что онъ смотритъ на дѣло безнадежно, считая, что смерть больной неизбѣжна.

Я прошелъ въ комнату больной, чтобы изслѣдовать ее. Но увидалъ, что это невозможно вслѣдствіе страшныхъ агонизирующихъ болей. Я потребовалъ морфій, впрыснулъ $^1/_4$ грана и положилъ ледъ на опухоль живота. Больная нѣсколько успокоилась.

Послѣ изслѣдованія, склоняясь къ мысли о нагнанвающейся опухоли, требующей операціи, я обратился къ сыну Толстыхъ, Андрею Львовичу, съ просьбою послать телеграмму о вызовѣ ассистентовъ изъ Москвы.

Рядомъ съ комнатой больной докторъ Чеканъ началъ приготовлять операціонную. Окружающимъ и Льву Николаевичу я высказалъ, что хотя и не имѣю полной діагностики, но считаю болѣе вѣроятнымъ, что здѣсь имѣется нагнаивающаяся и распадающаяся опухоль. И я пояснилъ Льву Николаевичу, какъ происходитъ этотъ процессъ.

Онъ сказалъ:

— Вотъ какъ! Это интересно! Въ самомъ дѣлѣ, это должно быть такъ...

Я вернулся въ свою комнату съ докторомъ С. М. Полиловымъ, и мы начали разсуждать о предстоящей операціи, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства: недостаточную дезинфекцію помѣщенія; малый свѣтъ въ операціонной; быстро наступающіе грозные моменты въ теченіи болѣзни — воспаленіе брюшины, возможность перфораціи (прободанія); истасканность нервной системы больной; года ея; кромѣ того, общественное положеніе больной, ея громкую извѣстность; интересъ не только въ Россіи, но и за границей къ судьбѣ больной; вліяніе исхода на жизнь и дѣятельность Льва Николаевича; огромная отвѣтственность, взятая мною на себя, и т. д.

При этомъ я высказалъ, что въ виду невозможности тщательнаго изслѣдованія, у меня все-таки нѣтъ полной діагностики и что, можетъ быть, кто-нибудь изъ товарищей можетъ мнѣ уяснить ее. Вообще же необходимо бы имѣть компетентнаго свидѣтеля всѣхъ дѣйствій какъ до операціи, такъ и во время ея.

Докторъ С. М. Поліловъ предложилъ составить консультацію. Консультація казалась необходимой еще и потому, что при наступившихъ благопріятныхъ условіяхъ можно было бы отправить больную въ Москву для операціи.

Я пригласилъ Андрея Львовича, высказалъ ему свое рѣшеніе и просилъ переговорить обо всемъ со Львомъ Николаевичемъ. Нами рѣшено было вызвать изъ Петербурга профессора Н. Н. Феноменова.

Андрей Львовичъ, переговоривши съ отцомъ, явился ко мнѣ съ сестрой Маріей Львовной и ея мужемъ, княземъ Оболенскимъ. Они заявили, что какъ Левъ Николаевичъ, такъ и они — противъ нашего предложенія.

— Мы вѣримъ вамъ и считаемъ консультацію излишней.

Но я настойчиво повторилъ свою просьбу, совѣтуя не пренебрегать мнѣніемъ опытнаго посторонняго наблюдателя.

— У меня нѣтъ, — сказалъ я, — въ карманѣ точной діагностики; можетъ быть, новыя указанія заставятъ избѣжать операціи. А такимъ образомъ будетъ устранено и то страшное, что страшитъ всѣхъ близкихъ.

Въ концѣ-концовъ они согласились со мною, и въ Петербургъ была послана телеграмма профессору Феноменову, который, по расчету, могъ явиться въ ночь съ пятницы на субботу, а утромъ въ субботу могло состояться и окончательное рѣшеніе.

Но въ пятницу положеніе больной стало хуже; боли

не утихали, температура поднялась, и стали появляться грозные симптомы перитонита. Мы уныло проводили время, находясь въ подавленномъ состояніи.

Въ 7 часовъ вечера пріѣхали изъ Москвы ассистенты гг. Гайчманъ и Улитинъ, съ инструментами и перевязочнымъ матеріаломъ. Съ ихъ пріѣздомъ мы нѣсколько ободрились, почувствовавъ почву подъ ногами. Грозныя, пугавшія насъ явленія перфораціи, могущія наступить ежеминутно, не застали бы насъ теперь врасплохъ.

Между тѣмъ отъ проф. Феноменова была получена депеша, что онъ пріѣдетъ въ субботу утромъ. Ассистенты бодро принялись за приготовленіе къ операціи; закипѣли самовары, забурлили инструменты. И вся операціонная наполнилась бодрящей дѣятельностью.

Съ болѣе легкимъ сердцемъ легъ я спать въ пятницу, хотя положеніе больной постепенно ухудшалось. Проснувшись въ 6 часовъ утра, я узналъ, что проф. Феноменовъ не пріѣхалъ. Состояніе больной за ночь не улучшилось, а ухудшилось.

Осмотрѣвъ больную вмѣстѣ съ врачами, я высказался:

— Время операціи наступило. Операція неизбѣжна. Если черезъ нѣкоторое время не произойдетъ опорожненія кишекъ, то откладывать далѣе операцію невозможно, ибо, если даже и не произойдетъ перфораціи, то получится такое колоссальное вздутіе, при кото-

ромъ операція технически будетъ почти невозможна. И мы потеряемъ больную.

Врачи согласились со мною. Объ этомъ рѣшеніи я сообщилъ семьѣ Толстыхъ. Въ 9 часовъ утра были приняты мѣры, не давшія никакихъ результатовъ. Тогда я заявилъ дѣтямъ больной:

— Если не сдѣлать операцію сейчасъ же, то больная умретъ. И какъ ни важно мнѣ содѣйствіе проф. Феноменова, но я долженъ приступить къ операціи немедленно.

Больная все время жаловалась, что при такихъ страданіяхъ она не можетъ жить.

— И потому р е ж ь т е м е н я, — говорила она.

Я отправился ко Льву Николаевичу и высказалъ ему необходимость безотлагательной операціи.

Онъ отвѣтилъ:

— Я смотрю пессимистически на здоровье жены; она страдаетъ серьезной болѣзнью. Приблизилась великая и торжественная минута смерти, которая на меня дѣйствуетъ умилительно. И надо подчиниться волѣ Божьей... Я противъ вмѣшательства, которое, по моему мнѣнію, нарушаетъ величіе и торжественность великаго акта смерти... Всѣ мы должны умереть не сегодня, завтра... черезъ пять лѣтъ. Я понимаю васъ, что вы иначе дѣйствовать не можете. И я устраняюсь: я ни за, ни противъ... Вотъ соберутся дѣти, пріѣдетъ старшій сынъ, Сергѣй Львовичъ. И они рѣшатъ, какъ поступать... Но, кромѣ того, надо, конечно, спросить

Софію Андреевну. И если она ничего не будетъ имѣть противъ, тогда вы можете дѣлать ваше дѣло.

Я сказалъ:

— Можетъ быть, и не надо дѣлать операціи. Но тогда найдите средства, какъ утишить боль и страданія. Я не знаю другого средства, кромѣ операціи.

— Страданія необходимы: они помогаютъ приготовиться къ великому акту смерти.

— Оставимте академическіе споры! Я пришелъ васъ не убѣждать, а высказать мнѣніе, сложившееся у меня сегодня въ рѣшительное заключеніе. Я пойду къ больной и спрошу ее, согласна ли она. Прошу и васъ сдѣлать это же.

Л. Н. отправился и сказалъ, что больная согласна на операцію. Явились дѣти Толстыхъ и заявили, что и они считаютъ операцію необходимой. Левъ Николаевичъ сказалъ и имъ то же, что и мнѣ.

Больная пожелала проститься, предварительно вымывшись и переодѣвшись, съ дѣтьми и окружающими, т.-е. съ прислугой, которая поочередно входила и, плача, прощалась. Когда это кончилось, графиня позвала къ себѣ дочь, Марію Львовну, и попросила бумаги и карандашъ, чтобы написать свое послѣднее прости отсутствующему сыну, Льву Львовичу.

Безъ 20 минутъ въ 12 часовъ дня, тутъ же, въ спальнѣ графини, приступлено было къ наркозу.

Въ 8 минутъ 1-го больная была перенесена въ операціонную комнату. Въ 17 минутъ 1-го больная еще не уснула. И только въ 32 минуты 1-го былъ произве-

денъ брюшной разрѣзъ. По вскрытіи брюшины встрѣтился утолщенный салышкъ, и, раздвинувъ кишки, можно было увидать опухоль. Имѣя въ виду, что опухоль тонкостѣнная и наполненная кровянистой жидкостью, я, чтобы избѣжать лопанія ея внутри, увеличилъ брюшной разрѣзъ. Послѣ этого опухоль была легко извлечена.

Въ 12 час. 38 минутъ операція была окончена, и больная перенесена въ постель. Такимъ образомъ операція съ момента разрѣза до окончанія продолжалась около 26 минутъ. Наркозъ прошелъ благополучно: ни ціаноза, ни паденія пульса не замѣчалось. Были попытки къ рвотѣ. Крови не потеряно ни капли.

Когда брюшная рана была зашита, я послалъ сказать семьѣ Толстыхъ, что операція кончена. Всѣ вещи изъ операціонной стали быстро удаляться, и комната очищаться. Я былъ весь въ испаринѣ и попросилъ дать мнѣ что-нибудь накинуть на себя. Марія Львовна принесла мнѣ отцовскій халатъ, въ которомъ я и вошелъ въ бывшую спальню графини, чтобы показать семьѣ Толстыхъ удаленную опухоль.

Уходя изъ комнаты, я встрѣтилъ Льва Николаевича. Онъ былъ блѣденъ и сумраченъ, хотя казался спокойнымъ, какъ бы равнодушнымъ. И, взглянувъ на кисту, ровнымъ, спокойнымъ голосомъ спросилъ меня:

— Кончено? Вотъ это вы удалили?..

Я отправился къ себѣ внизъ переодѣться. Ко мнѣ пришли всѣ дѣти Толстыхъ, радостно и оживленно бесѣдуя и разспрашивая объ операціи.

Переодѣвшись, я отправился наверхъ, въ столовую. гдѣ съ В. И. Гайчманомъ и составили протоколъ операціи. Завтракъ прошелъ весело и оживленно. Левъ Николаевичъ не показывался. Но затѣмъ, встрѣтившись со мною, сказалъ мнѣ, что имѣетъ мало надежды на хорошій исходъ, такъ какъ больная продолжала жаловаться на боль, стонала и говорила, что она такъ же страдаетъ, какъ и до операціи, что операція не принесла ей пользы и что у нея лопнетъ животъ...

Больную было воспрещено посѣщать всѣмъ, кромѣ Льва Николаевича. Онъ видѣлъ все это и сказалъ:

— Не напрасно ли произведена операція?

На это я отвѣтилъ:

— Положеніе тяжелое, но навѣрно лучшее, чѣмъ было до операціи...

Послѣ этого я отправился прокатиться и, возвратившись, засталъ уже накрытый столъ съ болѣе торжественной обстановкой. Ждали проф. Феноменова, чтобы сѣсть за столъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ прибылъ въ 7 съ половиною часовъ.

За обѣдомъ я сидѣлъ рядомъ со Львомъ Николаевичемъ, напротивъ него проф. Феноменовъ. Разговоръ былъ общій и не касался здоровья графини. Левъ Николаевичъ былъ серьезенъ, но ѣлъ съ обычнымъ аппетитомъ и старался быть любезнымъ съ прибывшимъ гостемъ.

Послѣ обѣда проф. Феноменовъ, врачи, два сына Толстыхъ и я спустились въ мою комнату. Здѣсь была изложена исторія болѣзни графини. По окончаніи

мы отправились къ ней. Проф. Феноменовъ, осмотрѣвъ, нашелъ, что состояніе ея удовлетворительно для перваго дня и, по обстоятельствамъ дѣла, могло бы быть гораздо серьезнѣе. На вопросъ одного изъ сыновей Льва Николаевича, какъ пойдетъ дѣло дальше, Н. Н. Феноменовъ отвѣтилъ, что завтра утромъ онъ сможетъ высказаться болѣе опредѣленно. То же самое онъ повторилъ и Льву Николаевичу.

Вечерній чай въ присутствіи хозяина прошелъ болѣе оживленно. Въ 10 часовъ вечера мы снова взглянули на больную и разошлись спать.

Въ воскресенье утромъ состояніе больной, несомнѣнно, улучшилось, что и было засвидѣтельствовано Н. Н. Феноменовымъ всей семьѣ Толстыхъ.

Левъ Николаевичъ, очевидно, съ большимъ удовольствіемъ принялъ это извѣстіе, хотя и казался равнодушнымъ. Голосъ его былъ твердъ, походка увѣреннѣе, голова держалась болѣе прямо. Вообще онъ имѣлъ бодрый, довольный видъ.

Обсудивши разныя возможности текущихъ событій, Н. Н. Феноменовъ простился со всѣми и, получивъ отъ Льва Николаевича на память одно изъ его послѣднихъ произведеній съ надписью, уѣхалъ.

Черезъ четыре дня послѣ операціи, когда больная была внѣ опасности, я покинулъ домъ Толстыхъ и уѣхалъ въ Анапу, условившись, чтобы мнѣ ежедневно телеграфировали о состояніи больной, чтобы въ случаѣ надобности я могъ вернуться во-время. Но ея состояніе было вполнѣ благополучно, и только черезъ

мѣсяцъ вернулся я въ Ясную Поляну, гдѣ засталъ графиню уже на ногахъ, въ бодромъ, хорошемъ состояніи.

Но тѣ четыре дня пребыванія моего около больной были весьма тяжелыми, ибо трое сутокъ состояніе больной было сомнительное, такъ какъ явленія перитонита давали знать себя еще очень ощутительно. И только на третьи сутки, когда я сидѣлъ за обѣдомъ со Л. Н., меня вызвали изъ-за стола и сообщили, что желанное, такъ долго ожидаемое дѣйствіе совершилось. Окончивши обѣдъ и поблагодаривъ хозяина, я сказалъ ему:

— А пессимизмъ вашъ, кажется, былъ ошибочнымъ.

— Дай Богъ, — отвѣтилъ онъ, — но я плохо въ это вѣрю.

Къ концу четвертыхъ сутокъ, утромъ, я пришелъ проститься со Л. Н. въ его кабинетъ. Онъ находился одинъ, въ своемъ обычномъ утреннемъ костюмѣ, и что-то читалъ. Онъ былъ сумраченъ и принялъ меня очень сухо. Объяснивъ ему состояніе больной, я сказалъ, что уѣзжаю лѣчиться. Это не было для него новостью, такъ какъ я былъ вызванъ изъ Москвы къ графинѣ, когда у меня уже были взяты билеты для поѣздки на море. Онъ былъ мало разговорчивъ, сидѣлъ все время нахмурившись и, когда я сталъ съ нимъ прощаться, даже не привсталъ, а, полуповернувшись, протянулъ мнѣ руку, едва пробормотавъ какую-то любезность. Вся эта бесѣда и обращеніе его произвели на меня грустное впечатлѣніе. Казалось, онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ, но ни въ своихъ поступкахъ и по-

веденіи или моихъ ассистентовъ, ни въ состояніи больной причины этого недовольства я отыскать не могъ. Обсудивши все, я приписалъ это мрачное состояніе его усталости и измученности.

Въ немъ, несомнѣнно, происходила великая борьба: отрывалась отъ него половина его существа, нарушалась цѣльность продолжительной жизни.

И онъ однажды сказалъ больной графинѣ:

— Вотъ ты лежишь и не ходишь, и не слышу я по комнатамъ топота твоихъ ногъ, и знаешь, не слыша ихъ, я плохо читаю и плохо пишу.

И въ тѣ минуты, когда онъ посѣщалъ ее послѣ операціи, сколько нѣжной трогательности было въ его взглядѣ, его голосѣ при обыкновенно шутливыхъ выраженіяхъ!

А тутъ въ тихую, размѣренную жизнь ворвалось что-то чуждое и, можетъ быть, враждебное ему. Явилась масса новыхъ людей, перевернувшихъ весь порядокъ жизни для своихъ цѣлей, сбившихъ съ ногъ прислугу, заставившихъ всѣхъ говорить только объ операціи, волноваться только операціей. И все это происходило подъ стоны и крики больной, которой становилось все хуже и хуже. Тяжелое спустилось въ домъ и всѣхъ придавило. Онъ одинъ стоялъ вдали и, уходя въ паркъ, молился тамъ. Что должно было совершаться въ душѣ его, въ этой уединенной скорби?! И что же удивительнаго, что что-то оскорбленное закралось въ его душу и что это оскорбленное падало на главнаго виновника — оператора. Кто пережилъ при-

готовленіе къ операціи, операцію на близкихъ людяхъ, кто испыталъ, что ни умъ, ни знанія, ни энергія не ускорятъ часовъ благополучія, кто знаетъ, что время тянется съ подавляющей утомительностью, тотъ пойметъ, что единственное утѣшеніе повторять въ это время фразу :«Выше лба уши не растутъ». И только когда уже все кончится и ближайшая опасность исчезнетъ, тогда только скажешь: «Слава Богу, пронесло!»

Черезъ мѣсяцъ я снова былъ въ Ясной Полянѣ, снова увидѣлъ привѣтливыхъ, ласково расположенныхъ ко мнѣ дѣтей Льва Николаевича, графиню, изящно одѣтую, и ласковаго гостепріимнаго хозяина. Л. Н. встрѣтилъ меня съ обольстительною привѣтливостью и джентльменствомъ. Рѣчь его лилась скромно, изысканно, съ трогательною дружелюбностью. Я увидѣлъ *юнаго льва*. И такое сильное впечатлѣніе, такой контрастъ отъѣзда и пріѣзда моего оставилъ Л. Н. во мнѣ, что я сказалъ себѣ: «Больше не хочу видѣть его, ибо уже никогда не увижу его въ такомъ обольстительномъ видѣ. И пусть я умру съ этимъ впечатлѣніемъ. Это—*мое*".

В. Снегиревъ.

Г. С. Тамура.
(Студентъ токійскаго университета.)

ВЛІЯНІЕ НА МЕНЯ ТОЛСТОГО.

Въ декабрѣ 1904 года произошло событіе, вызвавшее революцію въ моей мысли. Я прочелъ статью Л. Н. Толстого о войнѣ. При чтеніи 11-й главы я переживалъ такое чувство, какъ-будто во мнѣ закипала кровь.

Толстой пришелъ, чтобы напасть на насъ, неся въ своей рукѣ правду. Онъ пишетъ о грѣхахъ человѣческихъ безъ пощады. Какъ прекрасны его слова о честныхъ и невинныхъ русскихъ крестьянахъ, отправленныхъ на Дальній Востокъ и потопленныхъ тамъ на днѣ морскомъ!

Глубоко тронули мое сердце его строки о непротивленіи. До тѣхъ поръ меня только занимала мысль о непротивленіи. Статья же Толстого сдѣлала меня исповѣдующимъ идею непротивленія.

Такъ явилось ко мнѣ вліяніе Толстого въ декабрѣ 1904 года.

Портъ-Артуръ палъ 1-го января 1905 года. Я хорошо зналъ, что десятки тысячъ русскихъ и японскихъ труповъ лежали внутри и снаружи адской крѣ-

ости. И передо мною возникалъ вопросъ, какъ окончить эту несчастную войну. Не учитъ ли насъ Толстой и христіанская доктрина невозможному для человѣка?

Мнѣ были извѣстны заглавія многихъ произведеній Толстого. Но я не зналъ, какія изъ нихъ дадутъ мнѣ отвѣты на мои вопросы.

И я рѣшилъ написать объ этомъ Толстому. И я написалъ ему письмо съ вопросами: 1) могу ли я быть христіаниномъ, не вѣря въ богочеловѣченіе и въ чудеса? и 2) не допускаетъ ли христіанство правоты самозащиты отъ непріятеля, ибо защита не только охраняетъ насъ отъ несчастья, но и мѣшаетъ врагу совершить преступленіе?

Пославши письмо, я съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта и очень тревожился за нашу переписку, потому что въ то время война была въ самомъ разгарѣ.

Каждый день я ждалъ отвѣта Толстого. Приблизительно мѣсяца черезъ четыре, т.-е. 13-го мая 1905 года, вечеромъ, пришло на мое имя письмо изъ Россіи.

Я былъ увѣренъ, что это письмо отъ Толстого: взявъ его въ руки, почувствовалъ, что мое сердце усиленно забилось. Я открылъ письмо. Оно было написано по-нѣмецки. Толстой отвѣчалъ, что всѣ мои вопросы разрѣшены въ его произведеніяхъ: «Христіанское ученіе» и «Въ чемъ моя вѣра», и добавлялъ въ письмѣ:

«Религія есть разумное откровеніе и признаніе всей жизни. Сущность ея одинакова во всѣхъ религіяхъ.

Авторитетъ истинной религіи не зависитъ отъ ея чудесъ, а лишь отъ внутренняго оправданія совѣсти.

Поэтому уничтожить всѣ суевѣрія и проповѣдывать единственную разумную религію — самая великая и главная обязанность человѣка».

Я былъ восхищенъ. Это были мои мысли, проясненныя величайшимъ религіознымъ авторитетомъ въ мірѣ. И это принесло мнѣ несказанную радость. Я понялъ, что моя вѣра въ своей сущности совпадаетъ не только съ христіанскимъ ученіемъ, но и съ религіями всего міра.

Письмо Толстого дало мнѣ необычайный подъемъ. Въ тотъ же вечеръ я написалъ Толстому, благодаря его за великую радость...

Мысль о христіанскомъ непротивленіи стала близкой мнѣ. Но, — увы, — случилось одно обстоятельство: я узналъ о битвѣ въ Японскомъ морѣ и о великой, небывалой побѣдѣ японскаго флота. И вотъ, хорошо зная, что много невинныхъ людей погибло ужасной смертью, я все-таки въ дневникѣ написалъ:

«Великая побѣда японскаго флота. Какъ восхитительно! *Банзай!*».

Поистинѣ это удивительно! Я, воображающій себя христіаниномъ, исповѣдующимъ идею непротивленія и знающій, что множество моихъ братьевъ погибло безсмысленно, не только не сожалѣлъ, но даже радовался. Мнѣ до сихъ поръ непонятно это душевное состояніе.

И почему такъ безсильно христіанство или толстов-

ство противъ патріотизма? Не потому ли, что патріотизмъ имѣетъ нѣкоторый существенный фундаментъ въ глубинѣ человѣческаго сердца?

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ письма Толстого я купилъ книги: «Въ чемъ моя вѣра» и «Христіанское ученіе». Благодаря книгѣ «Въ чемъ моя вѣра», я понялъ принципы христіанства, но, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ пунктахъ я не могъ согласиться съ Толстымъ. Хотя въ 8-й главѣ Толстой и отрицаетъ идею воскресенія, однако, говоритъ о Христѣ и какъ о помазанникѣ, и какъ о Спасителѣ міра. Быть можетъ, я не понялъ Толстого. Или онъ, какъ христіанинъ, не можетъ иначе назвать Христа. Но я не могъ съ этимъ согласиться. Было много великихъ религій и много великихъ спасителей. И я не могу признать Христа Богомъ или единственнымъ помазанникомъ.

Еще одинъ пунктъ, въ которомъ я былъ несогласенъ съ Толстымъ, — это утвержденіе, будто бы философы и ученые не могутъ научить величайшему добру, а можетъ это сдѣлать только религія. Мнѣ казалось, что такіе философы, какъ Локкъ, какъ Спиноза и Кантъ, учатъ всѣхъ людей величайшему добру.

28-го іюня я прочелъ вторую книгу Толстого—«Христіанское ученіе». Эта книга въ 1 пенни произвела вторую революцію въ моей мысли. Въ первой книгѣ я не такъ ощущалъ мощь Толстого, какъ въ этой. Дѣйствительно, здѣсь отъ начала до конца бурлитъ вся его необыкновенная и неотразимая сила и богоподобный творческій умъ. Въ этой книгѣ, въ которой Тол-

стой чувствуетъ приближеніе смерти, онъ наиболѣе смѣло проповѣдуетъ свое пониманіе христіанскаго ученія.

И я думалъ:

«Я постигъ идею христіанства. Всѣ мои вопросы относительно христіанства были разрѣшены».

Такимъ образомъ, благодаря статьѣ Толстого о войнѣ, благодаря письму его и произведеніямъ, моя мысль и жизнь приняли новое направленіе.

У меня нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ. И мы живемъ очень замкнуто. Но съ тѣхъ поръ, какъ я подпалъ подъ вліяніе Толстого, въ нашъ домъ проникъ кинжалъ, но не миръ. Моя мать доходила до слезъ по поводу случившейся со мною перемѣны. Долгое время я находился въ молчаливой борьбѣ.

Но какъ только я призналъ, что толстовство слишкомъ радикально, — въ нашемъ домѣ возстановился миръ.

Призналъ же я, что въ дѣйствительности наша жизнь поддерживается непрестанной борьбой. Слѣдовательно, жизнь есть борьба. А Толстой, допуская жизнь, отрицаетъ борьбу. Но, отрицая борьбу, онъ долженъ отрицать и жизнь, какъ это дѣлаетъ буддизмъ и Шопенгауэръ.

Но съ другой стороны только такой человѣкъ огненнаго энтузіазма, какъ Толстой, и можетъ оказывать моральное вліяніе на людей. И это качество составляетъ не только орудіе Толстого, но и сокровище всего міра.

Кромѣ энтузіазма, Толстой обладаетъ еще необыкновенной рѣшимостью въ выполненіи того, что онъ считаетъ своимъ долгомъ.

Еще цѣнно въ Толстомъ — его горячій протестъ противъ войны и смертной казни, а также его состраданіе ко всѣмъ угнетаемымъ, даже къ животнымъ, страдающимъ отъ нашей кровожадности, даже къ срубленному дереву.

Это достойнѣйшее чувство.

И мнѣ думается, что это чувство, еще слабое въ настоящее время, станетъ со временемъ зародышемъ спасенія человѣчества. Въ этомъ и кроется необычайное вліяніе Толстого на весь міръ.

И я не разъ обновлялся Толстымъ, подпадая подъ власть низменныхъ увлеченій.

N. S. Tamura.

Japan. Tokyo.

Току-Томи
(Японія.)

ОТЗВУКЪ ИЗЪ ЯПОНІИ.

— Знаете ли вы, сколько мнѣ лѣтъ? — спросилъ меня учитель, передавая мнѣ мой альбомъ, въ который онъ вписалъ свое имя.

Это происходило подъ кленами въ саду въ Ясной Полянѣ. Только что встали изъ-за стола.

— Вамъ исполнится 78 лѣтъ въ августѣ этого года, — былъ мой отвѣтъ.

— Нѣтъ, 28...

Я подумалъ мгновеніе и сказалъ:

— Да... со времени вашего вторичнаго рожденія...

Учитель кивнулъ головой.

Это произошло въ дождливый день 3-го іюля 1906 г.

Прошло два года. Ветеранъ борьбы за человѣколюбіе закончилъ восьмидесятый годъ своего столь плодотворнаго существованія, или, по его словамъ, ему исполнится 30 лѣтъ, и онъ достигнетъ зрѣлаго мужества.

Съ востока и запада, съ сѣвера и юга къ нему при-

текутъ поздравленія, ибо мы всѣ любимъ его, любящаго всѣхъ насъ.

Г. Сергѣенко, составляя «Международный Альманахъ», посвященный Л. Н. Толстому, приглашаетъ меня чѣмъ-нибудь принять участіе въ «Альманахѣ». Съ радостью взялся за перо, чтобы сказать что-нибудь, но не могу найти, что мнѣ сказать.

Уже два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я сказалъ ему «прости» на террасѣ дорогого дома.

Я берусь за перо, и предо мною встаетъ призракъ свѣтлой веранды, обвитой вьющимися растеніями и озаренной мерцающимъ свѣтомъ лампы. Учитель стоитъ предо мной, положивъ одну руку на ручку двери, оглядываясь назадъ и улыбаясь мнѣ. Я стою неподвижно, опечаленный разлукой. Онъ улыбается мнѣ. Я вижу его улыбку сквозь туманъ 730 дней, которые протекли съ тѣхъ поръ, сквозь 10 тысячъ верстъ, которыя насъ раздѣляютъ.

Теперь я живу на маленькой фермѣ въ 10 километрахъ къ западу отъ Токіо. Я живу въ крошечномъ домикѣ съ своей женой и съ собакой. Я развожу картофель, потаты и другія овощи. Я провожу день за днемъ, работая заступомъ, обрабатывая землю и выпалывая сорныя травы. Почва такъ не воздѣлана, сорныя травы такъ быстро растутъ, особенно въ эти лѣтніе дни. Все время, всю энергію я трачу на то, чтобы полоть, полоть и полоть.

Можетъ быть таковъ укладъ моей души, можетъ быть, таковъ строй несовершеннаго міра. Однако я

вполнѣ счастливъ. У насъ прекрасный сонъ и хорошій аппетитъ. У насъ есть все, что намъ нужно... но, только такъ грустно не имѣть ничего сказать по такому поводу, какъ этотъ. Ужъ лучше бросить прочь неповоротливое перо и присоединиться къ громкому привѣту:

«Долгой жизни Толстому! Долгой жизни доброму генію Россіи! Долгой жизни пророку человѣколюбія!»

Kenjiro Tokutomi.

Kitatama. Tokyo-fu.

Гр. Л. Л. Толстой.

ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Мартовскій яркій день въ Ясной Полянѣ. Большая зала яснополянскаго дома въ два свѣта съ юго-востока и сѣверо-запада залита ослѣпительными лучами весенняго солнца. Этого солнца столько, что чувствуешь себя частью его. Когда смотришь въ окно на лугъ передъ домомъ и дальше за большую дорогу и паркъ, на отдаленныя поля, гдѣ на горизонтѣ проходитъ линія желѣзной дороги, все кругомъ блеститъ миріадами брилліантовъ по синевато-бѣлому покрову снѣга и на вѣтвяхъ заиндевѣвшихъ деревьевъ.

Отецъ съ утра у себя въ кабинетѣ съ увлеченемъ занимается, дописывая счастливую, по его примѣтамъ, *двадцать восьмую* главу одной изъ части романа „Анна Каренина».

Мать еще не выходила изъ спальни. Она всегда вставала поздно, потому что до поздней ночи работала для отца. Мы, среднія дѣти, играемъ въ залѣ, грѣясь на солнечныхъ пятнахъ отъ оконъ, въ трехъ мѣстахъ правильными квадратами покрывавшихъ паркетный полъ.

Скоро завтракъ Слуга, рыжій Сергѣй Петровичъ,

уже накрываетъ на столъ, и черезъ нѣсколько минутъ зала должна наполниться народомъ. Старшіе мальчики придутъ наверхъ со своимъ учителемъ французомъ, придетъ старшая сестра со своей швейцаркой, своими легкими шагами вбѣжитъ въ залу всегда оживленная и озабоченная maman, и, наконецъ, отецъ весело вбѣжитъ снизу по лѣстницѣ, за стаканомъ кофе или чаю, или просто взглянуть на насъ всѣхъ.

Хотя кругомъ еще тихо, но чувствуется, что жизнь бьетъ ключомъ у насъ въ домѣ; и вотъ сейчасъ шумно ворвется въ залу.

Скоро Пасха. На окнѣ въ вазѣ съ водой уже распускается зелеными листками сорванная нами вѣтка плакучей березы. На Пасхѣ будемъ катать яйца, будемъ христосоваться со всѣми: и съ поваромъ, и съ дворникомъ, будемъ гулять, можетъ быть, въ однихъ платьяхъ и собирать фіалки на лугу, если будетъ ранняя весна.

Эта мысль новой волной счастья набѣгаетъ на меня, и я уже не въ силахъ сдержать возбужденія и восторга, начинаю шумно бѣгать вокругъ стола. Знакомые, энергичные и размѣренные шаги, берущіе двѣ ступеньки сразу, раздаются по лѣстницѣ, и отецъ, скрипнувъ дверью, бодрый и радостный, быстро входитъ въ залу. Онъ еще полонъ силъ, сѣдины почти не видно въ его черныхъ волосахъ, глаза горятъ молодымъ вдохновеніемъ и довольствомъ. На немъ мягкая, сѣрая, фланелевая блуза, отъ которой вѣетъ такимъ тепломъ и комфортомъ. Отецъ видитъ, какъ я бѣгаю вокругъ сто-

ла, и сейчасъ же пускается вслѣдъ за мною. Я лечу отъ него, но онъ догоняетъ меня и ловитъ въ свои здоровенныя руки. Онъ поднимаетъ меня, какъ перышко, надъ головой и сажаетъ на широкое плотное плечо. Я въ хорошихъ, надежныхъ рукахъ, подо мной чувствуется мощь, и мнѣ это пріятно.

«Вотъ кабы почаще онъ такъ занимался мной», — мелькаетъ мысль. Я кладу руку на голову отца, и мы идемъ съ нимъ по комнатамъ. Обоимъ намъ хорошо, тепло и радостно.

Мы проходимъ двѣ свѣтлыя, солнечныя гостиныя и входимъ въ полутемную спальню. Maman одѣвается. Подлѣ нея дѣтская коляска съ послѣднимъ ребенкомъ, моимъ младшимъ въ то время братцемъ. Отецъ спрашиваетъ мать, какъ она себя чувствуетъ, и, нагибаясь къ ней, цѣлуетъ ея руку. Я тоже съ плеча отца нагибаюсь къ дорогому для меня лицу и цѣлую мать въ губы.

— Дописалъ 28-ю главу, — радостно объявляетъ матери отецъ. — Работы тебѣ пропасть. Все, что ты переписала вчера, опять перемаралъ ужасно.

И въ голосѣ его звучитъ благодарная, нѣжная и точно виноватая нотка, какъ бы говорящая, что ему совѣстно давать матери столько работы.

И онъ выходитъ со мной изъ спальни, снова направляясь въ залу.

Тутъ уже шумъ и движеніе.

Старшіе братья, ихъ французъ и съ ними штукъ десять англійскихъ борзыхъ наполняютъ комнату. Со-

баки прыгаютъ и визжатъ — суета невообразимая! Приходитъ старшая сестра со своей швейцаркой, быстро выходитъ, наконецъ, своей легкой походкой мама. Съ ея приходомъ собакъ выгоняютъ, и всѣ садятся къ столу.

Отецъ стоитъ подлѣ самовара и бесѣдуетъ по очереди то съ тѣмъ, то съ другимъ, стараясь каждому сказать что-нибудь веселое и интересное. Старшимъ братьямъ онъ задаетъ ариѳметическую задачу, французу онъ говоритъ нѣсколько словъ о послѣднихъ политическихъ событіяхъ во Франціи, съ нами шутитъ и смѣется. Онъ не садится къ столу, потому что тогда онъ не завтракалъ.

Послѣ завтрака всѣ расходятся по своимъ дѣламъ въ разныя стороны. Мы, дѣти, идемъ гулять; мать уходитъ къ маленькимъ дѣтямъ и къ своей перепискѣ; отецъ снова сбѣгаетъ въ кабинетъ.

Въ три часа у подъѣзда стоитъ рыжая верховая лошадь отца, и онъ ѣдетъ на обычную прогулку по прекраснымъ окрестностямъ Ясной Поляны. Онъ поѣдетъ черезъ глухой казенный лѣсъ, по лѣсной зимней дорогѣ, гдѣ ничто не нарушитъ хода его мыслей, или онъ поѣдетъ по полю, гдѣ не встрѣтитъ никого. Изъ окна я всегда наблюдалъ, какъ отецъ садился верхомъ, какъ онъ собиралъ поводья въ лѣвую руку и ловкимъ движеніемъ закидывалъ правую ногу за сѣдло. Не успѣвъ вдѣть ногу въ стремя, онъ отъѣзжалъ отъ крыльца, увозя съ собой на просторъ природы свои мысли и вдохновеніе. Я хорошо чувствовалъ

тогда настроеніе отца и то, чѣмъ онъ жилъ и чѣмъ былъ счастливъ Онъ писалъ. Онъ дописывалъ новое, большое сочиненіе, и голова его, конечно, была полна тѣмъ, что онъ творилъ. День за днемъ онъ развертывалъ изъ своего воображенія безсмертную повѣсть, и ничто не мѣшало ему въ этомъ, а, напротивъ, все содѣйствовало. Онъ былъ счастливъ, безконечно счастливъ, занятый своей любимой работой, потому что она легко удавалась ему, потому что онъ дѣлалъ дѣло, которое прежде всего удовлетворяло его самого, потому что отъ жизни онъ получилъ въ то время все, что только могъ и чего хотѣлъ.

У него была жена, совершенно исключительная по достоинствамъ женщина, была куча здоровыхъ дѣтей, было внѣшнее благополучіе, была слава, кругомъ него была русская природа и русскій народъ, которыхъ онъ привыкъ любить съ дѣтства больше всего на свѣтѣ...

Время обѣда. И опять всѣ въ сборѣ. Опять оживленные разговоры, общеніе, смѣхъ.

Послѣ обѣда отецъ идетъ во вторую гостиную и, лежа тамъ на диванѣ, читаетъ англійскій романъ или просматриваетъ толстый журналъ. Тутъ я безъ стѣсненія прихожу къ нему, играю его костянымъ ножомъ, сижу или валяюсь передъ нимъ на полу, на шкурѣ медвѣдя. Иногда отецъ на меня смотритъ и ласково мнѣ улыбается. Вечеръ проходитъ быстро, и меня посылаютъ спать.

Я прощаюсь съ отцомъ, цѣлуя его въ губы и мягкіе

усы, и бѣгу въ дѣтскую. Отъ отца всегда какъ-то особенно пахло, и я любилъ этотъ запахъ.

Я прибѣгаю въ дѣтскую и ложусь въ постель. Но долго, долго не могу заснуть, безъ всякой причины, такъ просто, потому что не спится. Я думаю...

Я думаю о томъ, какъ хорошо и важно жить, потому что чувствовалъ это весь день, глядя на жизнь меня окружающую. Думаю о многомъ, многомъ.

Около девяти часовъ изъ залы доносятся звуки тихихъ аккордовъ. Это отецъ сѣлъ за фортепіано, обдумывая что-нибудь на завтра для своего романа, и тихо играетъ.

Какіе спокойные, стройные, осмысленные аккорды, переходящіе изъ одного въ другой. На душѣ отъ нихъ становится какъ-то спокойнѣе и легче. И, умиленный, я засыпаю подъ эти звуки, чтобы проснуться завтра для новаго счастливаго дня. Я безотчетно чувствовалъ въ тѣ годы, что цѣлое море счастья было разлито вокругъ моей дѣтской жизни; я не понималъ тогда, что этимъ моремъ, этимъ великимъ океаномъ была жизнь моего отца.

II.

Апрѣльскій весенній вечеръ въ Ясной Полянѣ.

У насъ гоститъ И. С. Тургеневъ, пріурочившій свой пріѣздъ къ тягѣ вальдшнеповъ.

Какъ сейчасъ помню высокую фигуру Тургенева въ

желтой охотничьей курткѣ, его большую, сѣдую, красивую голову и мягкій, пріятный голосъ.

Послѣ обѣда къ крыльцу подаютъ наши, такъ называемые, «катки», — длинную линейку, запряженную парой лошадей, и мы собираемся на тягу. Обѣщано взять и меня. И я радуюсь этому вселому для меня празднику. Отецъ и Тургеневъ въ кабинетѣ собираютъ ружья и готовятъ патроны. У нихъ идетъ оживленный разговоръ.

Всѣ выходятъ на крыльцо. Солнце скрывается за далекій лѣсъ. Поютъ скворцы на макушкахъ старыхъ березъ. Оттаявшая земля, вбирая въ себя всеннюю влагу, что-то шепчетъ кругомъ о приближающемся обновленіи природы.

Мы садимся на катки и ѣдемъ на тягу довольно далеко, въ лучшія мѣста, за рѣчку Воронку, въ казенный лѣсъ.

Не помню разговоровъ, которые шли между моимъ отцомъ, Тургеневымъ и французомъ-гувернеромъ. Я былъ слишкомъ малъ для того, чтобы ихъ помнить или интересоваться. Помню только общее впечатлѣніе отъ нихъ. Отецъ говорилъ горячо и убѣжденно, со всѣмъ подъемомъ духа, говорилъ, «какъ власть имѣющій». Тургеневъ говорилъ спокойнѣе, говорилъ болѣе вяло, но порою цѣпко держался своихъ взглядовъ.

Воронка уже прошла и разлилась. Намъ нельзя переѣхать черезъ убогій мостъ на ту сторону, потому что плотина подъ нимъ была размыта весенней водою. Мы сошли съ «катковъ» и пѣшкомъ пошли въ казенную

засѣку, на поляны въ мелкій осинникъ. Это мѣсто у насъ называлось мѣстомъ «за Митрофановой избой».

Отецъ поставилъ Тургенева на лучшую поляну, на которой было нѣсколько старыхъ пней, а самъ пошелъ дальше.

Я сталъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ.

Смеркалось.

Наступила тишина весенняго вечера. Только дрозды шумно возились въ чащѣ и издали слышны были гудки поѣзда, подходившаго къ станціи....

Сейчасъ начнется тяга.

Вотъ первый выстрѣлъ раздался гдѣ-то въ лѣсу.

Тургеневъ стоялъ молча, прислушиваясь и держа наготовѣ ружье....

Я сидѣлъ на своемъ пенушкѣ, какъ очарованный, не смѣя шевельнуться.... Раздался первый пронзительный свистъ пролетавшаго въ сторонѣ вальдшнепа.

— Мимо, далеко, — грустно произнесъ Тургеневъ.

И опять тишина и ожиданіе...

Вдругъ громкій выстрѣлъ раздался близко, съ той стороны, куда пошелъ отецъ....

— Ну, конечно, на него летятъ, — тихо говоритъ Тургеневъ. И въ голосѣ его звучитъ нотка досады...

Еще свистъ и карканье.

Тургеневъ настораживается, но опять вальдшнепъ протягиваетъ далеко надъ макушками березъ, внѣ ружейнаго выстрѣла. Мы ждемъ еще и еще. Но, какъ нарочно, ни одного вальдшнепа не налетаетъ на насъ,

Со стороны отца раздается еще нѣсколько выстрѣловъ, изъ которыхъ два дублетами.

Совсѣмъ темнѣетъ....

Тяга скоро кончится, а Иванъ Сергѣевичъ еще ни разу не стрѣлялъ.

Но вотъ гдѣ-то близко слышно густое карканье и пронзительный свистъ.

Тургеневъ вскидываетъ ружье и стрѣляетъ.

Вальдшнепъ падаетъ внизъ, въ густую чащу осинника и кустовъ. Я стремглавъ лечу его подбирать. Тургеневъ идетъ за мной. Но въ темнотѣ ничего не видно. Мы ходимъ, ищемъ, зовемъ отцовскую собаку, ищемъ вмѣстѣ съ ней, но убитаго вальдшнепа не находимъ... Тургеневу досадно. Онъ сердится на свою незадачу. Подходитъ отецъ и издали спрашиваетъ:

— Ну, что? Убили?

— Да, но никакъ не найдемъ. А вы что сдѣлали?

— Двухъ убилъ, — отвѣчаетъ отецъ и показываетъ свой полный ягдташъ.

— Нѣтъ, положительно этотъ человѣкъ родился въ рубашкѣ, — съ завистью говоритъ Тургеневъ: — счастье во всемъ и всегда.

Такъ мы и не нашли въ этотъ вечеръ убитаго Тургеневскаго вальдшнепа, и онъ уѣхалъ отъ насъ безъ него.

Только на другой день утромъ мы, мальчики, пошли за Митрофанову избу, на «Тургеневскую» поляну, и нашли убитаго вальдшнепа, застрявшаго между двумя суками осины.

Л. Л. Толстой.

Петербургъ.

О. И. Фельдманъ.

ОТНОШЕНІЕ ТОЛСТОГО КЪ ГИПНОТИЗМУ.

Въ 1887 году я жилъ въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ то время среди американскихъ моралистовъ возникло новое теченіе — непротивленіе злу. Оно вполнѣ отвѣчало тогдашнему настроенію общества и вызвало массу послѣдователей.

Одновременно съ этимъ на другомъ концѣ полушарія, въ далекой Россіи, появилась проповѣдь мира и любви Л. Н. Толстого, и имя нашего писателя быстро сдѣлалось столь же популярнымъ въ Америкѣ, какъ и въ Россіи. Всюду появились его портреты и переводы его произведеній.

«Въ чемъ моя вѣра» разошлась въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Въ Бостонѣ профес. Dool прочиталъ рядъ лекцій о Толстомъ, вызвавшихъ большой энтузіазмъ.

Какъ разъ въ это время мнѣ пришлось проживать въ Бостонѣ и попасть въ кружокъ лицъ, близкихъ профессору Dool'ю, и у насъ сразу создался общій интересъ.

Осенью 1887 г. я собрался въ Россію.

Мои новые друзья, американцы, узнавъ, что я буду въ Москвѣ, просили меня навѣстить Льва Толстого и отъ ихъ имени передать привѣтъ великому писателю.

Въ Москву попалъ я раннею весною 1889 года, и первая моя мысль была — посѣтить Льва Николаевича.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней я съ волненіемъ отправился въ Хамовники.

Но мое волненіе достигло высшаго напряженія, когда я взялся за звонокъ...

Дверь отворилась, и слуга провелъ меня въ сосѣднюю комнату, въ дверяхъ которой я встрѣтилъ самого Льва Николаевича, столь знакомаго мнѣ по его портретамъ. Онъ былъ въ сѣрой блузѣ, подпоясанной узкимъ ремешкомъ, и въ мягкой рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ.

Изъ-подъ нависшихъ бровей смотрѣли на меня добрые сѣрые глаза, свѣтившіе такимъ радушіемъ и привѣтомъ, что мое смущеніе и робость мгновенно исчезли.

Мы усѣлись, и Л. Н. сразу взялъ доминирующую роль въ нашей бесѣдѣ.

Узнавъ, кто я такой, онъ заговорилъ о гипнотизмѣ, надъ которымъ я тогда усиленно работалъ.

Судя по тѣмъ вопросамъ, которые мнѣ задавалъ хозяинъ, онъ былъ знакомъ съ литературой гипнотизма. Его особенно интересовалъ вопросъ о свободѣ личности у загипнотизированныхъ.

— Это ужасно, — сказалъ онъ, — что бываютъ у че

ловѣка моменты, хотя бы и въ гипнотическомъ снѣ, когда онъ совершенно теряетъ власть надъ самимъ собою и всецѣло подчиняется власти гипнотизера!

И Л. Н. особенно подробно разспрашивалъ меня о психическихъ моментахъ субъектовъ, когда они совершаютъ внушенныя имъ дѣйствія, противорѣчащія ихъ убѣжденію и характеру.

Мы такъ увлеклись бесѣдой, что не замѣтили, какъ зажгли лампы. Тутъ только я вспомнилъ, что я нахожусь у Льва Толстого и пришелъ къ нему не развлекать его своими разговорами, а послушать его.

Мнѣ хотѣлось разрѣшить множество сомнѣній, волновавшихъ и мучившихъ меня въ теченіе многихъ лѣтъ...

Но я такъ много отнялъ времени у Толстого, что ушелъ на этотъ разъ отъ него, не разрѣшивши ни одного изъ моихъ сомнѣній.

*
* *

Черезъ недѣлю я снова былъ у него.

На этотъ разъ онъ принялъ меня въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ-то въ концѣ дома. Кромѣ меня у него сидѣлъ въ гостяхъ какой-то незнакомецъ въ синей блузѣ.

Въ бесѣдѣ Толстой опять взялъ роль руководителя и поднялъ вопросъ о лѣченіи гипнотизмомъ при нервныхъ и душевныхъ заболѣваніяхъ и особенно о стра-

ждущихъ болѣзнями воли: пьяницъ и такъ называемыхъ «психо-патологическихъ субъектовъ».

И на этотъ разъ бесѣда наша затянулась. Толстой интересовался всѣми подробностями вопроса и высказалъ мысль, чтобы я подѣлился своими свѣдѣніями съ представителями психологическаго общества.

Я изъявилъ полную готовность.

— А вы свободны сейчасъ? — спросилъ Л. Н. И на мой утвердительный отвѣтъ объявилъ рѣшительно:

— Тогда нечего дѣла откладывать. Пойдемте! (было около 2-хъ часовъ дня). Я васъ познакомлю съ философомъ Николаемъ Яковлевичемъ Гротомъ. Онъ предсѣдатель психологическаго общеста, и мы его, вѣроятно, застанемъ дома, и сегодня же установимъ время вашей бесѣды. И черезъ 5—6 минутъ — не болѣе — мы были уже въ передней, гдѣ Толстой набросилъ на себя какое-то пальтишко, взялъ большой, старомодный, тяжелый дождевой зонтикъ и надѣлъ кожаныя калоши. На дворѣ было грязно.

Мы подошли къ воротамъ, гдѣ меня ожидалъ мой извозчикъ. Едва Толстой увидалъ извозчика, какъ началъ стыдить меня, почему я не хожу пѣшкомъ, а пользуюсь услугами извозчика и т. д.

— Лучше бы эти деньги отдали нуждающимся...

Я пробовалъ возразить, что и извозчику нуженъ заработокъ. Но Толстой наотрѣзъ отказался ѣхать. И мы отправились по грязи пѣшкомъ къ Н. Я. Гроту, жившему тогда на Новинскомъ бульварѣ. Но Гро-

та не оказалось дома. Толстой написалъ ему на моей визитной карточкѣ нѣсколько словъ.

Между прочимъ, увидавъ у меня карандашъ съ резинкой на концѣ, Л. Н. почему-то обратилъ на это особенное вниманіе и, къ моему несказанному удовольствію, попросилъ, чтобы я подарилъ ему эту безделку на память.

* * *

Черезъ два года послѣ этого мнѣ пришлось вступить въ переписку съ Толстымъ по очень оригинальному поводу.

Въ 1890 г. дочь одного господина, служившаго въ военномъ министерствѣ, заболѣла душевною болѣзнью.

Родители ея стали замѣчать нѣкоторыя странности въ поведеніи больной: она запиралась въ своей комнатѣ, по цѣлымъ днямъ не выходила, и никого не хотѣла видѣть, считая всѣхъ людьми порочными и безнравственными. Руки своей она тоже никому не подавала и даже часто отказывалась отъ пищи, говоря, что все это дѣло рукъ порочныхъ людей. Въ эти періоды она сама готовила себѣ пищу на керосинкѣ, при чемъ по цѣлымъ часамъ стояла передъ портретомъ Л. Н. Толстого и дѣлилась съ нимъ мыслями вслухъ.

Чтобы воздѣйствовать на больную, родители ея прибѣгли къ хитростямъ: говорили, что находятся въ перепискѣ съ Л. Н. Толстымъ по поводу нея, и показывали ей письма за подписью: «Левъ Толстой». Въ

этихъ письмахъ послѣдній яко-бы предписывалъ ей цѣлый рядъ дѣйствій, которыя она должна была исполнить. Больная прочитывала письма и безпрекословно исполняла все, что въ нихъ совѣтовалось. Эти мистификаціи всегда удавались. Наконецъ, родители рѣшили примѣнить къ дочери гипнотическій способъ лѣченія и съ этой цѣлью обратились ко мнѣ.

Я поѣхалъ въ Гатчину, чтобы посѣтить больную. Но она, никого къ себѣ не допуская, отказалась принять и меня.

Подвергнуть больную гипнозу противъ ея воли и помимо ея вѣдома представляло много затрудненій. И я подалъ мысль родителямъ, поѣхать съ дочерью къ Толстому, который своимъ обаяніемъ могъ бы оказать на больную благотворное вліяніе. Родителямъ понравилась эта идея, и я отъ ихъ имени написалъ письмо Льву Николаевичу, прося его разрѣшенія привести къ нему больную дѣвушку. Въ отвѣтъ на это былъ слѣдующій отвѣтъ:

«...Извините, что догло не отвѣчалъ на ваше письмо, — былъ занятъ и притомъ нездоровъ. Отвѣтить категорически на ваше письмо никакъ не могу. Я вообще не признаю сумасшествія, какъ особеннаго состоянія, и мнѣ кажется, что отъ идеальнаго, вполнѣ здороваго человѣка — котораго нѣтъ — до самой высшей степени психическаго разстройства — есть постепенная градація, и черты, отдѣляющей больного отъ здороваго, провести нельзя.

«Я встрѣчалъ часто людей, считающихся сумасшед-

шими, которые, на мой взглядъ, не были сумасшедшѣе людей, считающихся здоровыми. Это одно, и потому, я думаю, лѣчить дѣвушку, о которой вы пишете, — нельзя. По крайней мѣрѣ, я участвовать въ такомъ лѣченіи не считаю себя въ правѣ. Съ другой же стороны никакъ не считаю себя въ правѣ отказывать въ свиданіи и бесѣдѣ человѣку, который желалъ бы меня видѣть. Пожалуйста, не примите этихъ моихъ словъ за уклоненіе отъ прямого отвѣта. Я именно такъ, вполнѣ такъ думаю и очень радъ быть полезнымъ тѣмъ, кому могу. При этомъ считаю нужнымъ извѣстить васъ, что я дня черезъ два имѣю намѣреніе уѣхать на мѣсяцъ или болѣе въ Данковскій уѣздъ, по сызрано-вяземской дорогѣ, на станцію «Клекотки», 30 верстъ по Дону, въ деревню Бѣгичевку.

«Ваше напоминаніе о нашемъ свиданіи было излишне, потому что я очень хорошо помню пріятное и интересное знакомство съ вами.

«Желаю вамъ всего лучшаго.

Левъ Толстой».

Послѣ такого отвѣта Толстому, конечно, нечего, было уже думать объ отправкѣ къ нему больной дѣвушки.

О. Фельдманъ.

Петербургъ.
1908 г. Мартъ.

I. A. Форбесъ.
(Новая Зеландія.)

ИЗЪ ПИСЬМА.

Левъ Толстой своими произведеніями побудилъ меня присоединиться къ идеѣ мира. Его толкованіе значенія проповѣди Христа о непротивленіи лично для меня было откровеніемъ и сдѣлалось цѣлью моихъ стремленій. Церкви обыкновенно либо игнорируютъ, либо сводятъ къ нулю своимъ толкованіемъ житейскую сторону ученія Великаго Учителя. Поэтому такія церкви умираютъ. Надѣюсь, что Толстой еще долго будетъ проявлять среди насъ свой талантъ на пользу грѣховнаго страждущаго міра. Моя глубокая молитва, чтобы высокіе идеалы, имъ проповѣдуемые, получали все большее признаніе и принесли обильные плоды въ грядущіе годы.

I. A. Forbes.

А. В. Цингеръ.

У ТОЛСТЫХЪ.

I.

Мнѣ легко было получить доступъ въ домъ Толстыхъ черезъ семью моего дяди Ив. Ив. Раевскаго, который почти по родственному былъ близокъ съ Л. Н. и даже былъ съ нимъ на «ты».

Кромѣ того, въ молодые годы Толстой зналъ моего отца, московскаго профессора математики, и вспоминалъ о немъ «какъ объ умномъ и интересномъ собесѣдникѣ». И потому для Толстого, какъ для многихъ изъ старшаго поколѣнія вообще, я былъ «сыномъ Цингера».

— Какъ это вы ясно разсказываете! Мнѣ вспоминаются наши старинные разговоры съ вашимъ отцомъ, — говорилъ иногда мнѣ Л. Н. въ бесѣдахъ на математическія темы, желая, по обыкновенію, сказать собесѣднику что-нибудь пріятное.

Первая встрѣча съ Толстымъ за время моего сознательнаго возраста вспоминается мнѣ точно сонъ.

Дѣло было въ декабрѣ 1889 г.

Мы съ двоюроднымъ братомъ Ив. Раевскимъ ѣдемъ съ желѣзнодорожнаго полустанка Козловка-Засѣка въ Ясную Поляну, чтобы участвовать тамъ въ домашнемъ спектаклѣ.

Догораетъ ясный, морозный день. По сторонамъ дороги, одновременно освѣщенное закатомъ и луной, огромное кружево лѣса, покрытаго инеемъ.

Мы ѣдемъ въ розвальняхъ; лошадью умѣло правитъ случайно выѣхавшій за нами... самъ Левъ Николаевичъ.

Онъ сидитъ рядомъ съ нами, сгорбившись, въ полушубкѣ и, улыбаясь, занимаетъ разговоромъ юныхъ смущенныхъ сѣдоковъ.

— Ну, что же вы? Въ отца? — дружелюбно спрашиваетъ онъ. — Тоже математикъ?.. Я всегда любилъ математику. Но ужасно въ свое время плохо учился. Вѣдь я, дѣйствительно, выдержалъ университетскій экзаменъ только потому, что передъ самымъ экзаменомъ подготовилъ биномъ Ньютона, да и то ничего не понималъ... — Вотъ какъ разъ въ этомъ мѣстѣ лѣса, — говоритъ Л. Н., указывая влѣво отъ просѣки, — когда я былъ еще совсѣмъ молодымъ, я шелъ разъ и нашелъ удавленника... Прохожій солдатъ повѣсился на деревѣ. И все, какъ это обыкновенно разсказываютъ: онъ весь опустился, такъ что ноги достаютъ до земли, рядомъ лежитъ шапка, а на ней снятый крестъ; и отчего-

то тѣло у него сдѣлалось желтымъ, какъ шафранъ... впрочемъ, нѣтъ, — какъ шафранъ, это я преувеличиваю, но какого-то страннаго желтаго цвѣта... — Я всегда замѣчалъ, что незнакомая дорога представляется гораздо длиннѣе, говоритъ Л. Н. къ концу пути. — Вамъ, Ив. Ив., эта дорога знакома. А вотъ Цингеру, навѣрно, показалась ужасно длинной. Онъ, навѣрно, думаетъ, «какія тутъ три версты, тутъ больше пяти». А я вѣрно знаю, что тутъ какъ разъ три версты съ четвертью.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось какъ-то при помощи шагомѣра убѣдиться, съ какой рѣдкой точностью опредѣляетъ Л. Н. разстоянія вблизи Ясной.

По пріѣздѣ въ Ясную я попадаю за большой чайный столъ, за которымъ присутствуетъ вся семья Толстыхъ съ родственниками и гостями, съѣхавшимися на праздники.

Среди незнакомыхъ, среди множества взрослыхъ барышень я чувствую тягостную застѣнчивость, отъ которой искусно спасаетъ меня простымъ веселымъ разговоромъ Татьяна Львовна, играющая роль хозяйки въ группѣ молодежи.

Послѣ чая я начинаю входить въ хлопоты по подготовкѣ спектакля. Мнѣ разсказываютъ вкратцѣ содержаніе комедіи, которая теперь уже называется не «Исхитрилась» и не «Спириты», какъ прежде, а «Плоды просвѣщенія».

Идетъ дѣятельная работа переписки сильно перемаранной рукописи.

Отрывки комедіи прочитываются на голоса, по ролямъ. Всѣ смѣются, когда Марія Львовна читаетъ роль кухарки, мѣтко передавая характеръ бабьяго говора. «Запузыривать» — дѣлается излюбленнымъ словечкомъ среди импровизированной труппы.

Братья Ив. и Мих. Бергеры съ плотникомъ сооружаютъ въ большомъ залѣ сценическіе подмостки. Подъ генеральнымъ руководствомъ Татьяны Львовны обсуждаются костюмы, обстановка, бутафорія и проч.

Мнѣ поручена роль лакея Григорія и, въ виду достаточной четкости почерка, я прикомандированъ къ перепискѣ пьесы, ролей и афишъ.

Поселился я во флигелѣ, въ комнатѣ своего друга А. М. Новикова, жившаго тогда у Толстыхъ домашнимъ учителемъ.

Когда на слѣдующее утро я прихожу въ домъ, меня, новичка, просвѣщаютъ относительно яснополянскихъ порядковъ: по обычаю, каждый долженъ самъ наливать себѣ кофе.

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Л. Н., веселый, ласковый, присаживается къ намъ и говоритъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ большой, главнымъ образомъ, женской компаніи. Часть разговоровъ мнѣ со стороны непонятна.

Обратившись ко мнѣ, Л. Н. сводитъ разговоръ на математику.

— Я думаю, я былъ бы очень хорошимъ учителемъ метематики; именно потому, что я очень люблю математику; но мнѣ такъ трудно дается ясно что-нибудь понять. Чтобы понять, мнѣ надо передумать и такъ, и этакъ. И то, что я уже понялъ, я могу объяснить всякому, потому что я могу предвидѣть всѣ недоумѣнія...

— Ай, ай, ай! Вотъ это напрасно... — говоритъ Л. Н., когда я вынимаю и закуриваю папироску. — Зачѣмъ вы это дѣлаете?

Я, смутившись, пробую оправдаться тѣмъ, что куренье способствуетъ сосредоточенью и уясненію мысли.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ разъ наоборотъ, — говоритъ Л. Н. — Я это такъ хорошо знаю. Кажется, что легче думается, именно оттого, что мысли затуманиваются... А если къ папироскѣ потомъ прибавляется еще рюмочка водочки, то совсѣмъ скверно...

Послѣ кофе Л. Н. уходитъ къ себѣ въ кабинетъ, взявъ съ собой рукопись пьесы, которую дополняетъ и передѣлываетъ каждый день вплоть до спектакля.

Среди дня на первую, сколько-нибудь полную, репетицію изъ Тулы пріѣзжаетъ группа участниковъ, среди которыхъ тульскій прокуроръ Н. В. Давыдовъ, режиссеръ и исполнитель роли «профессора» (Кругосвѣтлова).

Репетируютъ еще безъ занавѣса и почти безъ де-

корацій, на голыхъ подмосткахъ, передъ которыми усаживаются: Л. Н., графиня, Н. В. Давыдовъ и тѣ, кто не занятъ въ первомъ дѣйствіи.

Самое начало — мой выходъ и сцена съ Таней.

Я такъ смущаюсь, что путаю реплики своей коротенькой роли, говорю нестерпимо не въ тонъ и сбиваю съ тона Татьяну Львовну, играющую Таню.

— Нѣтъ, нѣтъ, это — совсѣмъ не то, — мягко останавливаетъ Л. Н. — Григорій долженъ быть этакимъ самымъ пошлымъ лакеемъ; ухаживать онъ долженъ нагло, развязно.

— Ничего, ничего, — говоритъ Н. В. Давыдовъ, — еще разъ. Первую сцену надо отдѣлать какъ можно тверже...

Первая репетиція идетъ туго. Трудно съ неопытными любителями наладить чуть не 50 явленій быстраго, живого перваго дѣйствія.

Л. Н. сосредоточенно смотритъ, слушаетъ, но почти не дѣлаетъ замѣчаній; онъ весело улыбается и смѣется, когда С. А. Лопухинъ грассирующимъ голосомъ въ вѣрномъ мягкомъ тонѣ говоритъ свои реплики въ роли «барина» (Звѣздинцева).

Н. В. Давыдовъ безъ устали указываетъ выхода, «мѣста», намѣчаетъ тонъ и даетъ всевозможные совѣты.

Въ третьемъ дѣйствіи онъ самъ выступаетъ на сцену и удачно, съ комической серьезностью и внушительностью, читаетъ вступленіе къ сеансу.

Его тонъ очень понравился Л—у Н—у, и при даль-

нѣйшихъ дополненіяхъ рѣчь профессора была сильно расширена.

Работа по подготовкѣ спектакля цѣлую недѣлю кипѣла съ утра до ночи. Одна изъ репетицій была у Н. В. Давыдова въ Тулѣ, куда яснополянская половина труппы ѣздила цѣлымъ караваномъ саней.

Въ качествѣ отдыха оживленная гурьба молодежи катается съ горы на салазкахъ и бѣгаетъ по пруду на конькахъ.

Возвращаемся въ домъ. На сценѣ сколачивается печь для второго акта.

Въ одномъ углу залы шьется занавѣсъ и гардины, въ другомъ заново передѣланная рукопись свѣряется съ отдѣльными ролями.

То и дѣло прорывается смѣхъ: свѣжія вставки кажутся особенно смѣшными.

— У меня, — говоритъ Ив. Раевскій, игравшій Семена, — теперь такъ: «Извѣстно, что думать, то хуже».

— А у меня, — говоритъ А. М. Новиковъ, играющій буфетчика Якова, — въ четвертомъ актѣ теперь такъ:

«Яковъ. На сколько персонъ прикажете накрывать?

«Барыня. На сколько персонъ?.. Федоръ Ивановичъ, принять отъ него серебро».

Проходитъ Л. Н. съ озабоченнымъ видомъ.

— Вотъ вы — классики, говоритъ онъ, — что значитъ по-гречески: βουλή?

— βουλή — совѣтъ, совѣщаніе... сенатъ...—говорю я.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то. Это не годится.

— Алексѣй Митрофановичъ, что значитъ βουλή? обращаюсь я за помощью къ Новикову. Но и онъ припоминаетъ только тѣ же значенія.

—Нѣтъ, это не то,—говоритъ Л. Н.,—βουλή должно значить еще «память», «сознаніе», есть терминъ «абулія» — потеря сознанія.

На другой день мы увидѣли абулію, вставленную въ рѣчь профессора.

Скоро спектакль, а работы еще пропасть. Засиживаемся до глубокой ночи. Среди ночи просимъ устроить самоваръ;

— Дѣлайте, что хотите, — говоритъ Т. Л., — но только дѣлайте все сами, чтобы не безпокоить «людей», а то папа будетъ недоволенъ, если узнаетъ.

Къ предпослѣдней репетиціи въ Ясную пріѣхалъ В. М. Лопатинъ, котораго ждали для роли 3-го мужика. Его позы, жесты, реплики такъ и заиграли на фонѣ любительскихъ стараній.

Послѣ неподражаемо сказаннаго: «Земля малая... курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда», репетиція остановилась отъ веселаго смѣха. Л. Н. былъ въ восторгѣ.

Роль 3-го мужика была увеличена и «земля малая» вставлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

* * *

За два дня до спектакля устраивается чтеніе только что законченной рукописи «Крейцеровой сонаты».

Во всемъ домѣ по случаю спектакля такая кутерьма, что для чтенія трудно найти достаточно удобный уголокъ. Графиня С. А. разрѣшаетъ помѣститься въ ея спальнѣ.

Въ небольшой комнатѣ собирается человѣкъ пятнадцать, приходитъ и самъ Л. Н.

М. А. Стаховичъ усаживается за столикъ съ двумя свѣчами и съ живымъ выраженіемъ читаетъ вступительныя главы; но, когда подходитъ завязка, его смущаетъ реальность языка въ присутствіи молодыхъ барышень; онъ останавливается.

— Графиня, я не могу читать безъ пропусковъ, — говоритъ онъ.

— Я это предвидѣла, — говоритъ графиня, — дѣвицамъ тутъ совсѣмъ не мѣсто.

— Читайте же, читайте, — говоритъ внимательно слушающій Л. Н., — а барышни, правда, пусть лучше уйдутъ.

Барышни уходятъ; чтеніе продолжается.

Стаховича смѣняетъ Л. Н. и самъ прочитываетъ тѣ мѣста, гдѣ много новыхъ вставокъ, начерно вписанныхъ его рукой.

Смущенные, ошеломленные, сидимъ мы послѣ этого чтенія за чайнымъ столомъ. Начинаютъ прорываться отзывы о впечатлѣніи, загораются споры. Входитъ Л. Н.

— Вотъ какъ бы я былъ радъ, — говоритъ онъ, —

если бы вы говорили о «Крейцеровой сонатѣ», какъ-будто меня тутъ нѣтъ.

Но такого разговора, разумѣется, не выходитъ. Черезъ нѣкоторое время кто-то говоритъ, набравшись храбрости:

— Слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Развѣ нельзя было дать что-нибудь положительное?

— Ну, что же? — говоритъ Л. Н. — Написать, какъ они хорошо жили, какъ у нихъ были дѣти и внуки и какъ они умерли на рукахъ своихъ правнуковъ? Ну, и выйдетъ нѣмецкая сказка, какихъ писали безъ конца и никого не научили.

Кто-то поднимаетъ вопросъ, что̀ именно главное въ художественномъ произведеніи.

— Въ художественномъ произведеніи, — говоритъ Л. Н., — должно быть непремѣнно что-нибудь новое, свое. Дѣло какъ разъ не въ томъ, какъ писать. Прочтутъ «Крейцерову сонату»... Ахъ, вотъ какъ нужно писать: ѣхали въ вагонѣ и разговаривали... Нужно непремѣнно въ чемъ-нибудь пойти дальше другихъ, отколупнуть хоть самый маленькій свѣжій кусочекъ... И вотъ почему у Достоевскаго въ «Преступленіи и наказаніи» первая часть прекрасна, а вторая часть уже слабѣе... Достоевскій никогда не умѣлъ писать именно потому, что у него всегда было слишкомъ много мыслей, ему слишкомъ много нужно было сказать своего... И все-таки Достоевскій — это самое истинное художество. А нельзя, какъ мой другъ Фетъ, который въ шестнадцать лѣтъ писалъ: «ручеекъ журчитъ, луна

свѣтитъ, и она меня любитъ». Писалъ, писалъ, и въ шестьдесятъ лѣтъ пишетъ: «она меня любитъ, ручекъ журчитъ, и луна свѣтитъ».

Разговоръ совершенно отходитъ отъ «Крейцеровой сонаты». Мы съ жаромъ возвращаемся къ ней только позднѣе, безъ Л. Н—ча.

Насталъ вечеръ спектакля. Гостей съѣхалось сколько могла вмѣстить зала. Л. Н., оживленный, веселый, переходилъ отъ зрителей къ актерамъ, которые гримировались въ нижнемъ этажѣ, въ библіотекѣ.

Гримировались при помощи тульскаго парикмахера безъ всякихъ затѣй, только С. Л. Толстой для роли Сахатова старался сдѣлать портретъ П. Ф. Самарина, который сидѣлъ среди публики.

В. М. Лопатинъ, изобрѣтая гримъ для своей роли, попробовалъ надѣть широкую сѣдую бороду и неожиданно сдѣлался до иллюзіи похожимъ на Л. Н—ча, такъ что смѣшно было на него смотрѣть*).

---

*) Впослѣдствіи, на Рождество 1894 года, когда Татьяна Львовна предложила В. А. Маклакову и мнѣ затѣять какую-нибудь святочную забаву, было рѣшено устроить маскарадъ, въ которомъ В. М. Лопатинъ фигурировалъ бы въ гримѣ Толстого. Сперва предполагалось изобразить Толстого въ группѣ съ Пушкинымъ, Шекспиромъ, Сократомъ и т. д., или съ героями „Войны и мира". Но остановились на томъ, что забавнѣе изобразить Толстого съ современниками, изъ которыхъ многіе были своими въ толстовскомъ домѣ. Были сдѣланы гримы, надъ которыми трудились Л. О. Пастернакъ и теперешній гримеръ Художественнаго театра Я. И. Гремиславскій. Гримы удались прекрасно. Появленіе двойника Л. Н. Толстого и встрѣча съ подлиннымъ Толстымъ были необыкновенно забавны.

*
* *

Спектакль прошелъ живо и гладко. Всѣ дружно увлекались и старались изо всѣхъ силъ.

Начиная съ выхода мужиковъ въ I-мъ дѣйствіи, въ публикѣ опредѣлился успѣхъ пьесы, который въ первомъ же антрактѣ передался за кулисы.

Почти свободный во второмъ и третьемъ дѣйствіи, я лучше могъ слѣдить за разрастающимся оживленіемъ публики, которая все чаще и чаще встрѣчала слова пьесы взрывами смѣха и аплодисментами. Нѣсколько робѣвшія на репетиціяхъ, любительницы на спектаклѣ бойко и живо вели свои роли.

«Барыня» (М. А. Кузминская) и безконечно комичная «толстая барыня» (С. Мамонтова) удались какъ нельзя лучше. За кулисами трудно было удерживаться отъ смѣха.

Въ ночь послѣ спектакля мнѣ нужно было ѣхать въ Москву. Я пошелъ проститься со Л—мъ Н—чемъ, который сидѣлъ среди большой группы гостей. Шелъ шумный разговоръ о комедіи. Очень хвалили Марію Львовну, живо и смѣшно сыгравшую кухарку и старую графиню — гостью.

— Ахъ, вотъ что я совсѣмъ позабылъ, — говоритъ Л. Н., — цѣлый интересный типъ. Къ этой кухаркѣ

непремѣнно долженъ былъ ходить этакій старый, спившійся поваръ.

Роли «стараго повара», «артельщика отъ Бурдье» и нѣкоторыя еще вставлены были уже послѣ яснополянскаго спектакля.

II.

Со времени спектакля «Плодовъ просвѣщенія» я сталъ нерѣдко бывать у Толстыхъ, а въ студенческіе годы былъ просто влюбленъ въ «домъ Толстыхъ» и больше всего въ Ясную Поляну, гдѣ всегда чувствовалъ какое-то особенное, повышенное настроеніе духа.

Со мной, какъ съ «сыномъ Цингера», Л. Н. часто заводилъ разговоръ о математикѣ и физикѣ.

Осенью 1892 г. я ѣздилъ въ Ясную, наэлектризованный первыми университетскими впечатлѣніями, болѣе всего увлекаясь началами высшей геометріи, которую началъ слушать у моего отца. И мнѣ, помню, было обидно, что я не сумѣлъ передать Л—у Н—чу красоты геометрическаго закона «двойственности».

— Нѣтъ, нѣтъ! — говорилъ онъ. — Это очень искусственно. Это не должно быть такъ... Естественный путь разсужденій долженъ быть непремѣнно одинъ; и точка, по существу, должна быть непремѣнно простѣйшимъ элементомъ, а плоскость — болѣе сложнымъ... Но все это очень интересно. Я и теперь съ удовольствіемъ почиталъ бы что-нибудь объ этомъ. Привезите мнѣ при случаѣ что-нибудь подходящее...

Однажды, въ періодъ болѣзни, Л. Н. разсказывалъ, что онъ ночью, отъ безсонницы, все обдумывалъ, какъ бы проще всего доказать, что дробь 0, 111... равна $^1/_9$ и что всякое число *a* въ нулевой системѣ равно единицѣ.

Физическія теоріи мало привлекали Л—а Н—ча.

— Это всегда такъ въ наукѣ: кажется, что еще только немножко узнать — и все станетъ яснымъ... Наука всегда бываетъ наканунѣ самыхъ интересныхъ, глубокихъ переворотовъ... Но физика все-таки не можетъ имѣть той ясности, которая такъ привлекательна въ математикѣ... Недавно мнѣ попалась очень хорошая статья въ англійскомъ журналѣ: тамъ доказывалось, что въ физикѣ явленіе намъ представляется яснымъ и простымъ лишь потому, что мы либо не знаемъ подробностей явленія, либо умышленно забываемъ про тѣ сложныя подробности, которыя знаемъ.

Сижу я какъ-то разъ съ Татьяной Львовной, разливающей чай, и разсказываю о недавно умершей С. В. Ковалевской, которую мнѣ раза два пришлось видѣть.

Л. Н. мимоходомъ прислушивается къ разговору, переходящему на вопросъ о роли женщины въ наукѣ.

Татьяна Львовна соглашается со мной на томъ, что все же нельзя считать доказанной непремѣнную неспособность женщины къ научному творчеству.

— А по-моему, — говоритъ Л. Н., — если бы женщины были способны къ научному мышленію такъ же,

какъ мужчины, это было бы несправедливостью, потому что тогда женщины имѣли бы несомнѣнное преимущество. У женщины есть отъ природы преимущество.... это — ихъ особенная женственность, то, что французы называютъ «charme». Дѣло совсѣмъ не въ очаровательности для мужчинъ, а въ томъ особенномъ «charme'ѣ», благодаря которому, напримѣръ, дѣти всегда больше любятъ женщинъ... — Если бы мы сейчасъ спросили какого-нибудь ребенка или какого-нибудь жителя съ луны, кого онъ выберетъ, ну, хоть просто для того, чтобы разливать чай: меня, васъ или Таню, — онъ навѣрно выбралъ бы Таню.

Припоминается 28-е августа 1891 года, проведенное въ Ясной. Въ домѣ нѣкоторая непривычная парадность. Дочери и племянницы Л. Н—ча съ гостящими барышнями идутъ утромъ въ садъ и въ лѣсъ, чтобы нарвать цвѣтовъ для букетовъ, которые и ставятся въ залѣ.

Л. Н. съ ласковой шутливостью принимаетъ поздравленія.

— Я родился въ 28-мъ году, 28-го числа, — говоритъ онъ, между прочимъ,—и всю мою жизнь 28 было для меня самымъ счастливымъ числомъ. И вотъ, только недавно мнѣ пришлось узнать, что и въ математикѣ 28 есть особенное «совершенное» число. Вотъ, вы, математикъ, знаете вы, что такое — «совершенныя» числа?

Зная про эти свойства чиселъ, я не помнилъ, что 28—число совершенное.

— Вотъ, вотъ, совершенныя — это такія числа, которыя равны суммѣ всѣхъ чиселъ, на которыя они могутъ дѣлиться. 28 дѣлится на 14, на 7, на 4, на 2 и на 1; 1+2+4+7+14=28. Это очень рѣдкое свойство. Изъ первой сотни, кажется, только 28 и есть, а слѣдующее совершенное число что-то 400 слишкомъ.

(Въ дѣйствительности наименьшія совершенныя числа суть 6, 28, 496, 8128... Не помню, откуда Л. Н. узналъ о совершенныхъ числахъ и почему онъ, насколько помню, забылъ про 6).

Днемъ съѣзжаются гости. Незадолго до обѣда пріѣзжаетъ чета Фигнеровъ.

Съ Н. Н. Фигнеромъ мнѣ приходится познакомиться при оригинальной обстановкѣ. Иду изъ флигеля къ дому, Л. Н. стоитъ съ группой новыхъ гостей у садовой гимнастики.

— Идите скорѣе сюда, скорѣй! — зоветъ Л. Н., — лѣзьте скорѣй по столбу.... Кто скорѣй?

Подбѣгаю къ столбу, начинаю лѣзть и вижу, рядомъ со мной ловко лѣзетъ Н. Н. Фигнеръ въ форменной морской фуражкѣ. Я чуть-чуть скорѣе его хватаюсь за верхнюю перекладину.

— Что значитъ воодушевленіе! — говоритъ Л. Н.— Вотъ Цингеръ сгоряча обогналъ, а вѣдь Ник. Ник. лазитъ куда искуснѣй. И въ борьбѣ какое-то особенное значеніе имѣетъ психологія. Помню, мы какъ-то боролись съ вашимъ дядей Раевскимъ и съ Писаревымъ. И сколько ни боролись, все выходило, что Раевскій одолѣвалъ меня, я Писарева, а Писаревъ Раевскаго.

— Ну, — шутитъ Н. Н. Фигнеръ, — давайте теперь съ вами, Л. Н., состязаться.

— Нѣтъ, теперь гдѣ ужъ мнѣ. А прежде какъ я это любилъ! Цѣлыми часами, бывало, здѣсь упражнялись. Особенно я любилъ черезъ «кобылу» прыгать.

За обѣденный столъ собирается человѣкъ 30. Вегетаріанцы въ меньшинствѣ. Оживленный разговоръ не смолкаетъ. Л. Н. затѣваетъ игру въ «сплетни». Среди свѣтскихъ гостей полуобъявленные женихъ и невѣста.

— Ну, такъ что же вышло? — спрашиваетъ Л. Н. — Я пустилъ слухъ, что «весело смотрѣть на жениха и невѣсту».

— А черезъ меня прошло: «почему это чиновникъ особыхъ порученій сконфузился?» — подхватываетъ Фигнеръ.

Вечеромъ гости пестрыми группами сидятъ въ залѣ, посреди которой молодежь и подростки играютъ въ petit jeu.

Говоръ и шумъ по временамъ смолкаютъ, когда Фигнеры поютъ. Они особенно въ ударѣ, и въ небольшомъ домашнемъ залѣ ихъ голоса звучатъ необыкновенно красиво.

Л. Н. проситъ спѣть то тѣ, то другія любимыя пьесы, хвалитъ и проситъ повторить.

Въ промежуткахъ онъ переходитъ отъ одной группы къ другой.

Изъ «толстовцевъ» выдѣляется библейски картинная фигура Е. И. П—ва. Подхожу послушать.

Рѣчь идетъ о себялюбіи и самодовольствѣ.

— .... Это, — говоритъ Л. Н., — какъ хорошо сказано у Лихтенберга: «кто влюбленъ въ самого себя, тотъ можетъ не бояться большого количества соперниковъ»... Вы читали что-нибудь Лихтенберга? — обращается Л. Н. ко мнѣ.

— Нѣтъ. Знаю только изъ физики, что онъ въ электричествѣ выдумалъ «лихтенберговы фигуры».

— Развѣ это тотъ самый? Я и не зналъ. Онъ обладаетъ удивительной способностью, выражать самыя глубокія мысли въ короткихъ афоризмахъ. Одна фраза, а изъ нея, какъ изъ клубка, выходитъ цѣлая куча мыслей.

Черезъ нѣсколько времени Л. Н. слушаетъ, какъ Медея Фигнеръ, мѣшая французскій языкъ съ итальянскимъ, съ увлеченіемъ разсказываетъ о новинкѣ русскихъ оперныхъ сценъ, о «Мефистофелѣ» Бойто. Л. Н. проситъ что-нибудь спѣть, и Фигнеры поютъ дуэтъ «Далеко, далеко».

Немного спустя, слышу, Л. Н. говоритъ съ А. М. Новиковымъ, какъ разъ по моей спеціальности; Л. Н. припоминаетъ одну курьезную ариѳметическую задачу, и Новиковъ старается объяснить ея рѣшеніе*).

Я впутываюсь въ дѣло. Беремъ клочокъ бумаги,

---

*) „Артели косцовъ надо было скосить два луга; одинъ вдвое больше другого. Половину дня вся артель косила большой лугъ. Послѣ полудня артель раздѣлилась пополамъ: первая половина осталась на

чертимъ. На чертежѣ Л. Н. сразу ясно понимаетъ неожиданную простоту задачи.

— Ахъ, какъ хорошо! — говоритъ онъ. — Теперь все совершенно просто и ясно.

И Л. Н. идетъ разсказывать задачу гостямъ за почетнымъ столомъ графини.

— Левочка, право, это, кажется, никому не интересно, — замѣчаетъ графиня.

Съ задачи разговоръ переходитъ къ таблицѣ умноженія на пальцахъ, потомъ на четвертое измѣреніе, которое Л. Н. соглашается признавать только математической фикціей.

Черезъ нѣкоторое время Л. Н. близъ группы подростковъ.

Почему-то припоминается фраза изъ Тургенева:

«Держи свѣчку передъ грудью. Состарили вы меня».

— Держи свѣчку передъ грудью, — говоритъ Л. Н.— Какъ это вѣрно!... Какъ это недавно было, когда ѣздили въ гости съ своими лакеями. А теперь это что-то совсѣмъ невозможное. Вамъ это непонятно. Вы не можете видѣть этого огромнаго движенія.... этой широкой Волги. Я помню, когда мнѣ было лѣтъ восемь, пріѣзжала къ намъ наша бабушка въ каретѣ, на шести лошадяхъ, и съ ней чуть не десять человѣкъ при-

---

большомъ лугу и докосила его къ вечеру до конца, а вторая половина косила малый лугъ, на которомъ къ вечеру остался участокъ, скошенный на другой день однимъ косцомъ, проработавшимъ цѣлый день. Сколько косцовъ было въ артели"?

слуги. Пріѣзжалъ съ ней всегда старый лакей, котораго мы очень любили. Во время обѣда онъ становился съ тарелкой у бабушки за кресломъ и все съ нами, съ дѣтьми, перемигивался.

Веселый вечеръ кончается рано. Гости разъѣзжаются среди теплой августовской ночи.

III.

Въ началѣ января 1894 г. въ Москвѣ былъ IX съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. Я былъ однимъ изъ студентовъ-распорядителей и съ увлеченіемъ слушалъ рѣчи и доклады на общихъ и болѣе доступныхъ секціонныхъ засѣданіяхъ.

Бывая по вечерамъ у Толстыхъ, я разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ и Л—у Н—чу, который интересовался съѣздомъ и читалъ печатавшіяся въ «Дневникѣ Съѣзда» рѣчи.

Помню оживленные разговоры и споры по поводу имѣвшей огромной успѣхъ рѣчи физіолога проф. В. Я. Данилевскаго: «Чувство и жизнь».

Въ этой блестящей и мастерски составленной рѣчи В. Данилевскій съ категорической опредѣленностью становился на чисто-матеріалистическую точку зрѣнія, что не нравилось Л—у Н—чу.

— Это — самая типичная ученая узость и самоувѣренность. ... Ну-ка, ну-ка, поспорьте, я послушаю...— говорилъ Л. Н.

Спорить за и противъ матеріализма предлагалось В. А. Маклакову со мной. Маклаковъ горячо и искусно строилъ защиту матеріализма, въ которой чувствовались отголоски Тимирязевскихъ лекцій; я нападалъ на матеріализмъ подъ живымъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ моимъ отцомъ и былъ въ восторгѣ, что Л. Н. соглашался съ моими аргументами.

Впослѣдствіи случилось слѣдующее: когда Л. Н. вскорѣ послѣ съѣзда поѣхалъ въ Ясную, съ нимъ въ одномъ купэ оказался возвращающійся участникъ съѣзда. Л. Н. заговорилъ съ нимъ о впечатлѣніи съѣзда и очень отрицательно отозвался о рѣчи Данилевскаго. Оказалось, что случайный желѣзнодорожный спутникъ и былъ Данилевскій.

Вспомнивъ однажды объ этой встрѣчѣ, Л. Н. сказалъ:

— Теперь вижу, что напрасно такъ нападалъ на Данилевскаго. Въ разговорѣ съ нимъ я убѣдился, что онъ вовсе ужъ не такой прямолинейный, крайній матеріалистъ. Мы съ нимъ отлично проговорили и разстались друзьями.

Помню, разсказывая какъ-то о почетномъ гостѣ съѣзда, о патріархѣ русскихъ химиковъ Н. Н. Бекетовѣ, я употребилъ легкомысленное студенческое выраженіе «мощи Бекетова».

— Ну, что вы говорите! — возмутился Л. Н. — Какія же «мощи?» Я его видѣлъ. Онъ такой крѣпкій, бодрый. Куда бодрѣе меня. Я съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на такого крѣпкаго, хорошаго старика. У

меня совсѣмъ нѣтъ этой старческой манеры, радоваться на чужую дряхлость.... Какъ тѣ два старика у Диккенса, которые другъ про друга все говорятъ: «я еще бодръ, ...а вотъ онъ ужъ совсѣмъ.... развалина».

Я разсказывалъ Л—у Н—чу, что отецъ мой готовитъ для общаго засѣданія съѣзда рѣчь на тему объ основаніяхъ геометріи, о не-евклидовскихъ геометріяхъ и проч. Тема рѣчи была избрана въ связи съ юбилеемъ Лобачевскаго, котораго Л. Н. помнилъ по казанскому университету.

— Я его отлично помню, — говорилъ Л. Н. — Онъ былъ всегда такимъ серьезнымъ и настоящимъ «ученымъ». Что онъ тамъ въ геометріи дѣлаетъ, я тогда ничего не понималъ, но мнѣ приходилось съ нимъ разговаривать, какъ съ ректоромъ. Ко мнѣ онъ очень добродушно относился, хотя студентомъ я былъ и очень плохимъ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы Л. Н. попалъ на засѣданіе, когда будетъ читаться рѣчь отца. Но Л. Н. отказывался.

— Я бы поѣхалъ, но я такъ не люблю этого парада, отвыкъ отъ публики... особенно если еще будетъ великій князь....

Утромъ въ день заключительнаго засѣданія съѣзда, когда долженъ былъ говорить отецъ, я заѣхалъ къ Толстымъ и просилъ кн. Н. Л. Оболенскаго передать Л. Н—чу, что великій князь навѣрно не будетъ, и что можно устроить такъ, что публика не обезпокоитъ Л. Н—ча.

Самъ я въ качествѣ распорядителя спѣшилъ попасть въ собраніе пораньше.

Когда отецъ мой началъ свою рѣчь, я, слѣдя за ея впечатлѣніемъ въ публикѣ, прошелъ на другой конецъ зала.

Вдругъ ко мнѣ торопливо подбѣгаетъ Н. Л. Оболенскій.

— Л. Н. пріѣхалъ. Покажите, пожалуйста, куда ему пройти. Онъ въ вестибюлѣ.

Я прохожу въ вестибюль и провожу Л. Н. черезъ круглую «артистическую» комнату за эстраду, разсчитывая, что ему будетъ достаточно хорошо слышно, а увидятъ его только члены комитета, среди которыхъ много его знакомыхъ.

Затѣмъ я опять пошелъ въ дальній конецъ залы, чтобы передать о пріѣздѣ Л—а Н—а Маріи Львовнѣ.

Но публика уже замѣтила Л. Н., который, чтобы лучше слышать, пересѣлъ на эстраду.

Послѣ рѣчи В. Я. Цингера былъ сдѣланъ перерывъ. Предсѣдатель съѣзда, проф. К. А. Тимирязевъ, провелъ Л—а Н—ча въ «артистическую» комнату, куда устремилась и часть публики, главнымъ образомъ, студенты. Мы, распорядители, не знали, что дѣлать. Наконецъ, вышелъ К. А. Тимирязевъ и сказалъ, что проситъ въ «артистическую» не входить и что Л. Н—чъ послѣ перерыва выйдетъ на эстраду.

Дѣйствительно, послѣ перерыва характерная фигура Л. Н. въ блузѣ показалась среди фраковъ за длиннымъ столомъ на эстрадѣ. Онъ садится рядомъ съ

К. А. Тимирязевымъ. Это появленіе вызываетъ невообразимую бурю аплодисментовъ и криковъ.

Мнѣ пришлось въ это время стоять на противоположномъ концѣ залы рядомъ съ Маріей Львовной и В. А. Маклаковымъ.

Помню, рядомъ съ нами какой-то провинціальный членъ съѣзда, огромнаго роста, сталъ на цыпочки и, поднявъ руки кверху, кричалъ изо всѣхъ силъ:

— Ура! Толстой! Урр-а!...

Невѣроятный шумъ все усиливался.

Л. Н., сгорбившись, что-то говорилъ съ К. А. Тимирязевымъ.

Проф. М. А. Мензбиръ давно взошелъ на каѳедру, но, кажется, не было надежды начать рѣчь.

Проф. А. А. Тихомировъ подходитъ къ Л—у Н—чу и что-то говоритъ ему. Нахмурившись, Л. Н. опирается руками на столъ. Его сутуловатая, широкоплечая фигура поднимается. Онъ кланяется залѣ... Раздаются громовые раскаты рукоплесканій....

— Боже мой, что вы сдѣлали съ нашимъ старикомъ. Какъ вамъ не стыдно? — говоритъ Марія Львовна, закрывая глаза и затыкая уши.

— Л. Н. самъ виноватъ, — защищается В. А. Маклаковъ: — почему онъ такъ рѣдко показывается публикѣ? И потомъ согласитесь, Марья Львовна, все-таки въ этомъ есть.... что-то хорошее. Правда?

Марія Львовна соглашается.

Трудно было М. А. Мензбиру сосредоточить вни-

маніе возбужденныхъ слушателей на хитрой вейсмановской теоріи наслѣдственности.

Съ трудомъ, сквозь сплошную толпу рукоплещущей публики проводитъ проф. Тимирязевъ Л. Н—ча изъ артистическаго подъѣзда.

Къ вечеру я поѣхалъ въ Хамовники съ опасеніемъ, что Л. Н. недоволенъ тѣмъ, что произошло въ собраніи.

— Какъ это все нелѣпо вышло, — говорилъ онъ со смѣхомъ. — И что же вы говорили, что нѣтъ парада? Такая пропасть народу, все фраки и всѣ точно «именинники»... Это ужъ не «праздникъ науки», а какая-то ученая масленица... А скажите, почему это, когда читали благодарность Кашпсту, студенты зашикали, а Столѣтову такъ сильно хлопали?.. Жаль, не слышалъ я рѣчи Василія Яковлевича сначала. Въ концѣ мнѣ понравилось: «не только свѣту, что изъ окошка».

IV.

Въ началѣ 1900 года, однажды къ вечеру ко мнѣ заѣзжаетъ мой бывшій ученикъ, Х. Н. А. и предлагаетъ вмѣстѣ поѣхать къ Толстымъ.

— Л. Н. былъ нездоровъ, — говоритъ онъ, — но теперь ему гораздо лучше. Въ домѣ хоть и много народу, но все свои. Можетъ быть, удастся поговорить съ Л. Н—мъ; а если будетъ неудобно, мы можемъ сейчасъ же и уѣхать. Поѣдемте. Вѣдь вы свободны?

— Я свободенъ, — говорю я, — и очень бы радъ по-

ѣхать, но я такъ давно у Толстыхъ не былъ, что мнѣ какъ-то неловко ѣхать безъ какого-нибудь предлога. Знаете, что? Заѣдемъ въ университетъ, тамъ у меня отъ подготовки лекціи осталось полъ-литра жидкаго воздуха. Отвеземъ этотъ воздухъ Л. Н—чу. Онъ еще не видалъ этихъ опытовъ. Можетъ быть, это его забавитъ.

— Прекрасно, прекрасно!

Мы пріѣзжаемъ въ Хамовническій переулокъ, захвативъ сосудъ съ воздухомъ, кое-какіе приборы и, для помощи при перевозкѣ и экспериментахъ, университетскаго помощника препаратора Автонома Ѳедорова.

Черезъ нѣсколько времени я располагаюсь съ приборами наверху въ залѣ за большимъ столомъ. Входитъ Л. Н.

— Ахъ, какъ это интересно!—говоритъ онъ.—Я все объ этомъ жидкомъ воздухѣ читаю въ газетахъ, и мнѣ такъ хотѣлось это посмотрѣть.

Л. Н. усаживается въ кресло, передъ столомъ, кругомъ помѣщаются члены семьи.

— Почему это серебряный сосудъ? — спрашиваетъ Л. Н., увидавъ дюаровскую колбу.

Я объясняю въ чемъ дѣло.

— Ну, хорошо, — говоритъ Л. Н. — Теперь мы васъ слушаемъ.

Несмотря на нѣкоторую привычку къ аудиторіи, я чувствую смущеніе и хочу безъ всякой лекціи перейти къ опытамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ погодите, — останавливаетъ Л. Н.—

Объясните мнѣ прежде всего вотъ что: я не понимаю, почему этотъ воздухъ въ открытой стклянкѣ не разлетается и не взрывается.

Я начинаю объяснять, говорю о «скрытой теплотѣ». Л. Н. сосредоточенно слушаетъ.

— Это я понимаю, — говоритъ онъ.

Въ это время у меня мелькаетъ воспоминаніе дѣтства: когда мнѣ было лѣтъ 10, я впервые началъ понимать «скрытую теплоту» по толстовскимъ «Книгамъ для чтенія».

Приступаемъ къ опытамъ: замораживаемъ резину, ртуть, апельсинъ, куриное яйцо, которое потомъ свѣтится въ темнотѣ, пускаемъ каплю воздуха на воду, льемъ воздухъ на столъ, на руки и т. д.

Л. Н., оживленный, внимательно, слѣдитъ за всѣми явленіями, опускаетъ свой палецъ въ пробирку съ воздухомъ и безпрестанно проситъ, разъяснить разныя подробности.

— Ну, спасибо вамъ, — говоритъ онъ подъ конецъ.— Какъ это все любопытно! Спасибо, что такъ меня, старика, забавили.

Накрывается чайный столъ. Молодое поколѣніе забавляется остатками воздуха: льютъ на скатерть, замораживаютъ чашку съ чаемъ, брызгаютъ другъ въ друга.

Приходитъ кто-то изъ знакомыхъ, и Л. Н. разсказываетъ ему про видѣнные опыты, показываетъ и подробно объясняетъ устройство дюаровскаго сосуда.

Поднимается разговоръ о гастролирующемъ въ Москвѣ феноменальномъ счетчикѣ Периклѣ Діаманти.

— Какъ же, какъ же, — говоритъ Л. Н. — Онъ у меня былъ, показывалъ свое искусство. Меня поразила въ немъ удивительная и такая цѣнная способность: отвлекаться отъ всего окружающаго и такъ сосредоточивать свою мысль внутри себя на одномъ вопросѣ!

V.

Утромъ 18-го февраля 1901 года я прочелъ въ газетахъ объ отлученіи Толстого. Утро было свободно, благодаря университетскимъ «безпорядкамъ». У меня лежала рукопись крестьянина Н—ва, привезенная изъ деревни для передачи Л—у Н—у. И мнѣ захотѣлось поѣхать къ нему.

По дорогѣ тяжелая встрѣча: на Бронной кучка студентовъ и курсистокъ подъ конвоемъ городовыхъ.

Пріѣзжаю въ Хамовники и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ упоминаю о встрѣчѣ на Бронной, говорю объ университетѣ.

— Студенческіе безпорядки! Это что-то такое непонятное, — говоритъ Л. Н.

Входитъ графиня Софья Андреевна, возмущенная обнародованнымъ отлученіемъ.

— Удивительно! — говоритъ Л. Н.: — «и врата адовы не одолѣютъ»... А вдругъ какой-то отставной поручикъ что-то написалъ... И такая тревога!..

Разговоръ переходитъ на другія темы.

Я говорю, что привезъ изъ деревни рукописъ Н.

— Ахъ, дайте, — говоритъ Л. Н., — дайте. Вы ужъ читали? Хорошо?

— Да, очень живо. Но ужъ очень односторонне.

— Ну, да, да... это самый обычный, поверхностный взглядъ. Н—въ знаетъ, можетъ быть, немного, но то, что онъ знаетъ, онъ дѣйствительно знаетъ и понимаетъ... И его знаніе есть дѣйствительно настоящее знаніе, и никакой нѣтъ бѣды, что «ѣ» не тамъ поставитъ... А писать онъ умѣетъ прямо удивительно. Я всю жизнь старался такъ писать и не умѣлъ... У него удивительное чувство мѣры, когда онъ переходитъ отъ разсужденія къ разсказу. И разсказа у него ровно столько, сколько нужно...

Л. Н. перелистываетъ только что присланный ему въ подарокъ томъ «Simplicissimus'a».

— Вотъ, по-моему, истинное назначеніе живописи, это — каррикатура. Посмотрите — эта барыня за туалетомъ: видно, что она ужасно довольна собой... жирныя, слабыя, неработающія руки... видно, что горничная говоритъ съ ней самымъ услужливымъ тономъ, а внутри надъ ней смѣется... Нужно цѣлыя страницы писать, чтобы передать то, что передано здѣсь нѣсколькими штрихами. А тутъ, смотрите, ночью на «сирениссимуса» напали заговорщики, ему нечѣмъ защищаться, и онъ швыряетъ въ нихъ орденами. И вотъ они въ восторгѣ нацѣпили на себя эти ордена и уходятъ... Посмотрите эти улыбки... Каждому искусству нужно дѣлать то, что для него самое свойственное, самое характерное... Вотъ вы говорите, — обратился Л. Н. къ ху-

дожнику Н. А. Касаткину, разсказывавшему о картинѣ «Искушеніе». — Но почему огненные глаза? Почему женскія груди? Развѣ *это* — «маммона»?.. Нѣтъ, вотъ иду я недавно и вижу—три лихача обступили такого хорошенькаго, чистенькаго гимназистика... «Помилуйте, 7 рубликовъ, недорого»... И видно, что ужъ онъ не вырвется изъ лапъ, не уйдетъ отъ этого соблазна. Вотъ это настоящая маммона. Вотъ то же и съ театромъ, — говоритъ Л. Н., кивая мнѣ. — Главное въ театрѣ — это развивающееся, разростающееся дѣйствіе, движеніе. А Чеховъ написалъ, какъ три сестры разговариваютъ съ офицерами и собираются въ Москву, да такъ и не уѣхали. А мои дочери и публика восхищаются, что въ театрѣ слышно, какъ за кулисами шипитъ пожарная труба... Недавно я читалъ описаніе театра у какихъ-то сибирскихъ инородцевъ... Превосходно! Эти дикари представляютъ въ театрѣ охоту на оленя: одинъ актеръ изображаетъ оленя-мать, а другой — олененыша. Оленя застрѣливаютъ, а олененышъ дрожитъ, пугается, прижимается къ матери... Вся публика волнуется, умиляется, жалѣетъ этого олененыша... Вотъ это настоящее искусство!

Черезъ нѣсколько времени Л—у Н—чу нужно было итти въ городъ. Мы пошли вмѣстѣ по Пречистенкѣ и Волхонкѣ. Прохожіе останавливались, смотрѣли на Л—а Н—а; а нѣкоторые изъ нихъ, узнавъ его, радостно кланялись ему.

А. Цингеръ.

Москва.
1908. Августъ.

Д. Г. Четти.
(Индія.)

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Несмотря на крайній матеріализмъ Европы, совершенно несклонной къ благоговѣйному почитанію кого бы ни было, Толстой служитъ предметомъ поклоненія для очень многихъ, усталой душѣ которыхъ его творенія приносятъ миръ и успокоеніе.

Многіе изъ моихъ соотечественниковъ и теперь уже смотрятъ на Толстого какъ на проявленіе божества. Портретъ Льва Николаевича, украшающій мою комнату, является иногда для заходящихъ ко мнѣ предметомъ почти религіознаго поклоненія.

И живи Толстой не въ Европѣ, а въ Индіи, онъ навѣрное бы уже считался Буддой или Шри Кришной.

Нашъ эгоистическій міръ никакъ еще не можетъ понять Толстого цѣликомъ. Но въ будущемъ, рано или поздно, настанетъ минута, когда онъ будетъ разсматриваться, какъ одно изъ воплощеній божественной силы.

Каждый изъ великихъ людей, являвшійся на землю для спасенія человѣчества, переживалъ внутренній кри-

зисъ. Для Будды онъ наступилъ — лишь только юноша увидалъ страданія, старость и смерть.

Пережилъ его и Соломонъ, царь Израильскій, въ видѣ глубочайшаго убѣжденія въ тщетѣ жизни и стремленія проникнуть въ истинный смыслъ неустанной смѣны событій.

Душевное состояніе Льва Толстого въ критическій періодъ его жизни лучше всего изображено имъ въ сказкѣ о путникѣ, подвергшемся въ пустынѣ нападенію дикаго звѣря. Путникъ спрятался въ глубокій колодезь, но на днѣ его увидалъ дракона съ широко разинутой пастью, готовящагося пожрать свою жертву. Несчастный путникъ не могъ ни выбраться изъ колодца изъ страха передъ звѣремъ, ни спуститься на дно, гдѣ его ожидалъ драконъ. Въ такомъ положеніи онъ ухватился за вѣтвь дикаго кустарника, росшаго въ расщелинѣ колодца. Скоро его рука устала, и онъ почувствовалъ приближеніе гибели. Вдругъ онъ увидалъ двухъ мышей, черную и бѣлую, которыя грызли корень куста, смѣняя одна другую. Кустъ скоро долженъ былъ обрушиться внизъ, а самому путнику предстояло стать жертвой дракона. Видя это и зная, что онъ долженъ неминуемо погибнуть, путникъ бросилъ отчаянный взглядъ вокругъ и вдругъ замѣтилъ нѣсколько капель меду на листьяхъ кустарника. Забывъ объ угрожающей ему опасности, онъ принялся слизывать ихъ языкомъ.

Какъ понятенъ смыслъ этого сказанія!

И вотъ медъ пересталъ соблазнять путника - Тол-

стого. Онъ почувствовалъ ужасъ того, что ожидало его, и понялъ, что находиться въ ужасѣ еще тягостнѣе, чѣмъ попасть къ дракону. И не могъ уже ждать болѣе.

Не найдя разрѣшенія своимъ вопросамъ въ знаніи и мудрости, Толстой обратился къ самой жизни, надѣясь найти разрѣшеніе въ окружающихъ его людяхъ. Но не нашелъ и среди нихъ отвѣта. Въ концѣ-концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что исчерпывающій отвѣтъ можетъ дать только вѣра. Подъ «вѣрой» онъ понимаетъ знаніе цѣли человѣческаго существованія, при которомъ люди не мучатъ себя, а живутъ счастливой жизнью.

И онъ писалъ:

«Богъ есть то, внѣ чего нѣтъ жизни. Жизнь есть поиски Бога. И внѣ Его нѣтъ жизни».

Эти положенія стали для него непреложной истиной.

И смыслъ жизни, казавшійся ему наилучшимъ, онъ видѣлъ въ томъ же, въ чемъ видятъ его трудящіеся классы.

Вѣроятнѣе всего, причиной кризиса въ душѣ Толстого было острое сознаніе несправедливости и ложности его отношенія, какъ представителя имущихъ классовъ, къ обездоленному, трудящемуся люду. Въ коренной перемѣнѣ этихъ отношеній онъ нашелъ миръ и успокоеніе. Въ своей вѣрѣ Толстой вернулся къ основнымъ принципамъ ученія Христа.

Занявшись въ 1881-мъ г. выясненіемъ причинъ го-

родской бѣдности, Толстой приходитъ къ выводу, что деньги даютъ возможность только пользоваться чужимъ трудомъ, а потому исключительно денежная помощь и благотворительность являются по существу ложными и безнравственными.

— Если мнѣ жаль, — говоритъ онъ, — измученнаго коня, на которомъ я ѣду, то первое, что я долженъ сдѣлать, — это сойти съ него и итти пѣшкомъ.

Исходя изъ этого положенія, Толстой подвергъ безпощадной критикѣ всѣ доводы, клонящіеся къ сохраненію существующаго порядка вещей.

И на вопросъ: «Такъ что же намъ дѣлать?» отвѣтилъ:

— Первое: не лгать передъ самимъ собой, какъ бы ни далекъ былъ мой путь жизни отъ того истиннаго пути, который открываетъ мнѣ разумъ, и не бояться истины.

Второе: отречься отъ сознанія своей правоты, своихъ преимуществъ, особенностей передъ другими людьми и признать себя виноватымъ.

Третье: исполнять тотъ вѣчный, несомнѣнный законъ человѣка — трудомъ всего существа своего бороться съ природой для поддержанія жизни своей и другихъ людей.

Въ письмѣ за 1906 г. Толстой пишетъ:

— Ваша (индусская) религія чрезвычайно древняго происхожденія и необыкновенно глубока въ своемъ метафизическомъ опредѣленіи отношенія человѣка къ духовному началу; но я полагаю, что она уклонилась

отъ истиннаго пути въ своемъ приложеніи къ моральной и практической жизни, допустивъ существованіе касть. Послѣднее, насколько я могу судить, гораздо лучше сдѣлано, напримѣръ, буддистами и нѣкоторыми другими сектами, въ родѣ Кадиръ-Панчиса, основнымъ принципомъ которыхъ является святость жизни, а потому и запрещеніе лишать жизни какое-нибудь существо, въ особенности же людей. Потому мнѣ кажется, что обязанностью каждаго образованнаго индуса должно являться освобожденіе отъ всѣхъ прежнихъ суевѣрій, которыя скрываютъ истину, увѣренность въ божественныхъ свойствахъ человѣческой души, забота о жизни всякаго живого существа безъ исключенія и возможно болѣе широкое распространеніе этихъ принциповъ.

Здѣсь, дѣйствительно, кроется корень всѣхъ несчастій Индіи. И мы должны поблагодарить графа за его совѣтъ.

Съ апрѣля 1907 г. я издаю въ Мадрасѣ ежемѣсячный журналъ, цѣль котораго распространеніе идей Толстого въ Индіи. Въ прошломъ году я послалъ графу нѣсколько книжекъ журнала. Онъ написалъ мнѣ:

«Дорогой мой!

«Я получилъ два первыхъ номера Вашего журнала и нахожу ихъ очень интересными. Цѣль Вашего изданія, какъ Вы опредѣляете въ Вашемъ письмѣ, является высочайшей цѣлью, какая только можетъ преслѣдоваться человѣческой дѣятельностью. Двѣ статьи:

«Мы сами» и «Основа жизни» какъ разъ соотвѣтствуютъ этому.

«Меня очень интересуетъ индійская философія и религіозныя ученія вашихъ великихъ мыслителей.

«Чѣмъ болѣе Вы будете давать мѣсто въ Вашемъ журналѣ идеямъ этихъ людей, тѣмъ интереснѣе онъ для западныхъ читателей.

«Выражая Вамъ благодарность за Вашъ журналъ и письмо, остаюсь, дорогой мой, искренно къ Вамъ расположенный

Левъ Толстой».

Самое горячее желаніе моей жизни — совершить путешествіе къ святому мѣсту, гдѣ живетъ великій старецъ, насладиться его божественнымъ присутствіемъ и принести, какъ жертву, свое любящее сердце къ его стопамъ.

D. Gopaul Chetty.

Madras.

Евгеній Шмидтъ.
(Германія.)

Культурное значеніе произведеній Льва Толстого.

Мнѣ не привелось быть лично знакомымъ съ Львомъ Толстымъ, но, прежде всего, его произведенія, а затѣмъ та переписка, которую онъ со мной поддерживалъ, сдѣлали его духовный обликъ мнѣ внутренно близкимъ.

Все знаменательное вліяніе этого пророка на современниковъ и на самый духъ нашего вѣка коренится въ томъ глубоко захватывающемъ переворотѣ, который совершился въ его міровоззрѣніи. Но именно этотъ самый существенный моментъ менѣе всего понятъ его современниками, потому что именно этимъ переворотомъ Толстой отрѣшился отъ основныхъ догматовъ нашего просвѣщеннаго міра и примкнулъ къ основнымъ воззрѣніямъ первыхъ временъ христіанства. Вліяніе Толстого на нашу современную жизнь возможно было потому, что его первохристіанское ученіе не являлось результатомъ какихъ-либо хитроумныхъ измышленій, а было лишь выраженіемъ самой сущности жизни, откро-

веніемъ тайны человѣческаго бытія. Глубоко затаенное истинное существо человѣка скрывается въ каждомъ; оно во всѣ времена ведетъ борьбу, стремясь къ освобожденію, къ свѣту. И всѣ знаменія времени указываютъ на то, что именно въ нашу эпоху готовъ совершиться величайшій переворотъ въ міровоззрѣніи и въ строѣ жизни.

Этотъ переворотъ проявляется болѣе всего въ области нравственности, въ строѣ чувствъ и стремленій. Въ основѣ ложится могучій порывъ къ свободѣ, прежде всего къ свободѣ духа и мысли. Несмотря на всѣ противодѣйствія реакціонеровъ, все сильнѣй и сильнѣй разрастается протестъ противъ слѣпой вѣры въ авторитетъ. И Толстой также является исповѣдникомъ религіи Разума. Божество проявляетъ себя не въ тѣхъ мистическихъ откровеніяхъ, проповѣдовать и толковать которыя присвоиваютъ себѣ исключительное право особыя касты людей, но лишь въ свѣтѣ того Разума, который одинаково данъ всѣмъ людямъ. Религія Разума не знаетъ поэтому никакого внѣшняго Бога. *Богъ внутри насъ.*—Онъ--свѣтъ Разума. И кто возстаетъ противъ Разума—возстаетъ противъ Бога; кто унижаетъ Разумъ — оскорбляетъ Бога. Въ этомъ великій грѣхъ ложно-христіанскихъ церквей. Поэтому ошибочно видѣть въ Разумѣ нѣчто только человѣческое. Онъ есть отблескъ Божества въ человѣкѣ.

Разумъ, поскольку вообще его можно понимать, есть нѣчто всеосвѣщающее и всеобъединяющее.

Гипотетическія измышленія, конечно, могутъ быть

очень человѣчными, но это не проявленіе Разума; это лишь извороты ума, который долженъ еще оправдать себя передъ разумомъ.

Такъ какъ Разумъ есть нѣчто всесоединяющее, то уже этимъ самымъ онъ есть нѣчто благое, нѣчто божественное. Этимъ самымъ онъ несетъ на себѣ печать нравственности. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, смотрѣть на Разумъ, какъ на тѣнь, какъ на обманчивую абстракцію чувственнаго, а должны видѣть въ немъ высшую, соединяющую всѣхъ насъ, форму жизни.

Разумъ есть поистинѣ высшая всеобъединяющая жизнь, есть «Логосъ», о которомъ говорится въ началѣ Евангелія отъ Іоанна.

Эта всеобъединяющая божественная жизнь есть въ то же время — Любовь. Тотъ, въ комъ живъ свѣтъ Разума, знаетъ, что сущность Разума и сущность Любви — едина. Если Разумъ является образомъ вѣчности и безконечности, ибо законы его свѣтятъ внѣ пространства и времени—и неразумно стараться составить его изъ конечнообразнаго, — то также и Любовь является образомъ безконечности и вѣчности.

Такимъ образомъ, Разумъ и Любовь представляютъ собой явное, живое Божество, за которымъ не скрывается никакого мистическаго существа.

Божественная тайна, которую мы должны искать въ самопознаніи, есть Разумъ и Любовь. Сущность жизни нашей въ Разумѣ и Любви. Мы исходимъ отъ нихъ, какъ лучи отъ солнца.

Какъ солнечный свѣтъ дробится въ безчисленныхъ оттѣнкахъ радуги, такъ разсѣивается божественная жизнь Разума въ безчисленныхъ духовныхъ индивидуумахъ, которые являются лучами божественнаго свѣта.

Только въ самопознаніи открываются высшія формы жизни, и только то, что дано нашему внутреннему существу, есть самое положительное, самое несомнѣнное, самое намъ доступное и извѣстное. Въ то время, какъ современный человѣкъ думаетъ, что наиболѣе извѣстное, наиболѣе достовѣрное есть внѣшній, чувственный міръ, Толстой рѣшительно отвергаетъ это положеніе.

Самое извѣстное, самое достовѣрное есть наше познаніе о божествѣ, о добрѣ, о благѣ, о любви, которое есть самое внутреннее изъ внутренняго, между тѣмъ какъ о внѣшнемъ, физическомъ мірѣ, лежащемъ внѣ нашей внутренней жизни, мы знаемъ только промежуточнымъ путемъ, черезъ отраженія нашего внутренняго существа.

Высшая форма жизни можетъ быть только въ такомъ соотношеніи съ низшей, чтобы высшая содержала въ себѣ низшую, подобно тому какъ объемъ содержитъ въ себѣ поверхности, линіи и точки*).

Тайна міра должна разрѣшаться въ высшей формѣ жизни.

Объемъ нельзя представлять себѣ составленнымъ

*) Эта мысль выражена яснѣе въ моемъ „Gnosis“ и „Kritik der Philosophie“.

изъ точекъ и линій, но точки и линіи представляютъ собой существенные элементы объема, какъ высшей формы. Тайна міра разрѣшается только черезъ тайну любви. Въ этой живой любви лежитъ центръ тяжести міровоззрѣнія Толстого; весь свой паѳосъ онъ сосредоточиваетъ на вопросѣ о добрѣ и всеобщемъ благѣ. И въ этомъ лежитъ причина, почему Толстого еще до сихъ поръ обыкновенно считаютъ одностороннимъ моралистомъ. А между тѣмъ онъ самъ ясно изложилъ этотъ взглядъ въ своемъ сочиненіи «Религія и нравственность», въ которомъ онъ указываетъ, что нравственность должна основываться на возвышенномъ міровоззрѣніи и что мораль, независимая отъ міровоззрѣнія, безплодна, подобно сорваннымъ цвѣтамъ, которые дѣти втыкаютъ въ песокъ.

Желанія и поступки обусловливаются оцѣнкой. Чѣмъ выше мы ставимъ человѣка, тѣмъ больше мы его должны уважать и любить.

Теологія такъ же, какъ и матеріализмъ, развращаетъ человѣка, такъ какъ она унижаетъ его. Изъ глубины міровоззрѣній исходитъ благо, духовное солнце, которое не только свѣтитъ, но и грѣетъ. Въ тайникѣ души добраго человѣка міровоззрѣніе таитъ въ себѣ богатства познанія, подобно лепесткамъ въ бутонѣ розы. И важно для міра, чтобы бутонъ этотъ распускался въ лучахъ солнца Разума. Только тогда разсѣятся лжеученія теологическихъ догматовъ и матеріалистическихъ теорій, которые отравляютъ души.

Возвышенныя поученія нагорной проповѣди, велича-

вая, проникающая ихъ кротость — покоятся на идеѣ божественной природы человѣка: только для Богочеловѣка внутри насъ имѣютъ смыслъ эти заповѣди.

Любовь, однако, не только величіе, но и смиреніе, и она — величіе потому, что она — смиреніе. Богъ не есть какое-либо особое индивидуальное существо, подобно другимъ индивидуумамъ, но Онъ есть первичное, сверхъ-индивидуальное единство всей духовной жизни, всѣхъ индивидуальностей. Въ Богѣ мы любимъ, такимъ образомъ, не какое-нибудь особое, отдѣльное существо, а всеединство жизни. Только въ подчиненіи этому единству жизни, въ служеніи всѣмъ и лежитъ высшее проявленіе единичнаго существа.

Толстой прекрасно воплотилъ эту сверхъ-индивидуальную природу Божества въ томъ народномъ разсказѣ, гдѣ Христосъ появляется въ образѣ нѣсколькихъ бѣдняковъ въ «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ».

Въ каждомъ человѣкѣ должны мы найти лучъ этого божественнаго свѣта, какъ бы ни былъ онъ заслоненъ. Освободить его отъ гибельныхъ оковъ темноты — въ этомъ наша единственная обязанность по отношенію къ ближнему.

Насиліе надъ человѣкомъ, какими бы высшими соображеніями оно ни оправдывалось (это самое ложное заблужденіе), унижаетъ лишь насъ самихъ до звѣрства, до оскорбленія Божества.

Всѣ истинныя блага находятся внутри насъ, и высшія изъ нихъ свѣтятъ въ насъ свѣтомъ безпредѣльности и вѣчности.

Возвысить себя до высшей жизни есть наша жизненная цѣль. Но этой цѣли мы можемъ достигнуть только въ полной смиренія работѣ, которая равняетъ всѣхъ людей, потому что всѣхъ освящаетъ.

Тотъ трудъ, который обыкновенно считаютъ низменнымъ, трудъ физическій и особенно земледѣліе, представляетъ собой неизбѣжную основу выполненія нашего земного призванія. Въ то же время трудъ земледѣльца является наиболѣе естественной и здоровой работой. Пренебреженіе къ работѣ на землѣ происходитъ оттого, что люди, стремясь къ внѣшней власти и чувственнымъ наслажденіямъ, стараются высокомѣрно возвыситься надъ своими братьями и, такимъ образомъ, удаляются отъ высшей, божественной жизни. Такое стремленіе неизбѣжно связано съ исканіемъ внѣшняго блеска, съ обманомъ народа и роскошью. Нашъ мнимый успѣхъ цивилизаціи состоитъ, собственно, въ томъ, что комедіанты и тунеядцы, которые раньше играли роль только въ привилегированныхъ классахъ, заполнили всѣ слои общества.

Это ведетъ къ тому, что у народовъ, охваченныхъ этой заразой, трудъ становится все менѣе и менѣе производительнымъ.

Съ парламентаризмомъ становится всеобщимъ тотъ обманъ народа, который прежде составлялъ привилегію высшихъ правящихъ слоевъ. Идущіе далѣе по этому пути народы сдѣлаются, наконецъ, неспособными собственными силами поддерживать свою жизнь: они станутъ разбойничьими народами, живущими воен-

нымъ и торговымъ грабежомъ другихъ народовъ; и ихъ ожидаетъ страшная катастрофа, когда ограбленные народы въ концѣ-концовъ стряхнутъ свое иго.

Эта точка зрѣнія Толстого указываетъ совершенно новые пути въ области политической экономіи, которая до сихъ поръ имѣла въ виду лишь эксплоатацію рабочихъ классовъ.

Толстой указалъ Архимедову точку опоры. Христіанская мысль о благѣ есть единственная сила, способная освободить міръ.

Мы вышли бы изъ узкихъ границъ этого очерка, если бы захотѣли почтить Толстого какъ художника, который свои великія идеи, потрясающія всѣ основы нашей современной культуры и пролагающія новые пути къ болѣе благородной формѣ общественной жизни, старался провести въ общественное сознаніе въ такихъ изящныхъ и въ то же время глубокихъ образахъ.

Укажемъ здѣсь только на его народные разсказы, на «Воскресеніе» и на тотъ сборникъ, гдѣ онъ, на ряду съ изреченіями мудрецовъ всѣхъ временъ и народовъ, помѣстилъ и свой дивный разсказъ «Божеское и человѣческое», въ которомъ съ такимъ необычайнымъ захватомъ раскрыты тайны неба и преисподней.

Eugen Schmidt.

СОДЕРЖАНІЕ.

М. П. Новиковъ. Письма крестьянина 1
Д-ръ П. Карусъ. Дань Толстому 50
Кн. Д. Д. Оболенскій. Отрывки 53
Феликсъ Ортъ. Толстой въ Голландіи 64
И. И. Поповъ. Л. Н. Толстой и духоборы 68
П. П. Петерсонъ. Изъ записокъ бывшаго учителя . . . 78
И. Петроне. Левъ Толстой 95
Марсель Прево 98
М. П. Пчельниковъ. Изъ дневника 99
Жоржъ Ренаръ. Изъ письма 114
В. Розановъ. Поѣздка въ Ясную Поляну 115
Шарль Саролеа. Толстой какъ реформаторъ 125
П. С. Двѣ недѣли въ Ясной Полянѣ 137
Кн. А. И. Сумбатовъ. Три встрѣчи 168
Абдуллахъ-аль-Мамунъ Сухраварди. Индусъ о Толстомъ . 175
Проф. В. Ф. Снегиревъ. Операція 178
Г. С. Тамура. Вліяніе на меня Толстого 190
Току-Томи. Отзвукъ изъ Японіи 196
Гр. Л. Л. Толстой. Изъ дѣтскихъ воспоминаній 199
О. Н. Фельдманъ. Отношеніе Толстого къ гипнотизму . 208
І. А. Форбесъ. Изъ письма 215
А. В. Цингеръ. У Толстыхъ 216
А. Г. Четти. Графъ Левъ Толстой 246
Евгеній Шмидтъ. Культурное значеніе произведеній Льва Толстого 252

PG
3385
S392
1911
t.2

Sergeenko, Petr Alekseevich
O Tolstom

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 06 02 13 011 2